1 - За точку отсчёта можно взять что угодно - результат от этого не изменится

Пятьдесят пять. Пятьдесят шесть. Пятьдесят семь… Колет в боку. Стена шершавая – и руки не скользят, только штукатурка забивается под ногти и летит в глаза. Они не виделись две недели, так почему этот мудак никак не кончит?

– Ты всё равно… собираешься туда… пойти?..

Отлично, ещё и разговорчики во время секса.

– Да.

«Что-то имеешь против?»

Тяжесть наваливается на поясницу, толчки становятся жёстче и резче. Нет, в следующий раз им непременно нужно будет поменяться.

***
Несколько дней спустя, в Накано…
***

Дом огромный. Звуки разносятся далеко. А всё потому, что стены и двери из бумаги – старые и древние – как и всё здесь. И вещи, и люди, и образ мыслей. Но лишь вековой клён с огромной кроной за окном не вызывает раздражения, особенно сейчас, когда листья начинают краснеть и вот-вот полетят…

– Шинске!

Ну что ещё? Разве мало того, что он тут сидит?

– Есть возражения?

Прежде чем ответить, Шинске переводит взгляд с отца на двух парней, стоящих перед ним на коленях. Точнее, один, с длинными и блестящими как у девки волосами, сидит в почтительной позе, а второй – белобрысый… нет, не совсем, словно с сединой в волосах – еле удерживается, чтобы не упасть. И если на первом нет ни царапины и руки свободны, то у второго подбит глаз, кровь стекает с виска и разбита губа, а грудь и запястья стягивают веревки.

Ну, и… что это за чучела? И почему у него могут быть возражения? Шинске вообще не слушал разговор и не в курсе, в чём их обвиняют. Отец вынес наказание? Ну и чёрт с ними.

– Нет.

На суровом лице главы небольшого клана проступает недоверчивое выражение. Вечная

морщинка между сведённых бровей разглаживается, но совсем ненадолго. Но Шинске успевает понять, что сглупил. И что идти на попятный уже поздно, тем более перед отцом и его помощниками, собравшимися сейчас в этом «приёмном» зале, на самом деле мало чем отличающемся от других комнат, разве что размерами... Сначала лучше разобраться, во что вляпался, а то… может, само рассосётся?

– Развяжите его, – кивает отец.

– Но… Такасуги-сама! – отчего-то решается возразить Такечи.

Но его тут же перебивает смешок, донесшийся от связанного пленника:

– Наконец-то… а то у меня пятка зудит – сил нет, хотел уже попросить почесать.

Такечи обнажает нож и с подходит к нему с таким видом, словно собирается перерезать не веревки, а глотку. А ведь обычно спокоен, как удав. Видимо, этот не умеющей держать язык за зубами человек, больше похожий на бродячего пса и смеющий скалиться даже сейчас, доставил ему немало хлопот. Интересно, почему отец просто не прикажет проучить его и вышвырнуть вон?

Но все вопросы потом.

– Отец, если я больше не нужен…

Кивок. Но стоит подняться с почётного места рядом с главной клана и направиться к выходу, как провинившаяся парочка тоже оказывается на ногах и пристраивается позади.

– Нидзо, во что я вляпался?

Коридор узкий, телохранитель идёт совсем близко, поэтому Шинске спрашивает, понизив голос – ещё не хватало, чтобы его услышали те, чьи шаги он почему-то едва различает. Отстали? Взгляд через плечо. Нет.

– Ваши новые слуги, Шинске-сама.

– Тц… И кто они?

– Вы совсем ничего не слушали?

– Заткнись. И отвечай.

– Кацура Котаро, ваш ровесник, восемнадцать лет, недавно попал к нам в уплату долга. Был отправлен в мужской ночной клуб на отработку, но после первого же дня его нам вернули.

Шинске вновь оглядывается, замедляя шаг, и уже не скрываясь бросает оценивающий взгляд на длинноволосого. Очевидно, что Нидзо говорит о нём, потому что второй на восемнадцать лет не тянет ну никак.

– Выглядит прилежным.

Оба следующих по пятам останавливаются в нескольких шагах, но, когда он вновь отворачивается и пускается в путь по бесконечному коридору, за спиной возобновляется еле слышное поскрипывание половиц.

– Это специфический клуб, Шинске-сама. Для мужчин, предпочитающих мужчин.

– О… а второй?

– Саката Гинтоки, двадцать шесть лет, без определённого места жительства и рода занятий. Мастер семи оружий.

– Ха-ха… Кто?

– Так говорят.

– А чего же тогда он побитый такой? Ни одного из «семи оружий» под рукой не оказалось?

Последние слова Шинске произносит, остановившись у поворота, достаточно громко, чтобы их услышал не только этот Саката, но и все желающие, в том числе и слуги на кухне за стенкой. Но никакой особенной реакции на провокацию не добивается – «мастер», вновь замерший вместе с другим парнем в нескольких шагах позади, чешет пузо и даже не собирается поправлять съехавшее с одного плеча кимоно, разве что на миг опущенные уголки распухших губ его вздрагивают, приподнимаясь… но света недостаточно, чтобы точно определить выражение, проступившее на лице сквозь показное равнодушие.

– Тц… – Шинске сворачивает за угол, там, в конце коридора, его комната. – И я согласился на то, чтобы они мне прислуживали?

– Именно так, Шинске-сама.

Подозрительно… С чего бы это отцу подсовывать ему посторонних? Тем более, если решение было принято только что, сакэ они распить не успели, а, значит – пока не члены семьи.

– Этот Саката нам что, тоже должен?

– Если только десяток зубов и сломанных костей. Ребята не поделили с ним что-то сегодня в торговых рядах.

Ладно, с этим немного понятно. Возможно, отец предложил ему прекратить страдать фигнёй и поработать на себя. Раз уделал кого-то из семьи, значит, не совсем лузер. А вот второй, гордый недотрога, на кой чёрт сдался?

Наконец, вот и дверь в его комнату. В животе пустота, но до ужина ещё далеко.

– Ладно, чёрненького ко мне, а «мастера» отошли куда-нибудь. Точно. Пусть с ребятами ещё пообщается... И, да, я хочу принять ванну.

– Как прикажете.

Во всём доме, только в его комнате есть компьютер, и чтобы провести сюда интернет десять лет назад, ему пришлось пожертвовать многим. И пока Шинске печатает, его новый слуга покорно сидит у двери – собранные в высокий хвост на затылке волосы спадают на плечо, глаза закрыты. Полы кимоно немного разошлись на груди и видно горлышко фиолетовой футболки. Смело.

– Эй, как тебя зовут?

– Кацура Котаро, господин.

Сейчас, когда тот смотрит так прямо, Шинске начинает понимать, почему его отправили в клуб «для мужчин, которые предпочитают мужчин», и почему у него там могли возникнуть проблемы. Просто, несмотря на почти женскую красоту и показную покорность, на дне его тёмных глаз плещется море. Они с ним чем-то похожи. Шинске тоже старается вести себя так, чтобы не вызывать неудовольствия отца. Но это не значит, что он позволит делать со своей жизнью всё, что тому вздумается.

В том числе – подсовывать ему всяких слуг. И он избавится от них точно так же, как и от предыдущих.

– Пошли, Котаро, потрёшь мне спинку.

***
В это же время, на другом конце Токио…
***

– Ну, здравствуй.

Сигарета выпадает изо рта открывшего дверь мужчины, но не долетает до порога, тот пытается поймать её, обжигается – и окурок перелетает через плечо Сого, прямо в мусорный бак. Судя по звуку.

– Окита? Сого? Ты? Что ты здесь?..

– Сбежал. Так и будешь держать меня на пороге?

Приходится пойти напролом, кто знает, сколько Хиджиката Тоширо собирается стоять в дверях и хлопать глазами, глядя на него, как на внезапно материализовавшуюся в холодильнике

банку майонеза. Хотя, что-то особой радости не заметно.

В коридоре накурено. Протопав в комнату и распахнув окно, Сого обводит холостяцкий бардак внимательным взглядом. И как только один человек смог устроить такой бедлам? Честно говоря, полицейский представлялся ему более аккуратным, скорее даже помешанным на порядке и чистоте… Хотя, вон, фартук напялил. Убираться собрался? Перед чьим-то приходом?

– Где у тебя туалет?

– Т-там…

Нет, Тоширо не заикается, это Сого, уже выходя из комнаты, врезался ему в грудь плечом.

Ага, ванная. Две зубные щётки, шампунь для светлых и вьющихся волос с маслами и витаминами… круглая расчёска. А вот и сами волосы.

– Это…

Внезапно раздавшийся за спиной голос заставляет табун мурашек окончить жизнь самоубийством, сбросившись в открытый унитаз. Но что бы там Хиджиката не собирался сказать, Сого это не интересно.

– Где я буду спать?

– Сого, ты должен вер…

– Я не вернусь.

Постепенно, песчинка за песчинкой, лицо Тоширо суровеет.

– Ты понимаешь, что только причиняешь всем беспокойство?!

– И тебе?

– Ты же ещё ребё…

– Я не ребёнок.

– Тебе ещё шестнадцать! И по законам этой страны…

– … которые ты поклялся чтить и защищать…

– Не перебивай меня!

– Как скажешь. Я голоден.

– Прими душ, я пока позвоню в приют… Завтра отправишься обратно на первом же

автобусе!

Дверь захлопывается. Сого берёт в руки круглую щётку для волос и медленно вытаскивает из неё светлый, серебряный волос.

– Не дождёшься… Интересно, кто эта сучка?

2 - Не помогай, если боишься остаться крайним

Оябун, кумичо – глава клана, семьи якудза, шеф, отец, начальник.
Сятей – командир группы боевиков.
Аники – брат.

– Какая тварь…

– Что-то случилось?

В вопросе, заданным слугой, не слышно ни капли участия или беспокойства. Впрочем, Шинске и не удивлён. Этот хотя бы не лебезит, стараясь угодить сыну оябуна и наследнику одной из сотни семей якудза, вместе образующих второй по численности клан в Японии.

Разозлило Шинске другое. Кто-то посмел выставить температуру воды в сорок пять градусов!

– Выключи. Пусть остынет.

– Господин предпочитает похолоднее?

Развязывая пояс, Шинске косится через плечо. Кацура неподвижно стоит перед висящим на стене дисплеем и рассматривает его. Эту умную технику отец вообще устанавливать отказался, но, когда узнал, что вода не будет остывать хоть несколько часов, хоть несколько дней – быстро сдался.

– Не знаешь, куда нажимать?

– Конечно же, знаю... господин.

И тыкает в кнопку.

– «Объем воды будет увеличен в десять раз через тридцать три секунды», – тут же отвечает женским голосом панель управления бройлера.

– Ты идиот?

Хлынувшая из ванны вода сносит перегородку в раздевалку и заливает ноги.

– Простите, – выдыхает Кацура и тут же снова тычет в дисплей.

И цифры на нём вдруг мигают. И стремительно начинают сменяться: «55»,«70»,«85»...

Шинске даже не успевает ещё разозлиться, как дисплей вдруг гаснет вообще. И по чёрному корпусу проносится жёлтая искра.

«Вот и помылся…»

Мысль ещё тянется в голове, а по ногам вдруг ударяет бревно, зад несётся к мокрому полу, вот-вот готовый получить разряд тока… но вместо жёсткой плитки под ягодицами оказывается почти мягкий пластик. Жалобно скрипнув, вторым пинком перевёрнутый таз и восседающий на нём голой задницей Шинске вылетают из ванны, вынося собой дверь.

Но, перескочив порог, таз и не думает остановиться. Пока не влетает на кухню. Под взоры одной поварихи и её двух помощниц.

Под визги и писки, Шинске поднимается с таза и захлопывает кимоно. Пояс остался где-то там, в ванной на полу. Как и слуга, посмевший пинком отправить его в увлекательную поездку.

– Заткнитесь.

В коридоре ждёт уже Нидзо. Слепой телохранитель. Шинске и от него бы давно избавился, но…

– С вами всё в порядке? Что случилось?

На снесённой двери стоит Кацура. Слабые искорки ещё пробегают по распустившимся волосам, а рука судорожно цепляется за целый деревянный косяк. Но уже в следующий миг он валится на пол. Плашмя.

Главный дом, он же – штаб, настолько большой, что в нём могут одновременно уместится все члены семьи. Конечно, у них есть свои собственные жилища, но часть постоянно дежурит в штабе – в противоположенной от комнаты Шинске части дома. И для Шинске все они «братья». Но, когда… точнее, «если» он займёт место главы – то станет для них «отцом».

Ну не бред ли?

– Добро пожаловать, молодой господин. Какими судьбами?

Здесь накурено, воняет потом и чем-то прокисшим. На полу раскиданы карты, но пустые бутылки аккуратно выставлены вдоль стены. На лицах мужчин от двадцати до сорока пяти лет расплылись улыбки.

– Как новичок?

– Да что с ним сделается? – Рисуноске, сятей дежурящей сегодня группы, пожимает плечами, от чего выбитый на них дракон будто подмигивает, и кивает себе за спину. – Ну, помяли немного, в память о прошлых обидах, да и забыли.

«Мастер семи оружий» обнаруживается в этой же огромной, в шесть татами, комнате, забитой якудзами. В углу у большой вазы с засохшей икебаной. Сидит, грустно поджав колени к груди, почти голый, в одних только боксёрских трусах. Розовых. В красную ягоду. А одежда его уже распределена между новыми «братьями». Вон, один натянул белое кимоно с голубым узором на состоящее из одних только мускулов тело, другой, объёмами поскромнее, накинул чёрную рубашку на плечи. А сапоги, значит, в самом разгаре делёжки – стоят между игроками, отложившими карты.

– Ри-тян... Вообще-то, это мой новый слуга. И что, предлагаешь ему со мной в таком виде разгуливать?

– Вот и я говорю, не лето уже, – тут же вклинивается «мастер». – Я же себе все шарики отморожу.

– Шинске-сама… мы же не знали… – начавший уже лепетать оправдания, Рисуноске резко оборачивается. – На кой ему сдались ему твои шары, баран?! – и снова самым подобострастным взглядом смотрит на Шинске. – Сейчас всё вернём! Будет как новенький!

– И честь, – не унимается Саката, – честь мне верните!

– Не бреши. Чего не брали, того…

Не дослушав, Шинске выходит на веранду. Из небольшого пруда доносится всплеск – и белая рыба, сверкнув красными плавниками, ныряет обратно. А за спиной открывается и закрывается дверь.

– Звали?.. господин…

И снова кимоно надето неровно, явно специально спущенное с плеча. Зато так отлично видно сильную руку – развитую, но не перекаченную, как у многих боевиков. А ещё у мужчины мускулистый живот, хоть под растянувшейся рубашкой этого и не видно, но в комнате Шинске успел его тело хорошо рассмотреть.

– Кто вы?

– Ваш слуга… Эм, господин, вам не кажется, что я воняю?

Зарывшийся носом в подмышку… не смотря на внешний вид, отвратительно жалкий и наглый, с высветленными и выкрашенными волосами… «мастер» весьма удручает. Но, если Кацура хотя бы старался притворяться, то в голосе этого усмешка звенит неприкрыто. А заглянешь в глаза – не разглядишь ничего, кроме красной бессмысленной мути.

– Что-то не так?

Вздёрнутая бровь, удивление.

«Что, нельзя посмотреть?»

– Что конкретно вы желаете увидеть? – вкрадчивый голос.

Он что, сказал это вслух?

– Кхм... Почему тебя зовут мастером семи оружий?

Волнистые волосы на фоне заката. Блестят. Словно металлические нити. Блуждающая улыбка сползает вбок, розовый язык мелькает между почему-то ещё целых зубов, и кончик трогает корочку запёкшейся крови.

– Потому что… я владею… семью…

– И какими же?

Оставив губу в покое, «мастер» усаживается на веранду и укладывает ногу на ногу. Вытягивает руку. И начинает считать:

– Лук. Копьё. Боевой шест. Длинный меч. Короткий меч. Нож. Веер…

Загнутыми оказываются только шесть пальцев.

– А седьмое?

Вместо ответа «мастер» сжимает и разжимает кулак.

– Ещё вопросы, господин?

От того, как он произносит этого «господина», Шинске каждый раз очень хочется взять его за горло и проволочь вокруг дома. Кругов эдак сто.

– Как зовут тебя?

– Гинтоки. Саката Гинтоки.

– Так вот, слушай сюда, Гинтоки Саката. Сейчас ты пойдёшь к отцу и передашь, что его сыну достаточно всего одного телохранителя. А потом возьмёшь своего дурного напарника и свалишь в туман. Всё понял?

Шинске не смотрит на него, он смотрит на клён. Тот, как обычно, лишь слегка шелестит листьями – величественный и непоколебимый. Переживший и ураганы, и землетрясения, и пожары, и наводнения. И вспоминает широкие плечи того… кто любил стоять там, прямо под ним, глядя на небо.

– Простите, господин. О каком напарнике вы говорите?

Отлично, хотя бы не отрицает…

Стоп, что?

Когда Шинске оборачивается к слуге, всё ещё смеющему нагло сидеть, когда сам он стоит, то уже больше не видит ни намёка на улыбку или снисхождение. Саката Гинтоки на него лишь внимательно смотрит. Прямо и честно.

И становится ясно, что притворятся тот не умеет. Или же в этом деле истинный мастер.

– Котаро. Кацура. Парень, с которым тебя сегодня назначили…

– А-а-а… – Гинтоки чешет в затылке. – Первый раз его вижу. Кстати, где он?

Как? Значит, они не вместе? Но то мастерство… То, как Кацура выпнул его из ванны, не дав попасть под удар тока – разве люди так поступают, если им за это не платят? Только если кто-то из своих, готовый живот положить за наследника… Но, кроме Нидзо, никто из этих ребят не сумел бы всё это так быстро проделать. И уж точно подобного не ожидаешь от должника, попавшего рабство.

– За мной.

Снова ступив на веранду, Шинске отодвигает в сторону дверь.

– Ри-тян, где мой второй… как его… Кацура?

Рисуноске, уже успевший увеличить количество пустых бутылок рядом с собою на две, икает и тут же пытается прикрыть рот рукой.

– М-молодой господин! Ну, к-как же где? Наказать же… его же… надо же.. же?..

Так-то оно, может, и так…

– Где?

– В подвале! – вскочив, Рисуноске даже почти не качнулся. – Привести, Шинске-сама?

Шинске мотает головой.

– Пошли.

В подвале он… не был ни разу. Но, конечно же, знает, где тот находится – и в котором хранятся продукты, и в котором пытают людей. Они рядом, вход на заднем дворе. Когда открывается скрипучая дверь, из подпола по глазам бьёт яркий свет, а в ноздри проникает запах металла. И почему-то сделать шаг вниз по лестнице удаётся не сразу.

Бетонные стены. Разбитый плафон. И человек, привязанный к стулу.

Длинные волосы закрыли лицо. Но не раны. Плечи, грудь – одна синева, залитая красным. В руках дознавателя бита.

– Джибо… что… происходит?

– Шинске-сама? Что вас привело?

На Кацуру Котаро страшно смотреть. Что-то тянет и давит в груди. И вдруг тот поднимает глаза… Один уже совершенно заплыл, а в другом… К пересохшему горлу поднимается ком.

– Джибо, развяжи его.

– Простите, но я не могу.

– Что?

Шинске смотрит на оставшегося стоять в стороне Рисуноске.

– Ри-тян?

– Приказ кумичо. Мы должны выяснить, зачем он сделал это.

– Сделал что?

– Пытался убить вас.

«Пытался что?!» Вдох. Выдох.

– … я… – слабый голос со стула, – не…

На большее Кацуру не хватает.

– Не гони мне тут!.. – рявкает Джибо.

Но вдруг глаза его начинают выползать из орбит, а рука с замахнувшейся битой остаётся занесённой высоко над головой.

– А это ещё что за хер?!

Мышцы вздуваются, ноздри трепещут… Но тут Гинтоки разжимает пальцы на его запястье и обходит.

– Ай-яй-яй… – садится у стула на корточки, берётся за подбородок избитого парня и поворачивает его так и эдак. – Ну что же вы… он же теперь ничего не расскажет.

– У меня… – голос Джибо переходит на рык, – все говорят. Рано или поздно…

– «Поздно» нам не надо, – Гинтоки смотрит Шинске прямо в глаза. – Верно, молодой господин?

На что он?..

Но тот уже повернул голову к Рисуноске:

– Вам приказано выяснить причину, не так ли?

Ри кивает, а Джибо косится в сторону. И Гинтоки продолжает, вставая и вытирая об колено ладонь:

– А что, если панель была неисправна? Шинске… -сама, вы лично видели, на какие кнопки нажимал ваш слуга?

– Нет, не видел.

Это правда. Кацура стоял у панели, закрывая обзор.

– То есть, он мог нажимать и на нужные кнопки?

– Наверное… мог.

Что он пытается сделать? Оправдать Кацуру? Но говорил же, что не знает его.

– Шинске-сама, кто этот выскочка? – не выдерживает Джибо. – Почему вы позволяете ему?..

Но терпение Шинске тоже на грани:

– Помолчи!

Хоть этот приказ он может исполнить?

А Саката пускается в обход комнаты по кругу, замедляя шаг у Джибо за спиной – там, на столе лежит ржавая пила. Присвистнув, он вновь переводит взгляд на Шинске:

– По дороге сюда вы, господин, упомянули, что температура воды была установлена не та?

– Да.

– Тогда, – ладонь его ложится Джибо на плечо и тот немного даже приседает. – В ваши чудные головки не приходила мысль, что сначала неплохо бы найти того, кто занимался ванной?

Мгновения тишины и льющийся с лица громилы с битой пот. И немое обещание в его глазах. Что же, Сакате не повезло нажить себе врага. Но пока Шинске здесь, Джибо будет держать себя в руках.

– Я сейчас!

Рисуноске исчезает. И Шинске чувствует, что может сделать шаг, а то застыл на входе, словно кровью его можно напугать. В конце концов, он родился здесь и вырос. Пусть именно сюда пока и не спускался, но его собственный кулак не раз пускался в дело, когда того желал отец, так что выбитых зубов, поломанных костей и отрубленных частей, не очень нужных телу, он повидал намного больше, чем хотел.

Но этот парень, его ровесник, по сути спасший ему жизнь – и так его избить? Да, этого он от своих не ожидал…

– … зачем… – снова слабый голос, – …ты?..

Целый глаз сквозь слипшуюся чёлку смотрит не на Шинске, а на мужчину за его спиной.

– Я за добро и справедливость, – в ответ давит лыбу Гинтоки Саката. – К тому же, разве ты не видишь, что наш юный господин взволнован?

– Я не!..

Топот, скрип, тонкий вскрик – вниз по лестнице в подвал спускается Рисуноске, рукой зарывшись в прическу девушки-служанки. Отпускает.

– А-а-ай!!!

Та падает на пол, прямо под ноги.

– Ты настраивала бройлер в ванной? – сделав шаг назад, спрашивает Шинске. – Для меня?

– Й-я, господин…

В её волосах сверкает розовым заколка, а ведь правилами дома это запрещено. Недавно нанята? Ещё не знает? Но ведь в прислугу не с улицы берут…

– И как? Панель работала нормально?

– Д-да, господин!

– Значит, это он! – вновь поднимает биту Джибо, скаля зубы. – Я же говорил! Ну, уж он у меня попляшет…

– Подожди, – Шинске делает всего один короткий шаг и стул с Кацурой оказывается у него

за спиной. – Эй, – снова смотрит на девку. – Ты, не видела кого-нибудь ещё? Мог кто-то покопаться в управлении потом, после тебя?

Девица опускает взгляд, сжимает ворот на груди и косится…

– Только его! Когда я выходила, этот человек шёл по коридору! Он мог…

Теперь у Гинтоки Сакаты заломлена рука. Та самая, что так надолго задержалась на чужом плече. А оскал Джибо с становится всё шире. Но через миг, извернувшись, заставив бугая согнуться пополам, «мастер» уже качает головой и дует на своё запястье.

– Эй-ей-ей-ей! Вот так и помогай другим… Сам очутишься в дураках.

А Джибо уже тянется к пиле.

– Джи-тян!

Лёгкий вздрог, поднятый взгляд. Никто, даже Джибо, не любит, когда Шинске обращается так. Тень колебания на лице. Наконец, вздох и кивок.

– Во сколько это было? – Шинске прикрывает один глаз, косится на «мастера». – Нидзо же передал тебе приказ? – вновь открывает оба и смотрит на сятея. – Ри, когда он к вам пришёл?

– Около пяти.

И тут Гинтоки Саката начинает пятиться к лестнице, назад.

– Ребята, так не честно! Подумайте сами – если я это сделал, зачем мне пытаться оправдать другого?

– Я этого… не делал, – тихо, но отчётливо вновь заявляет Кацура Котаро. – Значит, это ты…

– ... куда собрался? – тихий голос.

Прекративший отступать, Саката замирает. Поднимает руки. Наверно потому, что Рисуноске приставил нож к его спине.

– Никуда! Я просто передумал! Преступник – Кац…

Вдруг скрип ступеней сверху.

Оба отступают, чтобы пропустить отца. И в подвале сразу же становится темнее. Шинске сжимает зубы и смотрит в глубоко сидящие глаза.

– Что здесь за балаган?!

– Позволь мне… – отлично, голос твёрдый, ровный. – Разобраться с этим самому.

Но отец переводит взгляд на Рисуноске.

– Ри-кун?

– Данна, возможно, никто не виноват, – отвечает тот из-за плеча Сакаты. – Что-то могло просто сломаться…

– А я ведь говорил! От этой техники… одни лишь беды!

Сплюнув на пол, отец качает головой. И снова скрип ступеней. Уходит. Но Шинске сильней сжимает зубы и опускает, прячет глаза. Как же его всё это достало.

– Развяжите. И в комнату ко мне. И врача...

А Гинтоки склоняет голову к груди и косо смотрит на сятея.

– Эй, «аники», скажи, зачем тебе всё это?..

Тот отводит взгляд. И проводит рукой по ёжику волос.

– Шинске-сама, я вызову специалиста. Пусть техник глянет, что там случилось… А этих, прошу, пока разрешите подержать под присмотром.

***

Они ужинают в тишине. Кацудон и майонез, много майонеза…

А в комнате теперь чистота. Хотя, пахнет дымом – не никотином. Тот мусорный бак всё-таки загорелся от улетевшей в него сигареты, и Хиджиката потратил пол дня на объяснения сначала с пожарными, а потом и с соседями.

«До чего же… жалкий ты человек, Хиджиката»

– Я звонил в приют.

– Понятно.

– Я не знал, что тебя усыновили.

– Угу.

В конце концов, не так уж и трудно сделать вид, что тебе нравится эта собачья еда. Жирно. С кислинкой. Словом, один майонез.

– Зачем ты приехал?

Заданный в лоб вопрос… Раньше он не был на это способен. Лишь мямлить и без конца извиняться.

– Узнать, как ты поживаешь. Оплакиваешь ли ещё мою сестру. Но, похоже, шуры-муры крутить тебе никто и ничто не мешает, так что, не волнуйся, скоро уеду.

Один долгий глоток. Видно, как ком пищи проходит по горлу. И Тоширо отставляет пустую пиалу, аккуратно кладёт сверху палочки, а взгляд его, и так-то суровый, обращается в камень. Синий сапфир.

– Думаешь, я забыл?

– А, разве, нет?

Нет, не мог он забыть. Так казалось.

Хотя, точно так же Сого был когда-то уверен, что никогда и ни за что не сможет простить.

– Куда ты пойдёшь?

– А тебе разве есть до этого дело?

– К-конечно! Разве могу я позволить несовершеннолетнему разгуливать неизвестно где!? Твоя… новая семья… ты с ними приехал?

«Если бы ты только знал…»

– Почти. Но, если честно, хотел немного пожить у тебя. Вспомнить… ну, знаешь, былое?..

«Ох уж эти сведённые брови, эта мука мыслительного процесса в каждой складочке лба… Какое же наслаждение просто за тобой наблюдать, Хиджиката…»

Мужчина не отвечает. Молча встаёт, собирает пустую посуду, несёт к мойке – она рядом, прямо за дверью, в прихожей. Эта квартирка мала и убога, но почему-то в ней довольно уютно.

Сого валится на пол и смотрит на горящий светильник. Что же, он приехал. Увидел. И убедился – это тот человек, которого любила сестра, и он почти не изменился. Но что же это за чувство, так похожее на обиду? Почему он вообще хотел его так увидеть?

Почему… так скучал?

3 - Упрямству и настойчивости лучше не встречаться

Стены в огне. Падает балка. Десятилетний мальчишка что-то кричит и рвётся из рук, но в ушах – лишь треск и грохот, а в глазах – дым и слёзы.

Путь на второй этаж перекрыт, пылают ступени, впереди рушится пролёт, потолок – сзади. Не вздохнуть, горло рвёт кашель. На выход! Но завал не перелезть. Горят волосы, кожа… Подошва плавится, но иначе балку с пути не убрать.

Живот ноет от ударов колена, спина – от острых локтей и кулачков.

Замок заклинило, ручка раскалена… Плечо – слабый таран. Пара попыток вышибить дверь – и пол тела превращается в один сплошной синяк.

Окно!

Занавески горят, как и покрывало, ребёнка не во что обернуть… Сдёрнув затихшее тело с плеча на грудь, Тоширо обнимает, прижимает к себе… закрывает глаза… и спина врезается в стену стекла. Поясницу рвёт на лоскутки, подоконник вцепился и не отпускает лодыжки, но Сого… уже снаружи, а не внутри.

Теперь бы Мицу найти. Её не было в гостиной. Но где? На втором этаже?

Пол под ногой проседает, откуда-то доносятся крики… Удар по спине, сдирающий кожу, и собственный злобный рык – на миг в дыме становится видно дверь. Дверь в подпол. Открытую… Но за локоть хватают. Он бьёт не глядя в ответ. И тут же получает под дых. Сознание меркнет. Но перед внутренним взором навсегда застывает тонкая девичья кисть. Почти дотянувшаяся до порога. И почерневший рукав нежно-розового кимоно…

– Убирайся!

В зелёной комнате с белыми окнами сильно пахнет краской. Сого одет непривычно – вместо футболки и джинсов, рубашка и плюшевый голубой комбинезон. Явно с чужого плеча и слишком мал. На стуле мальчишка сидит неестественно прямо. Светлые волосы, большие рубиновые глаза – совсем как были у Мицу.

Тоширо только что с похорон. Урны с пеплом даже некому было забрать. Мать, отец и сестра – у Сого не осталось теперь никого.

А у него самого? Дыра в сердце.

– Я бы мог приходить иног…

– Убирайся! – срыгнув со стула, брат Мицу хватается за деревянные ножки и уже поднимает его над головой. – Убирайся, убирайся!!! Уходи…

И он уходит. Из приюта, из города… а потом из страны.

Чужие горы, чужое небо, американская речь. Сначала Афган, потом переброска в Ирак. Их батальон в основном на доставке, но столько потерь… Жара, гнойные раны, бесконечные очереди чёрных пчёл, уносящие жизни друзей… Контракт со смертью. Пять лет войны.

И снова гражданка. Токио. Полицейский значок.

А через месяц – звонок.

– Я тут… устроился рядом. На хочешь по пиву?

– Гинтоки?.. Жив, засранец?!!

– А то ты не рад?..

Пьяный вечер, пьяная ночь… и утренний кофе в постель.

– Знаешь, а ведь я не такой...

А в ответ лишь ухмылка и майонез, выдавленный в капучино.

– То-ши-ро… – шелест ветра на ухо.

Мягкость кошачьих когтей, скребущая кожу. Укус.

– Отвянь, сладкоежка… я не хочу.

Но пальцы гуляют по телу, залезают под одеяло и ползут по бедру. Немного странно и не привычно, но проще раздвинуть ноги и попытаться снова уснуть – авось, тому надоест и сам отстанет. Но что за фигня? Горячие губы касаются члена. Тоширо открывает глаза и пялится перед собой в темноту.

Гинтоки сейчас не может быть здесь.

На фоне окна согнувшийся силуэт. Сого? Какого рожна?!

Уже начавшая подниматься рука падает назад, на постель, сгребая в кулак сброшенное одеяло. Его застали врасплох. Это так неправильно! Но так… хорошо.

– Сейчас же… прек-крати.

– А что, Хиджиката-сан, вам не нравится?

Разогнувшись, парень облизывает губы. Глаза блестят. И на миг…

«Митсуба»

Вскочив, Тоширо сбрасывает кимоно, натягивает штаны и рубашку. И минуту спустя хлопает дверью.

Уже почти утро, ему пора на дежурство.

***

Темно за окном, воет ветер и начинает накрапывать дождь. В углу комнаты, на столе, мерцает экран. Шинске сидит на полу, перед расстеленным футоном, и меняет Котаро повязку.

– «Я буду ждать тебя вечно», –плачет кто-то в дораме. – «Я вернусь! Обещаю!»

– Вам совершенно не… обязательно делать это… самому.

– Заткнись. И лежи.

У Кацуры Котаро красивое тело. Под мягкими линиями – стальные мышцы. Их не видно, но, если прикоснуться и провести по коже пальцами, можно почувствовать убегающих змей. Серьёзных ран доктор у него не нашёл, только пару сломанных рёбер, да выбитое плечо, но Шинске и эти не кажутся пустяком.

Проклятая семейка… Случись подобное в любой другой, Котаро обозвали бы дураком, да посмеялись. Хотя, в ином месте его бы не сделали и слугой из-за долгов.

Скомканные бинты брошены в урну.

Котаро упёрся в пол целой рукой – вторая на перевязи, пока плечо не пройдёт – и Шинске, обняв за плечи, помог ему сесть. Плотная ткань ложится на рёбра. Врач велел стянуть их как можно плотнее и крепче, но Котаро молчит, словно не чувствует боли.

– Расскажи о себе, – просит Шинске.

– О чём?

– Я не знаю... Где ты родился? Где вырос? Зачем… тебе деньги?

– Не нужно…

– Что?

– Не нужно вам, молодой господин, забивать себе голову чужими делами.

«Ах, ты…»

Затянув узел, Шинске толкает парня в плечо – и тот валится обратно на постель. Скрип зубов. «То-то же. Цени мою доброту.»

– Я бы на твоём месте вёл себя повежливее.

– Простите, – взгляд, направленный на потолок, голос без какого-либо выражения. – Но вы никогда не были на моём месте. И никогда не будете.

И как это понимать?

Шинске бросает взгляд на монитор ноутбука, там девушка падает на грудь высокого и статного мужчины, и тот осторожно, словно драгоценность, обнимает её.

– «Но никто не должен узнать о том, что ты мужчина, Ко-тян!»

Девушка… То есть, оказывается, юноша кивает, и его высокая причёска распадается, кимоно сползает с плеч. И Шинске вдруг понимает, что запустил фильм немного не из той папки, из которой собирался. Но суетиться теперь – немного лажово.

– Кхм.

– «О, мой господин! Обладайте же мной! Хочу принадлежать вам без остатка! И пусть это будет последняя ночь в моей жизни…»

– «Ко-тян!»

– «Сусуми-доно!»

– «Ко-тян!»

– «Сусуми-доно!»

Динамики орут раздражающе громко, Шинске смотрит прямо перед собой, на стекло окна. Об него бьются и разбиваются капли, барабанный перезвон нарастает, а в фильме начинают звучать совсем уж неприличные звуки.

– Эй. Кацура. А почему тебя отправили в тот клуб? Есть опыт в ублажении мужчин?

Взгляд с потолка перетекает на Шинске, после чего возвращается обратно. Это игнор?

– Ты понимаешь вообще, что от одного моего слова зависит, жить тебе или умереть?

Котаро закрывает глаза. Грудь его медленно опускается. И вдруг он резко садится.

– Ст…

Нет, не просто садится. Он встаёт на колени и склоняется в поклоне. Это с его то сломанными рёбрами и выбитым плечом!

– Простите, молодой господин, неучтивого слугу, позабывшего о своём месте… Прошу, не гневайтесь.

– Прекрати.

Шинске не заметил, как вскочил. Как произнёс то, что никогда не хотел бы произнести. Какая комедия… А ведь твердил себе, что никогда не будет как отец. Но этот Кацура Котаро… Разве с ним можно по-другому?! Ведь видно же, стоит дать слабину – и всё, никакого уважение или почтения. Вот и в этом вот извинении нет ничего, кроме насмешки!

Нет. До этого дня, до этой самой минуты не было ни единого раза, когда бы Шинске мог поблагодарить судьбу за то, что позволила родиться сыном оябуна Такасуги-ренго. Нет. Всё, абсолютно всё заставляло его жалеть себя и проклинать её. То, что он видел в кино и читал в книгах, и то, что наблюдал вокруг себя – отличалось как небо и земля. Когда его сверстники ходили в школу, влюблялись и творили глупости, Шинске учился владеть мечом и ножом, судить подчиненных и считать прибыль от публичных домов. Когда они готовились поступать в колледжи и университеты, он разбирался в тонкостях межклановых отношений, порядке выплат и управлении общаком.

И ладно бы, они были отдельной группировкой. Так нет же. Всего одной из сотни, образующих единый клан. Где большинство – более крупные и влиятельные семьи. И сейчас, глядя на отца, Шинске не перестаёт задаваться вопросом: как тот до сих пор умудряется держаться на плаву? Когда вокруг кишат одни пираньи, так и норовящие откусить кусок побольше от слабого «товарища»?

– Можешь не рассказывать ничего. Просто подчиняйся. И я позабочусь и о тебе, и о твоём долге.

Вновь садясь на колени, беря Кацуру Котаро за подбородок и заставляя посмотреть на себя, вспоминая, каким слабым тот выглядел, когда Саката Гинтоки вот так же касался этого лица, Шинске ещё не совсем понимает, что сейчас собирается сделать. Светлый отблеск от монитора на бледной щеке сменяется красным, подбитый глаз в тени, а в не пострадавшем – снова то самое выражение, от которого в пересохшем горле образуется ком, мешающий дышать.

Что это? Ожидание? Покорность? Предупреждение? Всё сразу.

– Чего желает господин?

– Во-первых… Наедине со мной забудь о правилах этого дома и оставь пережитки прошлого… Зови меня просто Шинске.

– Хорошо.

– А во-вторых, научись пользоваться техникой.

***

Когда из-за стенки начали доносится подозрительные звуки, Гинтоки покосился на неподвижную статую Окамы Нидзо, перегораживающую выход из комнаты, и снова подперев подбородок рукой, уставился уже не за окно, а на него.

– Может, тоже чем интересным займёмся?

– Мужчины меня не интересуют, – не открывая глаз, отозвался личный телохранитель наследника Такасуги-ренго.

Хотя, он хоть раз открывал их? Вроде бы нет.

Облокотившись на пол, Гинтоки аккуратно переступил на коленях.

– Ну я не настаиваю на просмотре именно гейского порно.

Шевеление ресниц. Рука телохранителя дёрнулась и метнулась за пазуху, к ножу, но вытащить не успела – Гинтоки сжал пальцы на запястье под тонкой тканью. А в следующий момент уже вдавил тушку якудзы в дверь собственным телом.

– Не кипиши, – дунул на ресницы, те затрепетали и взору открылись белесые глазницы, с едва просвечивающими за полупрозрачной плёнкой зрачками. – Я не обижу.

В бок кольнуло. Что же, никто не сомневался, что у телохранителя две руки.

– О-йя… Саката-сан, вы так настойчивы и вульгарны. Даже и не знаю, стоит ли позволять вам и дальше находиться возле молодого господина?

– Мизуки рассказывал о тебе.

Колющее ощущение пропало. Незрячие глаза закрылись.

– Вы знали Хаджиме-доно?

– Знал.

4 - Не отказывайте себе в удовольствиях - это вредно для здоровья

Танто – длинный такой нож или короткий меч, кинжал самурая.

***

– Нидзо, у тебя есть…

Шинске не успевает отодвинуть дверь до конца, как зрелище, представившееся его взгляду, заставляет замереть на пороге.

– Молодой господин! – Нидзо вскакивает на ноги, роняя карты. – Всё не так… Я не…

При этом он пытается подхватить собственное кимоно, аккуратно сложенное на полу рядом, но длинная мускулистая нога посылает зелёное тряпьё в полёт – и ладонь телохранителя беспомощно шлепается на циновку.

– Почему каждый раз, когда я тебя вижу, Гин-тян, – пробует улыбнуться Шинске, начисто игнорируя что-то ещё лепечущего Окаду. – Ты либо избит, либо в одних трусах?

– А можно без вот этого вот «тян»? – морщит лоб Саката Гинтоки, возвращая ногу в согнутое положение, упирая в коленку подбородок и даже и не думая отрывать взгляд от собственных карт. – Пожалуйста, Шин-тян…-сама.

– Да как ты смеешь? – бросивший попытку прикрыться, Нидзо берётся за танто и уже вытаскивает его из ножен. – Следи за языком!

– Ты всех так зовёшь, кем недоволен? – всё-таки поднимает взгляд Саката тоже игнорируя телохранителя. – Или это такой способ показать своё превосходство?

Скрежет лезвия о ножны затихает и шум дождя за окном становится просто оглушающим. А голову Шинске заполняет абсолютная пустота. Нет, с ним не впервые разговаривают так фамильярно, доводилось слышать слова и грубее... но это выражение лица… и этот тон… почему-то они до боли знакомы.

– Гин-сан? – наконец, выдавливает из себя.

– Уже лучше, Шинске-сама.

Бровь дёргается и в висках начинает стучать быстро-быстро. Зачем он вообще сюда пришёл? Ах, да…

– Нидзо.

– Да, молодой господин?

– Принеси ещё бинтов. У того идиота снова кровь пошла.

– С-слушаюсь.

Прикрыв губы веером карт, Саката провожает телохранителя взглядом – тот безошибочно двинулся в сторону улетевшей одежды.

– Как ты уломал его играть на раздевание? – интересуется Шинске.

Прищур хитрых глаз становится уже, а карты плотнее прижимаются к губам. И мужчина с серебряным цветом волос пожимает плечами.

– Мы играли не только на это. Просто я предложил ответить на вопросы Окады-сана, если он согласится на партию.

«Игра со слепым в карты? Серьезно? Что же это за вопросы такие? И почему Нидзо не смог или не захотел получить ответы другим путём?» – Шинске делает вид, что ему это совершенно не интересно. И пропускает уже одевшегося телохранителя в коридор. Конечно, можно было пойти за ним или вернуться к Кацуре и подождать, когда тот принесёт бинты, но взгляд Сакаты Гинтоки зацепил и заставляет остаться.

– Хочешь, я скажу отцу отправить тебя в город? Как ни крути, а роль няньки – явно не твоё призванье.

Карты осыпаются на пол. Саката поднимается, лениво заправляет ладони под резинку трусов и отворачивается к окну. Сильные плечи, рельефная спина… но без раздутых мышц. Если останется в клане, очень скоро там появится дракон или какой другой зверь, или просто узор… Хотя, Шинске слышал, что не все якудза делают себе татуировки.

– А что, как вам кажется, подходит мне больше?

Если приглядеться, вон видно след от удара чем-то острым. А ниже – круглый, со стянувшимися краями – явно пулевое ранение. Такой же есть у Рисуноске. Да и у остальных… якудза может не носить татуировок, но шрамов ему не избежать.

– Почему бы тебе не попробовать себя в роли стриптизёра?

Саката оборачивается и озадаченно вновь морщит лоб.

– Вы хотели бы на это посмотреть?

– Может быть, – хмыкает Шинске, чувствуя, что его несёт куда-то не туда, но в коридоре уже слышно шаги. – В другой жизни…

Фильм кончился. Когда он возвращается в комнату, в ней царит тишина. Если не считать шелест дождя за окном.

– Сам сядешь?

Кацура кивает. И перевязка-стягивание рёбер начинается заново. Вот надо было ему паясничать с этими своими поклонами?.. Но Шинске не то что бы сильно расстроен – почему-то ему даже нравится касаться этого парня. Вдыхать его запах. Хотя, казалось бы, чем он пахнет? Всего лишь смесью крови, пота и грязи.

– Тебе бы помыться, – вылетает изо рта, минуя мозг.

И тут же Шинске пронзает такой взгляд, что жирные мурашки бросаются топтаться по позвоночнику в ритме гангам-стайла.

– Вы тоже, помнится, так и не приняли ванну…

– Забыл по чьей милости? К тому же, я ещё и не ужинал.

Кацура отводит взгляд.

– Извините…

– «Извини», – поправляет Шинске. – Я же сказал, что когда мы наедине…

– Ты странный.

Прилепив конец бинта пластырем, Шинске поджимает губы и прикидывает, не намотать ли поверх ещё. Потом оглядывается на стенной шкаф – где-то там должен храниться его старый футон.

– Почему?

– В один момент ты кажешься заносчивым засранцем, в другой – зашуганным и нерешительным… то вдруг проявляешь заботу.

Не самые приятные слова. Зато откровенные. От своих таких не услышишь.

– Вот такой вот я заботливый зашуганный засранец.

Скрип створок шкафа, пыль и легкий запах гнили. Этот футон давно не мешало бы проветрить… Но на одну ночь сойдёт. Только вот куда бы его постелить? Постояв немного посреди комнаты, Шинске делает шаг к Кацуре. Потом ещё. И ещё. Присаживается, расправляя матрац. Подвигая вплотную.

– Что, даже не возразишь?

Кацура поднимает голову и снова становится видно незавешанное волосами лицо. С тонкими чертами. Опухлость спала с подбитого глаза, осталась лишь синева – словно смазанный макияж. Шинске косится на чашу в изголовье – замотанный в тряпку лёд совсем растаял.

И слышит:

– Почему вы… ты так смотришь?

И во рту становится сухо.

– Ты красивый.

– Мне говорили. Но сам я так не считаю.

Да неужели?

Пинком развернув футон до конца, Шинске направляется к шкафу за одеялом. По дороге выключает в комнате свет и компьютер. И замирает в темноте у двери, дыша медленно и глубоко. Ну почему? Он ведь старается… быть терпеливым! Ну почему в ответ нельзя стать хоть немножечко милым?

– Молодой господин, – голос за дверью заставляет подпрыгнуть, – вы не собираетесь ужинать?

– Нет!

– Тогда добрых снов, Шинске-сама…

– …

Выдох. Пара шагов. Падение на футон.

– А переодеться? – внезапный укор. – Не собираешься?

Кацура слегка повернулся, продолжая сидеть. Теперь его лица не видно, но от этого в груди Шинске стучит только сильней. Ведь это первый раз, когда он ночует не один. В смысле, не с «братом» по клану, не с родственником, а с посторонним. Почти посторонним. Почти как в манге, когда одноклассник остаётся у друга с ночёвкой. Только вот Шинске чувствует телом, что стать просто «другом» не хочет совсем.

– Я… я сплю голым!

И с этими словами прижав одеяло к груди подбородком, принимается стягивать с себя кимоно.

– Я отвернусь, – бесстрастно сообщает Кацура Котаро и действительно уже смотрит в окно.

Бьющиеся о стекло и подсвеченные электрическим светом капли дождя отражаются призрачными разводами на бледной щеке. Не отрывая взгляд, Шинске выпиннывает из-под одеяла скомканные трусы и ложится на бок.

– Как много ты должен?

Кацура оборачивается не сразу. Волосы падают на маленькую подушку, когда он опирается на здоровую руку и медленно опускается на постель. Тоже боком. К Шинске лицом.

– Если погасите долг, я уйду.

Непроницаемый голос. Невидимый взгляд. Шинске и сам догадался об этом, зачем говорить вслух? Неужели что-то заметил?..

Чёрт возьми, а ведь он так близко!

– Н-не думай, что я сделаю это… просто так.

Как же сухо во рту.

– Я понимаю.

Правда? Серьезно? То есть…

– Я вам нравлюсь?

Заданный в лоб вопрос как стрела, пронзившая горло. Шинске и хотел бы ответить, да только никак. Это… это он так сейчас предлагает себя? Как какая-нибудь проститутка?.. В голове столько мыслей, сомнений, вопросов, но важно одно – Шинске хочет его. Прямо здесь и сейчас. И наплевать, что заставляет Кацуру сделать это.

Действительно, наплевать.

Выползшая из-под одеяла рука перебирается на соседний футон.

«Ты уже этим занимался? По любви? Или за деньги? Почему же тогда отказался работать в том клубе?.. Я хоть немного нравлюсь тебе?» – всё это остаётся внутри.

А на ладонь опускаются прохладные пальцы – и в груди тут же вспыхивает огонь, а в ушах уже гремит и грохочет.

Ложась на спину, Кацура тянет его за собой. Отражения разводов дождя растекаются по бинтам и заставляют блеснуть оливковые глаза… Шинске нависает, держась на руках и боясь шевельнуться. Причинить боль. Глядя на приоткрывшиеся бледные губы. Пытаясь не задохнуться. А когда Кацура медленно сгибает ногу и отводит в сторону, стягивая покрывало, Шинске закрывает глаза. Воображение рисует полный трэш, а руки дрожат. И что-то в груди

уже давно грозит взорваться.

Не выдерживает темноты.

Осторожно перебирая коленями и руками, перебирается целиком на соседний футон, замирает между ног. Граница отсвета от окна кончается у Кацуры на животе, а что ниже… Шинске не видит. В слепую касаясь бедра, ведёт ладонь выше, задирая подол тонкой юкаты. Чувствуя тёплую кожу, становящуюся всё горячей.

– Ты уже делал это? – стегает по нервам вопрос.

Пристальный взгляд. От него в голове звенит пустота, и тяжестью наливается низ живота.

– Ты о чём? – Шинске не узнаёт собственный севший голос.

В ответ – досадливо прикушенная губа. И прижавшееся сбоку колено.

– Не вставляй, хорошо?

Не вставлять? Но что же тогда?..

Вдруг Кацура приподнимает бёдра и прямо в руку толкается… Шинске сглатывает ставшую терпкой слюну. И сам подаётся вперёд. Член трётся по гладкой, обжигающей коже. Внизу видно лишь смешение теней, но на ощупь... по твёрдости Кацуре до него далеко... Но оно и понятно. Он ведь не хочет. Но делает это, потому что слуга. Потому что... должен.

Но Шинске сделает ему хорошо.

Отстранившись, плюёт на ладонь. Проводит по члену, по своему, потом прижимается снова, стараясь обхватить уже оба. Сжимает пальцы. Сдвигает вниз…

Но тут слышится что-то очень похожее на смешок.

Открывает глаза, поняв, что успел вновь их зажмурить, и видит лишь всё тот же пристальный взгляд.

– Всё… нормально?

Кацура медленно моргает. Но и без этого Шинске уже чувствует растущую тяжесть и твёрдость в руке. Кажется… член у должника подлинней… и чуть изогнут. С безумно гладкой головкой. Полностью обнаженной, не то, что у него самого.

– Сильнее…

Послушно сжимает пальцы. Затрепетавшие ресницы, чуть шире приоткрывшийся рот и биение маленькой жилки… Этот вид заставляет Шинске изо всех сил пожелать, чтобы время остановилось, чтобы дождь шёл целую вечность, чтобы мир просто позволил ему насладиться

этим ещё. Но вместо этого… собственный член напрягается. И остановиться не удаётся. И на грудь Кацуры брызгает сперма. И на лицо.

Всё так внезапно, так быстро – он даже понять ничего не успел.

– П-прости…

Пальцем стерев каплю с щеки, Кацура улыбается совсем чуть-чуть. И тянется вниз рукой, но Шинске хватает его за запястье.

– Подожди.

Отступает назад на коленях и наклоняется.

– Что ты?.. Шинске-са… не надо!

– Просто Шинске.

Почему-то всегда казалось, что это противно – брать в рот чужой липкий член. Но почему-то сейчас кругом идёт голова. И он закрывает глаза, позволяя мягкой головке толкнуться в нёбо. Пробует двинуться вверх, потом вниз, но на затылок вдруг ложится рука.

– Подожди… зубы... лучше рукой.

Ну... ладно.

Поднимается, обхватив основание члена ладонью, сжимает. И снова трепетание ресниц и даже запрокинутая голова… Опустив взгляд, замечает блеснувшую на самом кончике каплю. Касается, слизывает... и обхватывает губами головку. Посасывая и не переставая двигать рукой – вниз и вверх. Несколько раз быстро. Потом чуть затянув… Пробует даже забраться в дырочку языком. И вдруг под пальцами проходит волна. Член Кацуры явно становится толще… Что-то внутри сокращается раз, и второй… Он почти успевает отстраниться. Но кисло-сладкая жижа всё же брызгает в рот.

– Теперь мы квиты, – хмыкает больной.

И толкает его коленом. Уже прогоняет?

– Может, ещё?

Сведённые над переносицей брови, хмурый взгляд. А Шинске опять наклоняется, ведя языком по бедру, прижимается к футону щекой... Сжавшиеся ягодицы удаётся развести только руками.

– Прекрати! Я не… хочу!

– Пожалуйста, – поднимает голову Шинске. – Я аккуратно.

– Я сказал "нет"!

Твёрдое кольцо сжавшихся мышц не поддаётся напору кончика языка. А кто-то ведь ему говорил, что в теле человека это самая сильная мышца. Но зато он неплохо смочил там слюной и остаётся лишь надавить…

Удар кулака по макушке. Шинске садится на пятки. И видит Кацуру – тяжело душащегося, едва приподнявшегося на локте пострадавшей руки.

– Хочешь ещё? Подрочи!

5 - Даже небольшая помеха может стать непреодолимым препятствием

НЕМНОГО ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СПРАВКИ:

Накано-ку - один из двадцати трёх специальных районов Токио. Вокруг Накано находятся такие районы Токио как Синдзюку, Нэрима, Сибуя, Сугинами, и Тосима.
«Бродвей Накано» – "Nakano Broadway" – развлекательный центр для фанатов аниме, в котором находится много магазинов и галерей, продающих кучу специфических товаров.

Ямагучи-гуми, Сумиёши-ренго и Инагава-кай – три крупнейших клана якудза в Японии.
Кайчо – почти как «тайчо» – глава организации. Отличие от кумичо – главы клана – в том, что в организации может состоять много группировок со своими собственными кумичо/оябунами.

***

Бродвей Накано. Сырой асфальт, лужи по краям дороги и серый тяжёлый туман. Торговый центр закрыт, работает только киоск – в такую рань здесь никого, кроме двух взрослых мужиков. Причём, если Гинтоки хотя бы честно листает новый номер «Джампа», то второй – представитель общественного правопорядка – бесстыдно смолит сигарету и всем своим видом демонстрирует презрение и к продавцу, и к покупателю. Хотя, они не одни, вон ещё парочка школьников. Мнутся у забора через дорогу. Видимо, решили прогулять первый урок и урвать ещё пахнущие типографской свежестью новинки раньше своих одноклассников.

– Ты, пугало антимаркетинковое, хоть за угол зайди. Детишки подойти боятся.

Суровый взгляд из-под чёлки, отросшей почему-то углом, нацеливается на молодёжь – и тех сдувает в переулок.

– Пусть лучше спасибо скажут. Я спасаю их неокрепшие умы и забочусь об их будущем.

Забавный… Какой же он забавный.

Захлопнув толстый журнал и высыпав на прилавок мелочь, Гинтоки боком оттесняет злостного курильщика за рекламный стенд.

– Вы, как всегда, чересчур ревностно относитесь к полицейским обязанностям, Хиджиката-са-а-ан. А как же мой неокрепший ум? И моё будущее?

Тоширо хмыкает.

– Заботы захотелось? Что же вы раньше-то молчали, Са-ка-та-сан? – и без тени сомнения втыкает недокуренную сигарету в блестящую обложку новенького «Джампа». – Всё ради вас.

Нет, такого варварского обращения со своим сокровищем Гинтоки не ожидал. Поэтому, кажется, сломал Хиджикате Тоширо палец. Когда схватил за руку вместе с бычком и попытался засунуть его наглой морде в пасть. Но принимать в качестве завтрака просмоленный фильтр с

остатками оплавившегося табака тот отказался. И Гинтоки словил коленом в живот.

– С тебя 350 йен… – восстановить дыхание удаётся не сразу, – и сто порций парфе… за порчу имущества и моральный ущерб.

– Сначала отсидишь десять суток за нападение на офицера при исполнении.

– Кстати… какие новости?

Когда получается нормально разогнуться и вытащить из лужи обронённый «Джамп», оказывается, что прожжённый сигаретой след совсем не глубокий, всего на несколько страниц. А вот грязная вода действительно превратила журнал в бесполезный мусор. Но, всё равно, прежде чем отправить его в мусорку, Гинтоки какое-то время держит подмокшее сокровище в воздухе, навесу, и рассматривает обложку.

– Информация подтвердилась. Ямагучи объявились в городе. Вчера их видели в Синдзюку.

– Может за гостинцами приехали?

– Может. Только как бы им эти гостинцы не обошлись слишком дорого. Хоть война между великими кланами уже в прошлом, но после изгнания в Кобу, им в Токио путь закрыт под страхом смерти.

Плюх. Грустно вздохнув, Гинтоки лезет за пазуху… после того, как вчера пришлось проставиться перед сятэем, кошелёк его изрядно похудел. Но на один несчастный журнальчик-то должно было остаться?!.

– Тоши, ты не одолжишь мне…

– Нет.

– Какой быстрый отказ...

Гинтоки хмыкает. И, перехватив руку, уже собравшуюся достать из пачки новую сигарету, дёргает Тоширо на себя. Стенка киоска упирается в спину, а приятная тяжесть давит на грудь. К тому же, полицай не особо-то и рвётся отстраниться. А всё потому, что губы его для этого слишком заняты. А когда у Тоширо заняты губы, то тело подчиняется отнюдь не тому мозгу, который в голове.

– А теперь? – Гинтоки томно выдыхает, отстраняясь.

На самом деле у него треснула корочка в уголке рта и это чертовски неприятно. А Хиджиката вытирает губы ладонью и выглядит чем-то недовольным.

– Может, расскажешь уже, зачем ты подался к этим якудза?

Пожатие плеч.

– Хочу присмотреть за мальчишкой.

– А он тут причём?

Гинтоки отводит взгляд.

– Из-за Мизуки? Он что-то тебе говорил?..

– Хиджиката-сан, вам разве не пора на работу?

Чёлка углом взлетает, когда Тоширо резко сжимает ещё почти полную пачку сигарет в кулаке. Но, не сказав ничего, выходит из-за рекламного щита. Такой… послушный.

Дождавшись, когда тот исчезнет за поворотом, Гинтоки снова заглядывает к продавцу в журнальный киоск.

– Ещё один «Джамп», пожалуйста.

И открывает маленький, но упитанный кошелёк Хиджикаты.

***

«Ко…-тян – я ведь могу так назвать его? Ведь могу?.. Я разрешил ему звать себя по имени, значит, и для меня он теперь не Кацура, а Котаро… К тому же…»

– Молодой господин, разрешите…

Вырванный из глубоких раздумий, Шинске не сразу соображает, что ему нужно вытянуть руки и позволить надеть на себя пиджак. Вообще-то он мог бы одеться и самостоятельно, но у окна стоит отец и пристально наблюдает. Кацура же… то есть, Котаро – уже полчаса сидит у двери на коленях. По его лицу этого не видно, но Шинске уверен – ему больно.

– Если появится кайчо Инагавы, выразишь уважение.

– Как ска… прикажете, кумичо.

Отец пришёл с утра пораньше, чтобы отправить его вместо себя на поминки. Вскочивший и тут же упавший на колени Котаро даже не удостоился его взгляда, но сейчас, когда Шинске уже стоит, одетый в европейский костюм, глава семьи явно смотрит куда-то сквозь него. Возможно, на слугу. С одной стороны, это можно объяснить лютой нелюбовью отца ко всему неяпонскому и нежеланием видеть своего сына в подобной одежде… А с другой… неужели у него возникли какие-то подозрения относительно этой ночи?

Хотя, два тесно сдвинутых футона как бы намекают.

Но… он же ничего Котаро не сделает?

– Пойдём.

Приготовления завершены и отец идёт к двери. Шинске остаётся только последовать за ним… но, уже перешагнув порог, он останавливается.

– Я сейчас. Шнурок развязался.

И возвращается в комнату, к столу – достаёт из ящика старый мобильник-раскладушку и суёт в карман. Который, естественно, тут же оттопыривается.

– Порой я начинаю понимать его любовь к традиционной одежде…

Котаро качает головой и молча поднимается с колен. Подходит к Шинске. И положив руку на плечо, толкает, заставляя развернуться. И тут же спине становится горячо, и к животу начинает стекаться напряжение, тем более, что рука Котаро проходится по бедру и забирается в карман… Правда, тут же выбирается обратно, уже с телефоном. Шинске косится через плечо – Котаро раскрывает раскладушку и… ремень врезается в живот, пока её под него запихивают.

– С-спасибо, Ко-тян…

Кулак втыкается в поясницу. Шинске оборачивается, ловит руку Котаро, оттягивая в сторону – и не удерживается, чмокает в расслабленные мягкие губы. Даже несмотря на то, что локоть другой, висящей на перевязи, руки тут же врезается ему в живот.

И вот ведь засада – этот длинноволосый выше на несколько сантиметров и, чтобы дотянуться, пришлось оторвать пятки от пола.

– Шинске, – даже не пытаясь вырваться, Котаро смотрит очень серьёзно. – Ты не обязан быть якудзой, если не хочешь.

Вместо ответа Шинске снова тянется к нему. Но, на этот раз, не целует, а ловит зубами нижнюю губу и прикусывает. Котаро дёргается и выкручивает запястье из хватки. Отступает... Капля крови сползает с его подбородка, оставляя красную дорожку на коже, и капает на циновку.

– Я тоже так раньше думал, – касаясь собственных губ, бормочет Шинске. Смотрит на тёмный развод на руке. – А что, это так заметно?

– Более чем.

Во дворе уже торжественный коридор. Из братьев, выстроившихся вдоль дороги до самых ворот. Отец остался на крыльце, а за спиной шагают те, кто поедет с ним – все они тоже одеты в

чёрные костюмы. Почти как нормальные люди. Только смешно, если честно, видеть несбритые щетины и выглядывающие из-под манжет и воротников куски татуировок, а уж взгляды…

Открываются ворота. За ним – чёрный хёндай. И белое пятно. Сфокусировав взгляд, Шинске чувствует, как брови заползают на лоб.

– Гин-т..сан?

Серебро в волосах и белоснежный костюм. В этот пасмурный день, среди втиснутых в деловые костюмы суровых якудз, «мастер» смотрится как очень неудачливый хост. И, наверное, хорошо, что собираются они не на попойку… А то ведь некоторым вполне может прийти в голову «удачная» мысль пустить этого «пока-ещё-не-вошедшего-в-семью» новичка по кругу.

– Что за наряд?

На заднем сидении слева Нидзо, справа Саката. Шинске и без того тесно в этом дурном пиджаке, а тут ещё и с боков подпирают.

О, а Нидзо-то в кимоно.

– Я спрашиваю, что за наряд?!

– Арэ? – Гинтоки отрывается от вида за затемнённым стеклом, хотя, на что там смотреть? Всё равно они пока едут по переулкам. – Это вы мне? Что-то не так?

– Тебе так нравится выделяться?

– Прошу, не обращайте на меня внимания…

Закидывая ногу на колено, он умудряется как-то просунуть ступню между сиденьем водителя и корпусом машины, да ещё и извлечь откуда-то из зада толстенный журнал.

– Саката-сан, – нейтральный голос Окады Нидзо кажется непривычно учтивым. – Не могли бы вы вести себя немного скромнее? И приличнее?

– Ой, не тебе, Ни-кун, об этом говорить. После вчерашней-то ночи…

Вот почему так? Сказал он, а чувствует, что краснеет, почему-то Шинске. Да и Нидзо как-то странно уткнулся носом в окно со своей стороны. Интересно, они всю ночь в карты играли? Или… Они не слышали ведь ничего?..

Визг. И толчок. Переднее стекло, прыгнувшее в лицо. И рука, вцепившаяся в воротник и вырвавшая из затылка клок волос. Плюхнувшись обратно на сиденье, Шинске видит чёрный джип, перегородивший проезд. Сзади доносится грохот и визг тормозов. Какие-то люди окружают хёндай – их больше десятка.

Щелчок за щелчком – блокировка дверей.

– Эй-эй, мы даже отъехать толком не успели! – Гинтоки, так и не убравший руки с его головы, давит на затылок и нос упирается в собственные колени. – Где наш эскорт?

– Мы похожи на родственников президента?! – от спокойствия Окады не остаётся следа.

– Это бронированное стекло, – шипит Шинске, пытаясь разогнуться. Но куда там, в затылок словно упёрся бетонный столб. – Отпус…

Шипение. Раздаётся внезапно. Доносится откуда-то… Вон, из-за решётки печки перед водителем уже струится белесый дым и наполняет салон! Тот пытается заткнуть её ногой, но, конечно же, это бесполезно!

– Гин!

Рука отпускает. И, разогнувшись, Шинске видит сидящего впереди, прямо на капоте хёндая, подростка. Или просто щуплого парня. На нём капюшон и какая-то маска, закрывающая половину лица, а в руке продолговатый предмет. С кнопкой, вжатой пальцем до упора.

Стук в окно.

– Не дыши.

С двух сторон вдруг сжимает так, что к горлу лезут кишки – но вылетевшая от пинка дверь впечатывает стучавшего в мусорный бак. И в машину врывается холодный воздух. Но тут как тут новая рожа, закрытая маской – и снова мелькает нога в белой штанине, вынося козла. И обзор закрывает широкая спина.

Но уже в следующий миг его снова хватают за шкирку. Шинске успевает заметить лишь удар кулака, заставивший деревянную дубинку ещё одного сунувшегося к машине козла сломаться напополам. Но тут Окада лезет вперёд, отправляя его тушку назад, к заблокированной двери.

Взгляд в заднее окно – те две машины, что ехали следом от дома, отделены ещё одним джипом. Вон наружу вылезает Рисуноске, а с ним и десяток ребят. Ещё несколько минут и они разберутся со всеми.

Только почему-то те, что преградили им путь, отступают за джип, к хёндаю. Нет, даже бегут! Они ведь не…

На месте джипа расцветает жёлто-красный цветок. В зад хёндая бьёт взрывная волна. Затылок Шинске врезается в бронированное окно, и к мушкам в глазах прибавляются новые искры. Но почему-то сил нет даже на то, чтобы сесть прямо обратно. Белесый дым заполняет салон и выходит наружу. Смешивается с чёрно-сизым. А веки так и тянет закрыть.

Постойте… откуда снаружи столько тумана? А вон, тот щуплый, что сидел на капоте.

Стоит в стороне, а от стен перегороженного переулка растекается дым.

Вдруг перед глазами мелькает зелёное кимоно Окады – его швыряет на землю. Нидзо прижимает руку ко рту и выставляет перед собой длинный нож. Щуплый обходит его. Он уже у машины. Плюхается на сиденье.

– Привет.

Голос из-за маски доносится глухо. К тому же Шинске так тянет спать, что колет глаза. Но он почти вытащил телефон из-под ремня. Осталось лишь нажать кнопку. Глупость, конечно. Никто не ответит. Потому что тот, кто раньше брал трубку, давно уже мёртв.

Раскладушка выпадает из отказавшихся слушаться пальцев. Но парень в маске зачем-то наклоняется и поднимает его. Смотрит на экран. Сквозь ресницы Шинске видно, что вызов идёт… Значит, всё же, зачем-то нажал…

Но мобильник бросают обратно на пол. Рука в перчатке тянется к горлу, хватает за галстук. И тянет вон из машины. Вот только зад щуплого парня неожиданно упирается в пах… В пах мужчины в белом костюме. Правда, уже потемневшем от грязи и крови. Сквозь вату, забившую уши, Шинске слышит знакомую трель.

– Куда это вы собрались?

Гинтоки упирается в крышу хёндая двумя руками. Видно, что ему трудно стоять, да ещё и со спины приближается кто-то… Поднимается бита. И опускается ему на затылок. Брызгает кровь. Замерший парень, не отпуская галстук Шинске, бьёт пяткой назад. Но его ногу ловят.

– Отпусти, – шипит подросток.

– Сам отпусти.

А бита уже опять летит к дурной голове с серебряными волосами.

И впечатывается в крышу машины. А локоть Сакаты обагряется кровью, врезаясь в лицо напавшего сзади, срывая и маску – разглядеть его не удаётся, тело исчезает из вида. Зато доносится звук упавшей биты на асфальт.

– Отпусти, – вновь с угрозой повторяет тот, кто вцепился в галстук.

И Шинске чувствует горлом холод металла.

А Саката дышит очень тяжело... Да ещё и вздыхает вдруг так так глубоко, словно мало в его легких усыпляющего газа. И неожиданно дёргает ногу – и Шинске сдирает с сиденья. Скулу обжигает порез, и он едва не вываливается на асфальт. Но за галстук уже не держит никто.

А подросток впечатан в мусорный бок. Совсем рядом с выбитой дверью хёндая. Шинске видно его в узкий просвет в подмышке Сакаты – тот загородил пустой проём задом. Трель

звонка замолкает… И воздух взрывает вой сирен. Один за другим с земли поднимаются напавшие в масках, кто сам не может – ему помогают другие. А невысокий их сообщник, оставивший на лице Шинске след от ножа, стоит у узкого прохода между домами и ждёт, пока те скроются в нём.

– Я тебя запомнил.

– Да-да, – отзывается Гинтоки. – Я тебя тоже.

И сползает вниз.

А Шинске наконец-то закрывает глаза.

6 - Из якудза такие же самураи, как из пингвинов птицы

Даймон – эмблема клана. Золотые имеют право носить только руководители, серебряные – старшие члены группировки.

Нее-сан – старшая сестра. Да, якудза – это не только мужчины.

Вакагасира – второй человек в клане после оябуна. Их может быть несколько – каждый ответственен за своё направление или территорию.

***

Звуки стучатся, мельтешат – хочется отмахнуться, но почему-то сделать это не получается.

– Клянусь тебе, я видел золотой даймон! – вонзается в одно ухо.

– С этим я ничего не могу сделать! – в другое. – Везите в больницу!

Шинске открывает глаза. Тёмный потолок с разводами. Ширма справа, ширма слева. Ничего не болит. Вроде…

– Пока он не очнётся, ничего нельзя сказать точно!

Когда сел, стены попытались поплыть. Но вот уже успокоились. И дотянуться до жёлтой занавески ничего не мешает, как и отдёрнуть её.

Так и есть, он дома. В большой прихожей – вон Рисуноске с перевязанной головой сидит в кружочке своих людей, только как-то их мало. А вон док щупает пульс у лежачего на циновке парня… как же его зовут?.. Тяжёлый взгляд заставляет собраться. Седой мужчина с неестественно прямой спиной в тёмно-сером кимоно, оказывается, стоит совсем рядом. Остаётся только встать и поклониться.

– Прости, отец.

Рядом тут же оказывается док, дёргает за запястье. Вопросы про тошноту и что-то ещё… А Шинске рыщет взглядом по залу. Котаро что, всё ещё у него?

– Молодой господин, – доносится из-за спины. – Вас не мучает жажда?

А, нет, вот он. Подкрался с чашей воды. Шинске медленно выдыхает. И только когда берёт чашу, замечает, что движения ничто не стесняет. Пиджака больше нет, только рубашка – и она почему-то в крови. Но беспокоит не это. Он о чём-то забыл, очень важном.

Что же всё-таки произошло? Его… пытались похитить? Но зачем?!

Столько людей пострадало. То, что здесь осталось так мало, означает – остальных пришлось отправить в больницу.

– Все живы?

Котаро кивает. Он напряжён – но оно и понятно. Всего два дня в семье, и, что ни день, то проблема.

– Полиция требует объяснений, – подходит Рисуноске. Говорит вроде отцу, но косится на Шинске. – Что прикажете, кумичо?

Отец закрывает глаза. Выдыхает. А когда открывает – гул голосов замолкает. Через порог переступает Азарни – бордовое кимоно расшито красными маками до самого верха, ворот сзади приспущен – совсем как у гейши, и синеет кусок татуировки на шее. Шинске один раз видел её обнаженной – на спине женщины изображены пенные воды, в которых резвится огромная рыжая рыба.

– Вака! – Рисуноске прижимает руки к бокам и кланяется так резко, что Шинске слышно скрежет его позвонков из поясницы. – Вы уже вернулись?

Женщина тоже склоняется в поклоне, но перед отцом. Потом, мягко ступая, подходит ближе. Тихий скрежет – и сложенный металлический веер бьёт сятея по виску, и голова его врезается в стену. Пролетев перед этим вместе с телом пару метров.

– Идиот! Бестолочь! – Азарни разворачивается и широко расставляет ноги, так что подоткнутый под пояс подол кимоно обнажает колени. – Да как у вас вообще хватает совести глаза поднимать! Надеюсь… вы готовы ответить головой за свою некомпетентность?!

Теперь перед Шинске одни разрисованные спины и лбы, вжатые в циновки.

– Кто отвечал за подготовку?

– Я, – Рисуноске поднимает с пола и вот уже стоит, глядя себе под ноги. – И готов понести наказание.

Ярко красные губы Азарни искривляет улыбка, угольно-чёрным подведенные глаза, кажется, остаются вообще без белка.

– Ты хотя бы в курсе, что у тебя девка сбежала?

Что? Какая…

– Йоко, – шепчет сзади Котаро. – Та служанка, что тебя одевала, а вчера готовила ванну. Исчезла.

Вот ведь глупость, тут такое серьезное дело, но после этого теплого дыханья в затылок Шинске может думать лишь об одном… Но вдруг ледяное дуновение – и волосы на голове поднимаются дыбом. Стоит скосить взгляд и видно приставленный к горлу Котаро сложенный веер. В вытянутой тонкой руке. Гладкий круглый край касается подбородка, заставляя парня

поднять голову выше.

– Похоже, пока меня не было, этот дом заполонили крысы.

Да что же это за такое… Неужели опять?

– Простите, – голос Котаро звучит без особого страха или почтения, – я в чём-то опять провинился?

– Вот мы и посмотрим, – из-под красной помады проступают белоснежные мелкие зубы. – Мальчик. Уж я о тебе позабочусь…

Заточенный край оставляет на натянутой коже красный след.

– Нее-сан, – Шинске чувствует, что сейчас вполне способен взорваться. Потому старается говорить не особенно громко. – Я что-то не помню, чтобы в ваши обязанности входила забота о моих подчиненных.

Она – вакагасира. Она выше, но только ростом. Но смеет сейчас смотреть на него сверху вниз и молчать. А веер – врезаться Котаро под кожу. И в этот веер… Шинске вцепляется рукой. Чувствуя, как режут пальцы края.

– Я что-то непонятно сказал?

– Вы поранились, ботчан, – исчезнувшая в долю мгновения улыбка и заменившая её озабоченность на красивом лице. – Сенсей, перевяжите наследнику руку!

Шаг назад. Взгляд на отца.

– Мой господин, разрешите вашей слуге разобраться с этим случаем? Кто бы они не были… я найду виновных.

– Хорошо, поручаю это тебе.

Ей. Не ему. Сжимая кулак, Шинске чувствует боль и как кровь стекает на пол сквозь пальцы. Но её здесь уже столько, что на несколько пятен внимания никто не обратит.

Отец уходит. Азарни тоже. И в зале становится легче дышать.

– Я вас провожу, – Котаро странно спокоен. – Хотите есть?.. Или принять ванну?

– Я…

Вдруг у кого-то звонит телефон. Это странно, обычно их всегда ставят на вибро… Схватившись за голову и нащупав на лбу повязку, Шинске вдруг вспоминает…

– Где Гин?!

Котаро смотрит на него неожиданно широко раскрытыми глазами.

– Кто?..

– Саката! Гинтоки!

– Н-не…

– Вышел, – вместо него отвечает Рисуноске.

Он всё ещё стоит на месте и пялится в пол. Если так подумать, ему же не вынесли наказание?.. Не дай чёрт ещё дежурный по штабу решит сам с собой что-нибудь сделать.

– Куда?

– Сенсей велел всем пить молоко. Отравились же… и всё такое. Так он заявил, что только клубничное пьёт.

Никак не идёт из головы. Эта мелодия и звонок. Шинске уверен, что сто раз слышал её. Но откуда тот телефон у Сакаты? Почему зазвонил, когда он набрал номер своего покойного брата? Как привык набирать с самого детства. Чтобы перекинутся парой слов. Пожаловаться на тренировки. Или ночью, когда не может уснуть, проболтать до утра.

Да, его уже нет. Но старенькая раскладушка – почти талисман. Сколько раз за последние несколько лет он просто так нажимал на кнопку быстрого набора, чтобы послушать гудки? Конечно, наверно, номер достался уже постороннему человеку, и однажды чужой голос ответит с той стороны. И тогда… тогда он точно и непременно выключит телефон. Но пока трубку никто так и не взял, и он продолжал звонить в никуда и никому.

– Шинске-сама?

Перед носом – полная чаша прекрасного риса, белоснежного, зёрнышко к зёрнышку. Липкого, тёплого, влажного. Так и тает во рту. А нежное мясо морского леща солонит нёбо и язык. Напротив сидит Котаро. Шинске велел подать обед и ему.

– Шинске-кун?

Придерживая край рукава, Шинске тянется металлическими палочками за креветкой в пряном соусе.

– Шинске.

– Да?

Соус капает на стол, но он доносит креветку до рта.

– Что мне делать?

– В каком... смысле?

Обе брови Котаро дёргаются разом. Казалось, или раньше он был поспокойней?

– Я же твой подчиненный? Или слуга? Чем мне заняться?

– М-м-м… можешь прибраться…

– И всё?

Чай остыл. Но так даже лучше – Шинске горячее не любит и не любил никогда.

– Я же сказал, что позабочусь о тебе. И твоём долге. А это значит, что тебе не надо делать ничего вообще… Ну, кроме…

– Кроме?

Шинске оглядывается через плечо, обводит свою комнату долгим, изучающим взглядом. Надо будет кое-что прикупить… А пока…

– Как насчёт ванны?

– После еды? – в этот раз у Котаро взлетает всего одна бровь.

– Сделай двадцать пять градусов.

– Всего? Ах, ну да… господин предпочитает похолоднее…

Котаро выходит, унеся оба стола. Шинске валится на пол – на душе неспокойно. Когда вернётся Гинтоки, надо будет его расспросить. Ещё эта Йоко… Она же готовила ванну? Почему-то в памяти пусто. Шинске вообще не помнит ни её голоса, ни лица.

Странно это. Кому-то потребовался лично он...

Шаги доносятся из коридора. Знакомые, они принадлежат не Котаро.

– Шинске-сама, – тихий стук.

– Заходи.

Дверь немного отходит в сторону, но Нидзо остаётся снаружи.

– Ты в порядке?

– Простите… от меня было так мало толка… – молчание, колебание, вздох. – Вам пора уже меня отпус…

– Замолчи, – Шинске резко садится. – Ты служил моему брату. И останешься здесь, пока я не умру.

Склоненная голова, закрытые слепые глаза. Когда Нидзо начал терять зрение, брат оплатил несколько операций, но врачи сразу сказали, что со временем всё вернётся. И теперь ему не поможет уже ничего. И всё же…

– Как вы в карты играли?

– Простите?

– С «мастером».

– Ах, господин, то были краплёные карты. Старая колода.

– Ясно... И всё же он тебя раздел.

– Да, господин.

– Нидзо, найди мне его. И притащи. Сейчас же.

– Слушаюсь.

И снова в комнате тишина. Чешется кожа под повязкой на лбу и на спине. Он так и не спросил, что за вопросы задавал Нидзо, и какие ответы дал ему Гинтоки Саката. Почему? Потому что иногда правды лучше не знать.

– Ши… ске… Шинске!

За плечо тряхнули. Оказывается, он умудрился уснуть.

– Постелить футон?

Шинске вновь закрывает глаза. Нащупывает упёршуюся в пол рядом руку. И дёргает на себя. Котаро падает сверху, но тут же пытается встать. Он довольно силён… для простого восемнадцатилетнего парня. Но спина узкая, её так легко обхватить, а его самого притянуть к себе и прижать.

– Что ты… не сейчас же…

– Я просто пытаюсь встать, – бормотание в шелковистый хвост волос, упавший на лицо. –

Ты пахнешь приятно… уже мылся?

– А что, раньше вонял?

– Ну, немного…

Коленом в живот – это больно. А Котаро уже на ногах, поправляет одежду. Шинске успел проверить – под кимоно нет больше футболки.

– Ладно, – зевок, – пошли.

И вот они снова в ванной. Если подумать, были здесь только вчера, а столько всего уже изменилось. Вместо покорности и притворства в глазах Котаро упрямство и… Ох, этот высокомерный взгляд. Специально застыл у панели, чтобы показать, какая выставлена температура?

– «Вода достигла указанной температуры в пятьдесят два градуса. Приятного купания.»

– Двадцать пять, Ко-тян, – расстёгивая рубашку, Шинске надвигается на наглого слугу. – Неужели ты специально?

Рука упирается в стену над плечом Котаро, тот кусает нижнюю губу, хотя вон, на ней ещё не зажил его утренний укус.

– Если так нравится холодная вода, можете выйти на улицу и поплескаться в луже, Шинске-са-ма.

Колено упирается в сведенные ноги, давит – и те поддаются.

– Только если ты согласишься искупаться там вместе со мной…

Снова в горле становится сухо и слова царапают его изнутри. Котаро так близко, и в теле становится так горячо, что впору облиться водой не то что холодной, а ледяной. Но почему же Шинске влечёт к этому парню? Всего лишь из-за его красоты?.. Между ними нет ничего, кроме тонкой ткани. Губы сами тянутся к шее, но руки не смеют – одна всё ещё упирается в стену, вторая висит бесполезной плетью вдоль тела. Но Котаро сам касается его. Палец скользит по подбородку – немного больно. Ах, ну да, там же порез.

– Останется шрам.

– Ну и пусть…

Шинске прижимается к маленькой пульсирующей жилке губами. Нет, не целует. Замирает. Чтобы глубоко вдохнуть опьяняющий аромат. И вдруг понимает, что колену горячо от твёрдого члена. Да у него самого уже стоит колом, но всё равно… это немножечко странно. Нет, не то что бы он сомневался в себе, но…

– Подожди, - шепчет Котаро.

Его оттолкнули. Достаточно мягко. Но всё равно нужно время, чтобы вспомнить – они в ванной. Ему надо помыться. Только зачем Котаро встал на колени? О, он помогает ему снять штаны. Только зачем, расстёгивая ремень, так давить на член? Зачем так прижиматься, стаскивая их вместе с трусами? Зачем прикасаться руками и…

Ноги едва не подводят, когда он видит, как мягкие губы целуют головку. Как Котаро сдувает упавшую на глаза челку и смотрит на него. Снизу-вверх. Кончик языка мелькает между зубов и… Шинске забывает, как нужно дышать. Мир сжимается до ярко пылающей точки. Она – внизу его живота. Легкий укус – Котаро проводит языком по яичкам. И Шинске вновь упирается в стену, прямо над его головой, потому что он не уверен, что сможет выстоять до конца. Это больше, чем просто физическое ощущение, это кайф в теле и в голове. Он желает лишь одного – обладать. Завладеть этим парнем – своенравным, безумно прекрасным, хоть и упрямым… целиком, до кончиков волос.

Жар обволакивает член до яичек, легкое касание острых зубов – и тут же быстрые, резкие движения взад-вперёд. Это сильнее того, что он способен долго терпеть. Умелые движения рук, давление языка. Всего и не разберёшь, только вот горечь поднимается из глубин живота. И чем тяжелее становится голова, чем свободнее в ней от посторонних мыслей – тем больнее от осознания, где опыт этот Котаро мог получить…

Резкая разрядка. Покалывание в пояснице. Слабость в ногах.

Но Шинске, отталкиваясь от стены, уже выходит из раздевалки, переходя в небольшое, отделанное деревом, помещение. Ванна большая, глубокая. Чтобы забраться в неё, нужно подняться по нескольким ступеням, но сначала он зачерпывает ковшом чистую воду и выливает на себя. Обжигающе горячую.

Краем глаза замечает Котаро – тот смывает что-то с руки. Потом набирает в рот воды из-под крана.

– Можешь идти… раз уже мылся.

– Что-то случилось?

– Нет, – Шинске осторожно перелезает через край, чувствуя, как нога погружается в кипяток. –Ты прав, мне нужна была разрядка. Спасибо.

– Обращайся ещё.

И что это за улыбка?! Что за улыбка, мать твою…

***

В коридоре свет горит, но тускло. Лампочка доживает последние дни. Сого скинул кроссовки и смотрит на след от пальцев на ноге. В животе так пусто, что он согласен даже на собачью еду. Но будь он проклят, если дотронется хоть до чего-нибудь в этом доме, чего могла касаться рука белобрысой сучки.

Хотя, не похоже, что у них с Хиджикатой стабильные отношения. Конечно, зубная щётка, шампунь… Но нет одежды. Она приходит сюда иногда?

Прошел целый день, а на ладони и языке ещё остался жгучий след. Член Хиджикаты был таким… обжигающе горячим. Зря он позволил ему так быстро уйти. Надо было схватить, навалиться, может быть, оглушить… А теперь, кто знает, когда тот вернётся. И вернётся ли вообще.

В замке поворачивается ключ. Сого садится и смотрит на дверь, пытаясь как можно быстрее слепить хоть какое-нибудь подходящее выражение на лице.

Только вот, когда дверь открывается, на пороге стоит не Хиджиката, а совсем другой человек. Он в чёрной рубашке и почему-то одетом поверх кимоно, упавшем с плеча.

Его волосы – цвета металла.

7 - У вампиров, альбиносов и садистов радужка красного цвета

***

Ночью во дворе дома Такасуги так же тихо, как и днём. Но намного темней. Словно кто-то специально прикрутил яркость ночных фонарей. Это частный район, нет высоток, и хорошо видно звёзды на небе – пусть и не такие яркие, как за городом. Если закрыть глаза, вдохнуть ночной воздух, можно представить, что Токио где-то там, далеко, а здесь – лишь глухая деревня.

Но вот с дороги доносится резкий гудок клаксона, и иллюзия исчезает. Котаро открывает глаза. И сворачивает в сторону дома.

Всё же, осень уже – и в одной тонкой юкате на улице прохладно.

В коридоре темно. Этот дом слишком большой, и всё здесь похоже, а уж ночью… Вон тот поворот, кажется, именно он ему и нужен… только, прежде чем повернуть, Котаро бросает взгляд за плечо.

– Чего тебе надо?

Смешение мрака. Дуновение воздуха.

– Уверен, что тебе можно оставлять своего господина? – вкрадчивый женский голос. Как шелест гальки под деревянной подошвой.

– Не думал, что должен всё время находиться с ним рядом…

– Нет, – снова шелест, – не должен. Но тебе с ним безопасней.

– Зачем ты вернулась, Йоко?.. Или лучше назвать тебя Сарутоби?

Отделившийся от стены силуэт, выстрелившая в горло рука – но он успел отклониться и схватить за запястье. Металл тупо царапнул по пальцам, вывих плеча – и вот уже пол в миллиметре от носа, а в позвоночник упирается совсем не невесомая женская ножка.

– Чтобы убедиться, что ты помнишь приказ.

– Я… помню.

Чёртова садистка. Он ведь только снял бандаж!

– Если нравится быть подстилкой, продолжай в том же духе. Но мне казалось, что малыш решил подрасти и выбиться в люди…

Удар ногой назад неуклюж, да и сустав в плече проворачивается дальше, чем задумано природой, но эта боль – пустяки. Лучше уж сдохнуть, чем позволить и дальше над собой

насмехаться.

Но, хоть удар и не прошёл, он снова свободен. А в коридоре – вновь тишина и пустота. Только откуда-то дует.

***

Жизнь – подлая штука. Только в девять лет об этом вообще не подозреваешь, мир крутится вокруг, и пусть родители бывают дома только по ночам, а среди сверстников и ребят постарше своё превосходство приходится доказывать кулаками, но есть друзья и обожаемая сестра, готовящая самый вкусный на свете рисовый омлет и самое острое на свете рисовое печенье. И всегда проверяющая по утрам нет ли дырок на носках и все ли тетради и учебники засунуты в портфель. Сестра, к которой бежишь с табелем оценок и от которой прячешь разбитые кулаки. Сестра, приправляющая каждое своё блюдо жгучим соусом Табаско, иногда ворчливая, но чаще – улыбающаяся, и всегда – заботливая.

Самый дорогой и близкий человек.

Но вдруг, ни с того ни с сего, в привычный порядок вещей вмешивается посторонний человек. Из-за него сестра начинает пропадать где-то по вечерам, оставляя Сого одного, из-за него иногда грустит, а иногда носится как полоумная, то забывая зашить порванную рубашку, то положить палочки в бенто. Из-за него Сого срывает злость на собственных друзьях, а, приходя домой, чувствует непонятную пустоту и ненужность. А когда однажды вечером накрывается стол, и этот козёл приходит на ужин, а сестра то и дело бросает на него влюбленные взгляды из-под ресниц… каждая тетрадь в комнате Сого и каждый учебник оказывается изорван в клочья. И ладно бы то был какой-нибудь урод, так нет же – красавчик с белоснежной кожей, сочиняющий стихи и собирающийся поступать в полицейскую академию! Стоит только одним глазом взглянуть на мать и становится ясно – та уже мысленно готовит секихан.

А Сого… Сого оказывает кем-то ненужным и позабытым на этом празднике жизни. Возвращаться домой становится невмоготу, потому что там может быть ОН. Или говорящая о НЁМ мать или сестра, или обе разом. Или – вообще никого. Да и в школу, кажется теперь, ходить нет никакого смысла. Ему исполняется десять лет – и улицы уже привлекают сильнее посиделок в школьных клубах и лепки бесполезных поделок на день матери.

Теперь родителей то и дело вызывают в школу. А однажды участковый приводит его, отправившегося к Токийскому заливу пешком, домой около полуночи. Сестра постоянно достаёт с расспросами, не пристаёт ли кто к нему в школе, и не влюбился ли он в какую девчонку. Всё кажется скучным. Игрушки пылятся в коробках. И каждые выходные он наказан и вынужден проводить их, не выходя из дома.

И в один из таких выходных на пороге его комнаты безо всякого на то разрешения возникает Хиджиката Тоширо – официальный парень и жених его сестры. И без лишних церемоний прямо в домашней футболке и тапках уволакивает куда-то. Это «куда-то»

оказывается спортивным залом.

– Выбирай, – говорит он. – Вместо того, чтобы маяться дурью, вложи её в более рациональное русло.

И пусть это самое «рациональное русло» у Сого ассоциируется с ударом кулака в живот или нос Хиджикаты, но уже первое занятие в секции кикбоксинга заставляет его иначе взглянуть на «козла, посмевшего забрать Мицу». Хиджиката – помощник тренера. Хиджиката – это тот, кого он теперь только сильнее мечтает завалить и как следует отдубасить. Когда-нибудь. Однажды. И чем больше он проводит с ним времени – тем сильнее Хиджиката начинает казаться ему неплохим парнем. Даже по-своему крутым. В отличии от тех же старшеклассников, умеющих лишь болтать, сбиваться в кучки и бесцельно махать кулаками. И… раз уж он довольно силён… и вообще… то так уж и быть… Сого не против, если сестра выйдет за него…

Только вот сказать об этом Сого не успевает. Ни ему, ни сестре. Потому что не проходит и месяца, как он начал менять своё мнение, в дом вламываются… бандиты. На одних надеты чёрные костюмы, на других – цветастые кимоно… в глаза бросается какой-то блестящий значок... Сого успевает пнуть одного по ноге, но его швыряют в туалет и запирают. Через дверь доносятся крики. Они сводят с ума. Сого думал, что уже достаточно взрослый и сильный, а на самом деле не смог сделать вообще ничего. И единственное, что бьётся в голове: «Хиджиката. Хиджиката. Ты должен прийти… Помоги. Спаси мою сестру, Хиджиката!»

Крики стихают. И сквозь щели в туалет начинает заползать сизый удушливый дым. Сого кашляет, бьётся в дверь – и вдруг с другой стороны в неё врезается таран, заставив вздрогнуть и рухнуть. Прямо на него. А потом его хватают за шкирку и перебрасывают через плечо.

– Нет! Не меня! Мицубу! Ты должен!..

Всё бесполезно. Жар и дым, ничего не видно и невозможно дышать…

Потом больница. Приют. Нежелание плакать и желание причинить боль другим. Драки. Скандалы… Но длится всё это лишь месяц. Потому что потом приходит она. Ямагучи Айка.

– Я знаю, кто убил твоих родителей и сестру. Если хочешь отомстить, идём со мной.

С тех пор прошло шесть лет. И все эти годы Сого не мог забыть про человека, вытащившего его из огня. Человека, забравшего сестру, но сумевшего стать если не другом, то старшим товарищем. Человека, которого он всё это время пытался найти.

И, наконец-то, нашёл.

И захотел сделать своим.

И что же теперь? Ещё вчера он думал, что осталось лишь отомстить. И разобраться с чувствами, проникшими в кровь. А сегодня…

Тусклая, доживающая последние дни, лампочка. Дурной мотылёк, залетевший в открытую дверь вместе с осенним сквозняком. И мужчина со странным цветом волос, застывший на пороге.

– Кажется, я ошибся квартирой.

Дверь закрывается, а Сого продолжает тупо стоять и пялится на неё.

Это невозможно! Этого не может быть. Эти волосы… На расчёске… Шампунь для светлых волос...

И синяки, оставленные на ноге.

Скрип.

– Нет, всё-таки…

– Заходите.

Сого спокоен. И почти здраво мыслит. И оценивающе рассматривает «сучку» Хиджикаты. И, кажется, его тоже изучают в ответ. Какие же спокойные глаза у этого уже-почти-что-покойничка…

– Вы проходите, Хиджиката-сан скоро должен вернуться.

– О, правда? – тонкие белесые брови взлетают, прячась под чёлкой, и по лицу гостя проскальзывает какое-то странно-ироничное выражение. – А ты сам-то кто будешь?

Не дожидаясь ответа, мужчина оставляет высокие чёрные сапоги у входа и проходит в коридор. А Сого задерживается у двери. Несколько негромких щелчков – и та заперта уже даже на цепочку и нижний огромный замок, судя по ржавчине вообще никогда не используемый.

А улыбку, так и норовящую растянуть губы, сдерживать становится всё трудней.

– А вы, господин хороший, – ещё один щелчок и тусклая лампочка гаснет, – кем господину полицейскому приходитесь?

– Я-то?

Мужчина останавливается на входе в гостиную, оборачивается и смотрит на Сого так, словно видит его в этой заполнившей коридор темноте… Хотя, в комнату за его спиной через окно проникает рассеянный свет. Серебрит шевелюру. В которую как раз зарылась и скребет затылок пятерня. Шкряб-шкряб. Вши у него там, что ли?

– Я это… бывший сослуживец.

Куда он смотрит?

Несколько быстрых целеустремлённых шагов к холодильнику – и гость уже заныривает в загоревшееся ярким светом нутро морозилки.

– Простите за вторжение…

«Не прощу.»

Сого нащупывает в кармане тёплую рукоять ножа. Бабочка раскрывается бесшумно. Гость же, уже ухватившийся за деревянную палочку эскимо, косится на Сого своим спокойным красным глазом… словно лезвие, упёршееся в ребро, нисколечко его не волнует.

– Эй-эй, старик, – не выдерживает Сого и хмыкает. – Ты задеваешь мои чувства.

И тут же в лоб впечатывается что-то обжигающе-холодное. Но рефлекс срабатывает быстрее мозга – и он уже в двух метрах от гостя, застывшего с вытянутой на весу ногой. Ещё немного, и Сого бы не хило прилетело в живот.

– Так ты боксёр? – лениво-равнодушный тон и такой же взгляд.

Похоже, тело неосознанно приняло боевую стойку – кулак одной руки почти прижат к подбородку, локоть второй прикрывает бок, левая нога оставлена назад и живот напряжён так, словно уже принял удар бетонного блока.

Но Сого опускает руки.

– Не совсем.

И наблюдает за тем, как кучерявый гость спокойно наклоняется и поднимает с пола упавшее эскимо. Подцепляет зубами блестящую фольгу и одним движением срывает её. Позволяет обёртке упасть прямо на пол. Так вот, значит, кто ответственен за свинарник…

– И что ты на меня так злобно смотришь, словно я у тебя девку увёл?

Сунув мороженное в рот, гость просто поворачивается к Сого спиной и заходит в комнату. Кажется, он ненормальный.

Сого подбирает с пола выпавший нож, складывает и прячет в карман. Похоже, так просто ему с ним не справиться... Хотя, это стало понятно ещё в Накано, когда мистер «белый костюм» швырнул его прямо в мусорный бак, а перед этим неслабо раскатал других парней по асфальту. Дурость? Адреналин? Большой объем лёгких или невосприимчивость к нервнопаралитическому газу?.. Какая разница. Просто кое-кто просчитался и всего не учёл.

Непроницаемо-чёрный силуэт тянется к потолку, и в гостиной зажигается свет.

– Ну что? Поболтаем? Или хочешь продолжить?

На самом деле Сого не против. Даже более чем… просто обстановка не совсем подходящая.

– Лучше не надо. Пораню ещё.

Вытащив нож и раскрыв, Сого бросает его – и тот втыкается в стол. Прямо у ног кучерявого гостя.

– Окита Сого.

– Саката Гинтоки… – представляется любовник Хиджикаты. И плюхается на пол, продолжая посасывать эскимо. – Ладно, Со-чан, как будем его делить?

– Кого? – Сого ещё на ногах. И немного не догоняет, что происходит.

– Тоши.

О чём он? Разве этот Саката его не узнал? Но Сого всё ещё в той же толстовке, разве что без маски… Бред. Там, на узкой улице, конечно, дыма было много, но он сам сказал, что запомнил его.

– Вариант «распилить» не подходит?

Сого садится, вытянув ноги под стол. И вдруг раздавшееся бурчание живота заставляет мужчину, уже открывшего рот для ответа, отвести взгляд от его лица и спустить ниже. Раздражающе-насмешливый взгляд!

– И какая тебе нужна половина? – снова смотрит Саката в глаза. – Что будешь с ней делать?

– Отрабатывать удар правой.

– И всё? Знаешь ли, Тоши много чего умеет… любой своей половиной.

Прищуренный взгляд проникает под кожу и вызывает жуткий зуд по всему телу. Сого знает, что должен его ненавидеть. Убийцы родителей и сестры – некий клан Такасуги в составе Сумиёши-ренго – просто кучка людей, которым он обязан отплатить, но этот вот человек, из крови и плоти, сидящий прямо напротив… подвесить его за яйца и медленно поджарить – и то будет мало! Но не за то, что является членом ненавистного клана, и не за то, что связался с Хиджикатой.

А потому что пытается сейчас вывести его из себя.

– Саката-сан, – Сого склоняет голову к плечу и отвечает на внимательный взгляд не менее пристальным. – Лучше просто отступитесь. Это закон жизни – на место стариков всегда приходят более молодые и способные.

Эскимо с громким «чмоком» покидает плен на вид довольно чувственных губ.

– Это ты про себя?.. – и снова белесые брови взлетают под чёлку. – Не пойми неправильно, но сначала член в руке держать научись… Или ты из этих?.. Молодых, да ранних? С пелёнок погрузился в разврат, прошёл по всем рукам, и теперь умеешь больше, чем прожжённая проститутка?

В мозгу щелкает переключатель. Нет, света там нет, только держащий последнюю оборону здравый рассудок.

– А твои товарищи, Гинтоки-кун, в курсе, что ты трахаешься с копом?

– А твои? – мужчина снова чешет в затылке. – Те, что из якудза?

Так, значит, всё же узнал!

Пальцы смыкаются на рукояти ножа, край стола бьёт в колено, не давая толком вскочить, а лезвие натыкается на деревянную палочку, оставшуюся от эскимо. Прямо над столом. Как он сумел?

Удар по запястью – и нож отброшен к окну. Но у него ещё есть кулаки. Поддетый ногой стол взлетает над полом, а Сого приседает, бьёт в просвет. И видит лишь руку, упёршуюся в циновку. Едва успевает пригнуться сильней – и пронёсшаяся над головою нога задевает лишь волосы на затылке. А вот вторая… вторая врезается в спину, заставляя позвоночник издать странный звук, а тело кубарем впечататься в стену. А всё потому, что сам ограничил себе обзор.

Что это за удар? От него по мышцам растекается слабость и звенит в голове. Но точно не перелом. Потому что Сого встаёт, почти не чувствуя боли. А Саката Гинтоки снова сидит. Ровно на том же месте, где и раньше. Даже стол стоит как стоял.

– Говоришь, сослуживец?

Мужчина кивает и крутит деревяшку в руке.

– Спецназ?

В ответ лишь сильнее прищуренные глаза и тишина.

– Хиджикату я тебе не отдам.

Опустившиеся веки и уголки губ. Гинтоки заваливается назад, упираясь в пол локтем и подпирая голову кулаком.

– Как и Такасуги Шинске, правильно я понимаю? – у мужчины больше не насмешливый голос, но всё такой же притворно-равнодушно-ленивый. – Малыш, не слишком ли много ты пытаешься проглотить?

– Ты, – Сого отходит к двери. – Не похож на якудзу. Тебя наняли? Для защиты?

– Скажем так: «попросили», – взгляд прицепился и не отпускает. – А на кой он тебе?

– Хочу кое-кому отомстить.

– А-а-а… – мужчина вдруг заваливается на спину и задирает ногу на колено. – А я-то думал, Ямагучи послали в Токио самоубийцу.

И пока он пялится в потолок, Сого отступает за порог. В спину упирается кухонный стол. Рука нащупывает второй сверху ящик и медленно открывает.

– Как много ты знаешь?

– Достаточно, чтобы предсказать – ты скоро умрёшь. И ещё повезёт, если не заберёшь с собой дорогих мне людей.

Ящик пуст! А Саката поворачивает голову, ухмыляется и достаёт откуда-то из зада пистолет.

– Это ищешь? – и наставляет прямо на него. – Знаешь, как говорят? «Нет человека - нет проблемы.» Ну и удивил же ты меня парень... почти целый день потратил, выслеживая вашу базу, и, представляешь моё удивление, когда тебя, гадёныша, там не обнаружил? А ты - вот он, оказывается. Тёпленький.

8 - Проблемы ходят толпами

***

– Может, налить вам рюмочку, данна?

– Нет, благодарю, старик. Я на дежурстве… Лучше расскажи, что тебе известно о происходящем?

Холодно. Во-первых, лето кончилось, а во-вторых, эту закусочную на колёсах продувает со всех сторон. И да, он на дежурстве, только немного не в той локации, где должен быть. А ведь Хиджиката Тоширо – глава опергруппы, уже несколько часов ведущей наблюдение за подозрительным притоном. Но, они там, в паре кварталов, а он тут, запихивает в себя уже третью порцию рамена (и без майонеза-то достаточно сытного). Но такова цена за информацию – владелец закусочной на редкость вредный старик, деньгам иногда предпочитающий закармливать своих клиентов до смерти.

– Что данна знает о трёх великих кланах?

Большая голова, широкой подбородок, обтянутый землистого цвета кожей, и тоненькая куриная шейка. А ведь в молодости, говорят, этот старик был красавцем. Но, то ли это было так давно, что меры красоты с тех пор изменились, то ли время и старость настолько безжалостны… но это и неважно, главное, что мозг и память его ещё функционируют как надо.

– Знаю, что когда-то давно два из них объединились, чтобы изгнать из Токио третьего. И с тех пор Ямагучи сюда не суются. А если пробуют, мы потом находим трупы в подворотнях или вылавливаем из залива.

Пальцы старика дрожат, когда он переворачивает палочками кацу. И даже при полностью заполненном желудке, Тоширо не может не признать, что запах жаренной в сухарях и яйце курицы весьма аппетитен. Только еды в него больше не влезет. Ни за что.

– Если закрасить карту Японии цветами кланов, как думаете, что получится, господин офицер?

Тоширо прихлёбывает терпкий зелёный чай и пожимает плечами.

– Что? Три пятна разного цвета?

– Почти, – откладывая палочки, соглашается старик и вздыхает. – Токио, со всеми его специальными районами, разделится на две части, одна побольше другой. А всё остальное…

– Да ладно…

– Не верите? – морщинистые пальцы скребут не менее морщинистую шею. – Нет, конечно, тут и там вы ещё увидите брызги всех оттенков нефтяного пятна, но факт – по численности,

могуществу и богатству Ямагучи-гуми во много раз превосходит и Инагаву-кай и Сумиёши-ренго. Так было раньше, так же осталось и сейчас.

– И как же тогда они умудрились проиграть войну?..

– Да уж… Шестьдесят лет назад здесь разразилась самая настоящая война. В столицу прибыли тысячи боевиков. Но в ходе разборок гибли не только якудза – смерть косила и простых жителей, и стражей правопорядка… И всё же, до определённого момента ни полиция, ни более мелкие банды в противостояние так называемых великанов не вмешивались.

Такое немного сложно представить. Это вам не сотня на сотню… а, настоящие армии. Даже когда обычные группировки делят территорию, страдают заведения, платящие им за крышу, жертвами взрывов и перестрелок становятся невинные прохожие, а те из полиции, кто пытается вмешаться – их просто засасывает в мясорубку. И это при том, что далеко не каждый якудза может позволить себе ходить с огнестрельным оружием…

– Всё равно не понимаю, – кремень отсырел, и зажигалка чиркает несколько раз, прежде чем выдать нужный огонёк. Тоши глубоко затягивается и выпускает струю дыма в сторону. – Если Ямагучи настолько превосходили остальных числом, почему не победили?

– Ну, во-первых, – старик тянется через прилавок и ставит перед ним чистую пепельницу. – Всех своих людей они не могли подтянуть в столицу чисто физически, иначе бы без охраны остались многочисленные штабы и склады по стране. А во-вторых, Сумиёши и Инагава достаточно укрепились в Токио. Можно сказать, что это была их песочница… И всё равно, мало-помалу, они проигрывали… А тем временем простые жители боялись выходить на улицы даже днём, магазины пустовали, а больницы и морги были переполнены…

– И? Не нагнетай обстановку, старик. Я уже понял, как всё было хреново.

Кажется, эти слова задевают престарелого информатора. Потому что тот вдруг отворачивается и начинает возиться с каким-то бидоном.

– Случилось. Ямагучи вошли в раж и начали вырезать банды, не участвовавшие в войне. Было даже совершено несколько нападений на полицейские участки, – голос доносится глухо, сквозь грохот половника по никелированным стенкам. – И у правительства не осталось выбора, кроме как встать на сторону одного из фронтов. А Сумиёши сумели значительно увеличить свои ряды, поглотив мелкие группировки, вышедшие из режима ожидания… Хотя и потеряли своего лидера.

– Лидера? Сумиёши же отличаются тем, что являются не единым кланом, а как бы союзом семей?

– Но управляет ими всё равно одна банда, – старик оборачивается и взгляд его останавливается на сигарете в руке Тоширо, уже догоревшей до фильтра. И только тогда он чувствует, как жжёт пальцы. – Не связывайтесь с Сумиёши-ренго, данна. Из-за того, что они не едины, многие считают этот клан слабым. Но подумайте сами… разве это просто, удерживать вместе сотни семей якудза? Имеющих собственных оябунов, территории и интересы?

– И? – Тоширо хлопает себя по карманам, пытаясь нащупать кошелёк. – Какое это имеет отношение к происходящему сейчас? Хотите сказать, нас ждёт новая война?

Старик не отвечает, просто наблюдает за поиском. Кажется, тщетным. Неловкое молчание затягивается, и Тоширо чувствует, как начинает звереть. Вряд ли он посеял кошелёк, скорее одному великовозрастному балбесу очень уж сильно понадобился тот несчастный «Джамп»...

– Прости, старик. Запишешь на мой счёт?

– Хорошо, данна. Может, у вас есть ещё какие-то вопросы?

Тоширо мотает головой и поднимается, но, уже отодвинув с пути лоскут с вывеской, вспоминает кое-о-чём и оборачивается:

– Старик, это всё может быть как-то связано с Такасуги-ренго? Это небольшой клан…

– …в Сумиёши-ренго, – заканчивает за него владелец закусочный и информатор. – Уверены, что хотите знать ответ на этот вопрос? Тогда, боюсь, мне придётся несколько увеличить вашу задолженность.

Будто бы у него есть выбор. Тоширо кивает.

– Хорошо… прошёл тут слух, – старик вытирает руки о фартук и забирает пепельницу с прилавка, – что те нападения на полицейские участки и мелкие банды шестьдесят лет назад организовали не Ямагучи, а…

– … Сумиёши-ренго, – на этот раз договаривает неоконченную фразу Тоширо. – И исполнителями были?..

Старик кивает.

– Эта семья никогда не гнушалась самых грязных и бесчестных дел. Но, несмотря на это, они до сих пор мнят себя блюстителями самурайских традиций. Смех и только.

– Вот блядство.

Несколько минут Тоширо просто сидит в машине и смотрит на своё отражение в зеркале заднего вида. Он, конечно, догадывался, что если уж Гинтоки влезает во что-то, то добром это дело не кончится. Но чтобы вот так? Подвязаться защищать мальчишку из клана якудза, которому светит уничтожение… И ведь вряд ли его волнует какая-то там война… Так было всегда – самые опасные операции, самые дикие приказы этот дурень вечно брал на себя. Да, там гибли товарищи, там Гинтоки мог быть уверен, что всё пройдёт как надо, лишь лично встав у руля… но ведь и на гражданке ничего не изменилось. Разве что теперь стало трудно подбирать достойные оправдания для его безумств.

Рация оживает внезапно и вырывает из всколыхнувшихся воспоминаний.

– Приём, шеф! Шеф! Приём! Говорит чайка!..

– Приём. Третий слушает. Что-то случилось? Приём.

– Приём, третий. Простите, шеф! Он назвался вашим приятелем! А потом оглушил, связал и запер нас в машине!..

– Приём, чайка… – рация издаёт тихий хруст в руке. – О чём, чёрт побери, вы говорите?! Приём!

Нет-нет-нет. Этого не может быть. Даже Гинтоки на такую глупость не способен, ведь так?

– Приём! Какой-то белобрысый парень! Он вторгся на объект!

Пальцы расслабляются, а затылок падает на мягкий подголовник. На потолке можно рассмотреть прожжённый сигаретой след. И отпечаток раскрытой ладони. Там были и другие свидетельства очередной безумной идеи Гинтоки, но Тоширо, оттирая их, поклялся, что занимался сексом в патрульной машине в первый и в последний раз.

– Как давно это было, чайка? Приём.

– Приём. Два часа уже прошло. А сорок минут назад он покинул объект.

Жив. Хорошо.

– Внутри наблюдается какая-то активность? Приём.

– Приём. Объект пуст, шеф. Простите. Там остались только пятна крови и обломки мебели.

Тоширо закрывает глаза и глушит рвущийся наружу бессильный стон. А ведь он просил его не вмешиваться в расследование… Или не просил?

– Возвращайтесь и пишите отчёт. И отправьте кого-нибудь на поиски следов.

А ведь им и так удалось найти это место по чистой случайности. Небольшая группа Ямагучи не могла действовать открыто, вот и засела в однозвёздночном притоне для престарелых шлюх и отчаявшихся наркоманов. И даже те взорванные джипы были предварительно угнаны, так что почти никаких следов они не оставили. Если бы не анонимный донос…

– А вы, шеф?

– С меня хватит. Я домой. Конец связи.

На самом деле, он не должен так поступать, но если есть хоть небольшая вероятность, что

этот оболтус сейчас завалился к нему и дрыхнет, то стоит её проверить. К тому же… Если Сого ещё у него… Может выйти неловкая ситуация.

Дверь почему-то не хочет открываться. Хотя ключ повёрнут в замке до конца. Тоширо даже на всякий случай поднимает взгляд на номер квартиры. Нет, эта дверь точно его. А ещё… ему кажется или нет, что с той стороны слышны голоса?

Это глупо. Безумно. Но не остаётся ничего, кроме как позвонить.

Спустя почти целую минуту из-за двери доносится грохот. И топот. А потом самое невинное на свете:

– Кто там?

– Я, идиот! Быстро открыл дверь, пока я не вынес её нахрен вместе с твоей задницей!

«Щёлк», «щёлк», «звяк», «вжик»… и долгий, протяжный «вжу-у-ух».

– Что ты там собрался с моей задницей делать?

Вид у Гинтоки почему-то весьма жалкий: волосы, и так вечно лохматые, сейчас взъерошены пуще прежнего, белое кимоно разорвано на плече, на щеке царапина, а на шее укус. А вон ещё синеет пятно на подбородке. И это только то, что видно в узкий просвет приоткрытой двери.

– ТЫ… вы чем там занимаетесь в два часа ночи?!

Даже толкнув дверь, за порог Тоширо переступает, только когда Гинтоки перестаёт на неё наваливаться и отходит с видом аля: «я тут не причём, но если ты так настаиваешь, то заходи».

В коридоре ничего подозрительного. А вот в гостиной почему-то перевёрнут стол, разбито окно и посреди комнаты валяется корзина с единственным зонтом. Не разуваясь, Тоширо медленно подходит к пустому дверному проёму. Заглядывает внутрь. И видит связанного по рукам и ногам и усаженного к стене Окиту. Причём вид у него… глаза сверкают, под одним из них уже набухает фингал, рукав толстовки оторван… а в пол между ног воткнут нож.

И тут лампочка, свисающая с потолка, вдруг падает и разбивается. Становится темно и грустно. Просочившийся сквозь дыру в стекле ветерок заставляет Тоширо поёжиться.

– Ладно, что вы не поделили?..

Где-то у него тут была запасная лампа… Пальцы нащупывают странное круглое отверстие в ящике кухонного стола. Тоширо сглатывает загустевшую вдруг слюну и обводит серую стену внимательным взглядом. В смешанном свете звёзд, луны и уличных фонарей он чётко различает несколько следов от пуль. Дёргает ручку второго сверху ящика… пусто.

А тем временем за его спиной царит тишина.

– Гинтоки, – оглянувшись через плечо, Тоширо застаёт его у окна, пытающегося то ли заткнуть дыру в стекле пальцем, то ли сделать её ещё больше. – Ты из ума выжил? Что мог такого натворить этот ребёнок, что ты…

– Я не ребёнок! – раздаётся резкий окрик от стены у шкафа.

И негромкий шорох становится громче. Но как бы Сого не пытался, вряд ли ему удастся освободиться из узлов, которые вязал сам Саката Гинтоки.

– Хорошо, – выдох. – Мне кто-нибудь объяснит, что здесь произошло?

Гинтоки отходит от окна и пинком переворачивает стол. Усаживается на него, скрестив руки.

– Тоши, ты в курсе, кто этот малявка?

А он-то хотел отложиться этот разговор на потом. В конце концов, тем, с кем встречаешься, лучше не рассказывать о своих бывших. Но, раз уж так вышло, молчать глупо.

– Да, знаю. Это Окита Сого. Он брат… моей невесты. Она погибла шесть лет назад.

– Вот как?..

Теперь Гинтоки зачем-то смотрит на Сого, да так внимательно, словно видит в первый раз в жизни. И начинает подёргивать ступнёй. Тот же отвечает ему не менее пристальным и неморгающим взглядом.

– Он очень на неё похож, да? – почему-то голос Гинтоки довольно тих. – Тоши, скажи, как тебя угораздило связаться с наследником клана Ямагучи?

– Что, прости?

– Его отец – двоюродный брат теперь уже покойного главы. И с недавних пор приёмный сын Ямагучи Айки, вставшей у руля после кончины мужа... Правда, здорово? Женись ты на его сестре, ни за что не смог бы стать полицейским.

Лицо Гинтоки в темноте, Тоширо не видно, какое на нём сейчас выражение, но по голосу не похоже, что тот шутит. Да и если посмотреть на ситуацию с этой стороны…

– Сого, так это твои ребята устроили сегодня шухер в Накано?

– И что? – Сого прикрывает глаза. – Не тебе, копу, трахающемуся с якудза, читать мне нотации. Тоже мне, полицейский… Что, денег на службе мало платили? Или понравилось быть подстилкой, Хиджиката-сан?

Когда он замолкает, Гинтоки поднимается со стола и подходит к Тоширо. Задевает плечом. Но в коридор пройти ему не удаётся.

– Ты никуда не уйдёшь. Пока я не пойму, что происходит.

Приподнявшийся уголок рта очень похож на усмешку, только это не она.

– Что такое, Тоши? Что ты хочешь знать ещё?

– Гин…

Его просто отодвигают в сторону, как предмет мебели.

– Если есть вопросы, задай их мальцу сам. Только не спеши развязывать, он, когда волнуется, начинает кусаться… Хотя, тебе это может даже понравиться.

– Гинтоки!

В темноте зажигается свет, Гинтоки не спеша натягивает сапоги и продолжает говорить, даже не оборачиваясь.

– Тоши, Тоши, Тоши… Давай обойдёмся без этих сцен, хорошо? Мы с тобой на свиданки не бегали и за ручки не держались. Так, выпивали иногда и трахались. Так что можешь со спокойной душой начинать спать с кем-то другим.

В груди каменеет. Каждое слово, каждый звук заставляет что-то там, внутри, болезненно натягиваться и рваться. Почему-то… до сих пор… ему казалось, что у них нечто большее, чем перепихоны по пьяни. Нечто, похожее на отношения… Значит, так думал только он один? И каждый раз, возвращаясь домой и встречая Гинтоки на пороге, радовался как последний дурак, а если квартира оказывалась пустой, расстраивался и, засыпая, прислушивался, не повернётся ли в дверном замке ключ… Стоил планы. Прикидывал, как отмазаться от очередного приглашения на гонкон… И…

В лёгких становится тесно.

Хлопает дверь.

А в кармане начинает вибрировать мобильный.

9 - Волчата, в отличие от щенков, дрессировке не поддаются

Розовый салон – сленг – салон, в услуги которого входит минет.

***

Сарутоби должна была уже уйти. Но тогда откуда это неуютное чувство? Словно сами стены пялятся в спину?

Уже около часа Котаро бродит по коридорам ужасно-огромного дома, не переставая удивляться, как люди в нём ориентируются вообще. Особенно ночью, когда свет горит лишь у входа, да в нескольких комнатах. Да и эта ужасная тишина… И вчера-то не было шумно, а сегодня, после утреннего происшествия, его обитатели вообще держатся ниже травы, тише воды. Даже двое дежурных у крыльца лишь молча метают ножи в полосы света.

Хотя, возможно, тихо ещё и потому, что по приказу вакагасиры большая часть боевиков отправилась на улицы – выспрашивать-выслеживать возможных организаторов нападения. Котаро лично видел, как штаб покидали даже те, кому досталось от взрывов. Так что главный дом клана теперь напоминает растревоженный и почти опустевший улей, выславший войска в погоню за неприятелем.

Но что это?.. Наконец-то, неужели голоса?!

– … кто вообще этот новичок? – неприятно-высокий женский голос уже знаком. – Почему ему так просто позволили выйти?!

– Вака! – а это, кажется, Рисуноске. – Не можем же мы подозревать всех, кто недавно присоединился…

– Идиот! Можем и должны! Иначе как…

Котаро уже собирается развернуться – всё равно это точно не та часть дома, где ему полагается быть – и уйти, продолжив поиски отведенной для сна комнаты, как вдруг за тонкой бумажной стенкой раздается голос Шинске:

– Азарни. Разве Сакату Гинтоки нанял не лично отец? В мои телохранители?

– Первый раз об этом слышу, ботчан, – в голосе женщины и правда удивлённые нотки. – Почему вы так решили?

Шинске не отвечает. А Котаро принимается задумчиво пощипывать верхнюю губу. В принципе, кучерявый его особо не интересовал до этого момента, но, похоже, он – засланная кем-то птичка. Как и сам Котаро. Только вопрос – кем? Явно не Ямагучи, иначе наследник не избежал бы участи быть похищенным. Тогда, Инагава? Тоже нет, эти вряд ли вообще в курсе, что происходит, а если и узнали – для вмешательства прошло ещё слишком мало времени. Ну и, конечно, Гинтоки не может быть послан боссом Сумиёши. Иначе бы Котаро как минимум

предупредили… Наверно.

– Где ваша слепая нянька, Шинске-доно? – снова Азарни. – Может, ему что-то известно?

– Моя «слепая нянька» способна нашинковать любого из ваших лучших бойцов на сашими, нее-сан, – довольно спокойно реагирует Шинске. – И, как я уже сказал, я сам разберусь со своими людьми.

– Одному вы уже позволили спокойно уйти… другой сбежать.

– Я сказал, – вот теперь в голосе наследника прорезается сталь, – я разберусь сам. И, если вам больше нечего со мной обсудить… Приятной ночи.

Шаги, выросшая за просвечивающей тонкой стенкой тень, шуршание бумаги и дерева при открытии двери. Котаро отступает в сторону, чтобы не попасть в прямоугольник света, но Шинске сразу замечает его. Запинается лишь на миг. И вот уже задвигает сёдзи за спиной, молча направляясь по коридору… возможно, в сторону своей спальни. Котаро бесшумно пристраивается следом. Этот навык – ходить по старым половицам, чтобы те не скрипели – выработался сам собой не так давно, в доме, очень похожем на этот и тоже принадлежащем якудза. И там это умение было залогом если не выживания, то здравого смысла…

– Ко-тян, ты знаешь, что подслушивать нехорошо?

Шинске явно старается выглядеть более собранным, чем это есть на самом деле. Но Котаро знает, даже если он и заподозрил его в чём-то, предпринимать не станет ничего. Просто потому, что... по-прежнему кажется не столько участником всего происходящего, сколько зрителем. Словно всё вокруг касается его лишь отчасти. Только потому, что «должно» касаться.

А ведь, в отличие от Котаро, он не выбирал свою судьбу. И, если пострадает – то не за свои грехи.

– Шинске, а ты никогда не замечал, что ваш вакагасира… не прочь стать наследником вместо тебя?

Они уже достаточно отошли от той комнаты со светящимися стенами, коридор снова погружен во мрак, но невысокий наследник клана с миловидным лицом (и явно без особых планов на будущее) идёт вперед вполне уверенно – и в вопросах ориентирования на местности Котаро остаётся лишь положиться на него. А что касается всего остального…

– Даже если это и так, – наконец отзывается Шинске, – то вряд ли у неё это получится. В таких старых семьях, как наша, ведущих свою историю ещё от вассалов дома Токугавы… главой клана можно стать только по праву крови.

– Как и у Ямагучи…

Он произносит это случайно. И вроде бы ничего особенного, только вот Шинске вдруг останавливается. И, не оборачиваясь, спрашивает:

– Откуда ты знаешь?

В коридоре темно, но всё равно глаза различают, где пол и где стены, а где фигура Шинске. И Котаро даже кажется, что он видит, как напряжена его спина. Ответ уже крутится на языке: «слышал от кого-то» – менее подозрительный, чем какое-нибудь более подробное объяснение. Но Котаро так и не произносит его.

– Более того, я знаю, что сейчас там всем руководит жена покойного главы. Так что... если Азарни выйдет замуж за твоего отца… или просто станет его женщиной…

Шинске не реагирует, продолжая стоять на месте. И Котаро догадывается, что перегнул палку. Расслабился. В конце концов, перед ним не обычный парень, а тот, кого дрессировали с пелёнок. И если он ещё не превратился в безжалостного бандита, помешанного на власти и деньгах, это вовсе не значит, что кому попало можно высказываться при нём о его семье. Так что Котаро просто затыкается. Как и положено слуге.

– Как насчёт того, чтобы стать моей женщиной этой ночью, Ко-тян?

Неожиданный поворот.

Немного обидный. Но, возможно, он это даже заслужил.

– … если ваш отец узнает…

– Только одна ночь. Не могу обещать, что уже завтра ты сможешь покинуть это место… Но как только шумиха утихнет – никто не посмеет тебя здесь задерживать. Обещаю.

Договорив, Шинске сдвигается с места, так и не обернувшись. Словно уже знает ответ. Интересно, он хотя бы представляет себе, насколько высокомерно прозвучали эти слова? Или считает, что поступает благородно? Долг… Такасуги-кумичо, по крайней мере, предложил отработать его честно… Хотя, поначалу и отправил в какой-то занюханный розовый салон.

Но, может, Сарутоби и права: с Шинске ему безопасней. По крайней мере, пока. Но, если попыток надавить на Такасуги больше не будет, Котаро уже совсем скоро придётся уйти. Немного жаль, ведь он уже начал привязываться к этому странному парню… с одной стороны, умудрившемуся пока сохранить человечность, а с другой – упрямо пытающемуся переводить всё в плоскость товаро-денежных отношений. А ведь Котаро позволил ему дотронуться до себя без всякого умысла. В конце концов, сближение с наследником для выполнения миссии совершенно необязательно. Просто так получилось. Всё, что было нужно – это попасть в дом.

Хотя, карьерный рост от шпиона-подстилки до шпиона-подстилки-убийцы – то ещё достижение. Но, можно подумать, у него есть выбор.

Разве что стать просто шпионом-убийцей.

А тем временем, коридор посветлел. Шинске привёл его в ту часть дома, куда проведено

электричество и где ночью можно ходить без фонарика, не опасаясь налететь на стены. Вон даже знакомый рисунок на ширме двери… Да, так и есть, это комната Шинске.

– Раздевайся, – приказывает тот, едва переступая порог.

И становится очень похож на других…

Тех, кому нужно лишь тело.

Футон уже расстелен, но только один. Конечно, откуда слугам знать, что юный господин пожелает провести и эту ночь со слугой? Только вот Котаро закрывает за собой дверь и остаётся стоять. А Шинске уже стягивает с плеч кимоно. И позволяет упасть на пол. В комнате горит лишь ночник, но даже так видно, что у этого довольно тощего на вид парня не такое уж и хилое тело, как может показаться в одежде. Нет, это не фигура спортсмена, но, несомненно, наследник клана проходил или проходит какие-то тренировки. Возможно, такие же, какие проходил и Котаро – обращение с ножом и борьба. Хотя… кто знает, Такасуги-старший мог заставить сына заниматься кендо или каллиграфией… Только от рисования иероглифов не развиваются внутренние мышцы бёдер и внешние ягодиц, да и предплечья... Достаточно вспомнить, с какой силой Шинске удерживал его на полу прошлой ночью.

Нет, всё же он странный. Как и его комната: этот компьютер, эта лампа и это застеклённое окно – словно часть старого, закостеневшего мира, но сумевшего отбить кусочек пространства для себя другого, современного.

Хотя, больше похоже на то, что в процессе дрессировки щенку позволили иметь немного игрушек.

– Тебе и правда нужна только одна эта ночь?

И зачем спросил? Наверное, следует быть благодарным, что вообще дают выбор, а не берут силой. В конце концов, он и к худшему был готов…

А Шинске смотрит через плечо. Он совсем без одежды. Если подумать, никто и никогда не обнажался так перед Котаро… Раздевали его. Лезли в душу. Пачкали тело. А сейчас… открываются сами.

Но как же трудно заставить себя пошевелить даже пальцем.

– Я тебе противен? – вдруг повисает в воздухе резкий вопрос.

«Ну что за глупость?!»

– Нет.

– Тогда почему?

Шинске поворачивается всем телом и его желание становится отчётливо видно. Вот только

во взгляде мерцает злость.

– Или ты предпочитаешь партнёров опытнее? Или постарше?

Нет, сейчас никакой он не щенок. Может, его дрессировали, может, заставили одеть поводок. Только Котаро кажется, что видит его настоящим. Избалованным? Да. А ещё властным. Самолюбивым. И, несомненно, ревнивым. Но, при всём при этом – открытым. Не скрывающим чувств. Отчаянно желающим избавиться от цепей, но почему-то даже не пытающимся их сбросить.

– Почему ты молчишь?

Шинске сдвигается с места и Котаро в спину упирается дверь. Расстояние между ними всё меньше. Но он пока не готов… Нет, он вообще не обязан! И даже не должен! Это…

– Я не хочу.

Под тяжёлым взглядом Шинске земля уходит из-под ног. Наверное, это глупо. Глупее всего, что он только делал за свою жизнь. И уж точно – эгоистичней.

Поджатые губы. Вздёрнутый подбородок. Глубже провалившиеся ключицы… заметно развитый, напряжённый сейчас пресс… и прижавшаяся к животу под пупком влажная головка. Подрагивающая мышца бедра. Каменная голень… Истёршаяся циновка.

За руку хватают. Шершавый пол царапает скулу. В ягодицы упирается острое колено, а в поясницу – собственный сжатый кулак. Шинске с такой силой сдавливает его запястье, словно хочет проткнуть пальцами насквозь. И почему все так и норовят вывихнуть ему одно и тоже плечо?!

И что теперь делать? Кричать?

Нет, конечно. Уже проходили…

А это больно. Но не так, как всегда. Ему всего лишь задирают юкату, а чувство – что рвут душу на части. И какого чёрта он только… вгляделся в этого парня? Какого чёрта… позволил залезть в свои мысли?!

– Пожалуйста, не надо.

Слышно пыхтение. Ягодицу сжимают до боли. Горячее и влажное елозит по коже. Но насильничает Шинске явно в первый раз. И молчит. Впервые. И Котаро становится страшно от этого молчания.

– Не надо, – уже громче. – Шинске!

Головка упирается в совершенно не растянутое отверстие. Ему же самому неприятно! Но тогда зачем?!

Зажмурившись, в очередной раз прощаясь с плечом, Котаро упирается в пол свободной рукой. Под веками вспыхивают яркие искры. Наугад подсекает колено Шинске. И давит… давит спиной, заваливаясь на бок. В правом плече пылает огонь, кожу щекочет предательская слеза…

А Шинске замирает. Просто прижимается сзади, закинув ногу на бедро. Уткнувшись в затылок носом.

– Идиот, – опаляет шею. – Почему ты такой идиот, Котаро?

Зрение проясняется не сразу. Но то, что он видит, заставляет лягнуть Шинске. Попытаться вскочить. Схватиться за плечо и зашипеть… не отпуская взглядом ухмыляющееся за стеклом лицо в чёрной повязке.

Скрип оконной рамы. Наставленный пистолет.

– Да вы продолжайте.

Котаро чувствует шевеление за спиной и стихающий стон. Кажется, он попал пяткой… не очень удачно. Но Шинске за ним, у двери. Если протолкнуть его наружу, сквозь эту картонную стену, он будет спасён.

– Я сказал: «продолжайте». Или застеснялись?

«Пшик». Совсем негромкий. Но в циновке рядом с повисшей плетью рукой появилась дыра. Глушитель? Так вот почему такое длинное дуло…

На плечо ложится рука. Надавливает. Котаро хватается за неё, но Шинске уже на ногах.

– Отойди.

В окне уже двое. Но у второго вторженца взгляд острее и, кажется, выбиты передние зубы. Совсем недавно.

– А ты не командуй, – шире ухмыляется первый.

– Хфатит, – перебивает второй. – Фремени мало, – переводит взгляд на Шинске. – Фафяфывай пояф и на фыход.

Это безумие! Да кто же они такие, раз посмели сунуться в штаб?! Конечно, охраны сейчас здесь даже меньше, чем вчера, но откуда они об этом узнали? С тем же успехом Такасуги могли засесть в доме со всеми своими людьми! Или следили?

– Хорошо.

«Что?»

– Шинске, нет!

Его запястье ещё в его руке. Но Шинске мягко расцепляет пальцы Котаро.

– Чё «нет», то? – хмыкает первый. – Ты тоже давай… В паре вы интересней – да и нам будет, чем заняться.

– Нам нуфен только офин!

– Не трогайте его, – вмешивается Шинске, уже подходя к окну.

– Заткнись! – рявкает обладатель целых зубов.

Шинске накрывает ствол сверху рукой и бьёт коленом по локтю. Хруст, рык и новый «пшик». И вместо поутихшего жара в плече, огнем загорается бок. Котаро смотрит на Шинске. Как кулак бьёт его в живот. Как заставляет согнуться. Шепелявый прыгает с подоконника и тут же суёт кляп ему в рот, стягивает руки за спину... Но Шинске словно ослаб. Его взгляд прикован к Котаро, но не к лицу, а ниже.

На циновку капает кровь. Ткань юкаты тяжелеет.

Если сейчас закричать…

Похититель в чёрной повязке перестаёт баюкать сломанную руку, пистолет уже в другой...

«Пшик»

Мир стремительно погружается в темноту.

– НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!

Ну и какая сволочь сказала, что с ним ему безопасней?..

10 - Даже в холодном виде месть отвратительно безвкусна

***

В разбитое окно дует несильно. Может, просто заклеить его, да и ладно?

– Эй. Может, развяжешь?

Если честно, связанный Сого нравится Тоширо действительно больше. Ещё бы кляп в рот засунуть. И отпороть.

– Эй, приём!

Интересно, где Гинтоки взял этот провод? Да ещё такой длинный, что хватило на руки и ноги?

– Хиджиката!

Сого сидит у стены, словно гигантская кукла. Тоширо подходит поближе и наклоняется. Смотрит на воткнутый в пол нож с двойной металлической ручкой.

– Это твоё?

Глаза напротив превращаются в две полоски. Как и плотно сжатые губы. Тоширо вздыхает и, разогнувшись, хлопает себя по бокам в поиске сигарет, и вспоминает про кошелёк… снова вздыхает. Огонёк зажигалки на миг заставляет ослепнуть, но вот он – спасительный вдох, головокружение… И заполнивший лёгкие дым уже рвётся наружу.

А в кармане оживает мобильник.

– Шеф! Вы дома?! У вас всё в порядке?!!

Приходится отодвинуть трубку подальше от уха.

– Не ори, Ямазаки… Что случилось?

– Анонимный звонок, Хиджиката-сан. О стрельбе в жилом доме. Ребята хотели отправить патруль, но узнали ваш адрес и… сообщили нам. У вас всё точно нормально?

Взгляд сам собой притягивается к испорченной стенке. Потом опускается ниже, к уроненной тумбе. Останавливается на чёрных крупных осколках.

– Да, в порядке. Просто был слишком громко включён телевизор. Не надо патруль.

– Хиджиката-сан… у вас, что, есть телевизор?..

– Был… – смотреть на то, во что превратилась новенькая плазменная панель, сил просто нет. – Если это всё, то спокойной ночи.

И снова блаженная тишина – сейчас бы сварить кофейку, да сесть, хорошенько подумать…

– Ещё не надоело строить из себя примерного копа, мистер Подстилка?

Тоширо выпускает дым в потолок. Потом поднимает ногу и подносит ступню в белом носке к голове обнаглевшего ребёнка. Задерживает навесу. Наверное, всё-таки плохой из него полицейский.

– Ну же... Не можешь ударить?

Подумать только, этот балбес – и якудза. И не абы какой, а будущий глава Ямагучи. Прямо «Золушка» из сказки для мальчиков.

Опустив ногу, Тоширо садится на корточки и выпускает дым Сого в лицо, тот морщится, но не пытается отвернуться. Сопляк. Шесть лет ведь прошло… Наверное, не стоило его там оставлять… Но тогда было так сложно даже просто смотреть на него – мир рухнул, мечты испарились, и это детское «убирайся» стало отличным предлогом, чтобы сбежать. Да, никто не просил его заботиться о мальчишке, да, он даже не успел кем-то стать для него. Но факт останется фактом – будь он рядом, такого бы не допустил.

– Как глубоко ты увяз во всём этом?

– Не твоё дело, подстилка.

Вздох. Но пальцы уже сминают мягкую ткань толстовки, прямо под горлом нахала, заставляя оторваться спиной от стены.

– Может, развяжешь? – наглый взгляд и задранный подбородок. – И проверим, кто сильней?

И что же с ним делать? Арестовать? Посадить за решётку на трое суток, а что потом? Быть членом якудза – не преступление. А если удастся доказать его причастность к нападению… Да, он несовершеннолетний… Но и в исправительном заведении, да ещё и с таким характером – совсем пропадёт.

Хотя, наверное, уже поздно браться за воспитание.

– Что ты заладил: «подстилка», «подстилка»… Обычно, я сверху.

– Вау-у-у.

Какая же противная у мальчишки ухмылка – так и хочется смазать по губам кулаком.

– А Гинтоки не якудза.

– И? – Сого дёргает плечом, Тоширо расслабляет пальцы, отпуская толстовку – и тот бьётся затылком о стену. – Это что-то меняет?! Ты только что узнал, кто убил твою невесту! Узнал, что любовник работает на убийц! И что же? Всё ещё смотришь на меня, как на блоху!

Показалось, что сейчас он заплачет, что голос вот-вот сорвётся. Но нет. Стал только злее.

– А ты и есть блоха.

Встал, пнул стол, отправив в полёт – теперь в стене новая вмятина, ну и пусть.

– И как только тебя отпустили… Токио для Ямагучи – запретная зона. Если ты и правда наследник… и вдруг погибнешь…

Догоревшая до фильтра сигарета обжигает пальцы. На полу и так пепел, а теперь ещё и паркет начинает дымиться. Выругавшись сквозь зубы, Тоширо поднимает выроненный окурок и бредёт к раковине в коридоре.

– Не погибну! – летит в спину. – Я уже не тот десятилетка!

– Пусть так…

Открыв кран, Тоширо набирает в ладони воду. Плещет в лицо.

– Чего ты хочешь добиться? – в голове становится немного ясней. – Если есть доказательства их вины, я тебе помогу.

Тихий смешок сквозь плеск.

– Я их заставлю признаться. Во всём. И тогда делай, что хочешь!

– «Во всём» – это в чём? Сого, неужели тот слух…

– Ты о кровавых проделках того мелкого клана? – ещё один едкий смешок. – О да, они много дел натворили. И мести давно заслужили.

Завернув кран до хруста, Тоширо застывает над раковиной, пытаясь представить себя не полицейским. А обычным гражданским. Точнее, вспомнить, каково это – потерять в один миг то, что значило больше всего на свете… Интересно, Сого помнит, как прошёл через это? Вот Тоширо – нет. Стёрлось. Потерялось где-то там, на границе мирной жизни и войны. Среди разорённых деревень, едва присыпанных землёй трупов женщин, стариков и детей, и долгих месяцев в горах… когда хоронишь своих и чужих, в желудке одна трава, а нижнее бельё смердит и воняет плесенью. И всё потому, что у врага зенитные комплексы – и с каждым днём всё меньше надежды, что вертолёты прорвутся и заберут из этого ада.

Но даже эти воспоминания блекнут. Всего год мирной жизни – и та, прошлая, уже кажется сном, полустёршимся из памяти кошмаром.

Говорят, что у солдат черствеет сердце. Может быть, оно и так. А может… просто слёзы высыхают, а месть… сколько врагов не убивай, всё будет мало. И бессмысленно, в конечном счёте – потому что друзей и близких так не оживишь. Только вот никто этого не понимает. Поначалу. А в душе растёт дыра, но кажется, убьёшь врага – и станет легче. Вроде как исполнил долг. Пусть защитить не смог, так хоть отомстил. Но облегчение, если и приходит, то лишь на краткий миг…

Но Сого этого не поймёт, пока не добьётся своего, пока не почувствует, как черноты и пустоты от мести в душе становится только больше.

Вот чёрт, ну как же дует…

И почему-то сзади…

– Простите, – ровный голос раздаётся прямо за спиной. – Я ищу…

Опасность! Невидимая, но тяжёлая волна захлёстывает с головой, отсекая эмоции и лишние мысли. Но, как назло, мусорная корзина бросается под ноги, а холодильник – под спину. Рука по привычке ныряет в пустой второй ящик сверху… Гинтоки, скотина! И дверь не закрыл за собой и ствол уволок! А служебная кобура осталась в машине!

– … Сакату Гинтоки, – тем временем продолжает гость, застывший на пороге. На нём зелёное кимоно, глаза закрыты. – Проживающий здесь человек указан в его страховой как контактное лицо…

– Три часа ночи… – деревянная рукоять попадает под пальцы. – Не поздно ли для визита, милейший?..

– Действительно, прошу прощенья. Но я тут случайно услышал странную вещь. Разрешите вопрос?

Что это у него?.. За пояс заткнут кинжал? Катана?!

Гость переступает порог, кажется, сделал лишь шаг, но – уже прямо напротив… «Звяк». И срезанный кончик калёной стали падает на пол, оставляя в руке половину кухонного ножа, а в воздухе медленно тает смазанный отблеск тонкого длинного лезвия. Но лей уже вложен в ножны.

– Что в этом месте делает один из напавших на моего господина?

Так вот это кто… Кажется, Гинтоки говорил про слепого якудзу из клана Такасуги. Но некогда размышлять, осколок ножа уже переброшен в обратную хватку. Руки скрещены перед собой – главное защитить голову, корпус. Прыжок в сторону, из западни – и теперь за спиной свободно – дверной проём.

И звон стекла. И порыв ветра.

– Прощайте, Хиджиката-сан! – приглушенное с улицы.

Дурак, второй этаж же!

А гость, застывший на полусогнутых ногах, выпрямляется. И словно бы смотрит сквозь Тоширо… секунду, две, три. И вдруг бросается обратно к входной двери.

Писк в голове, тонкий, едва различимый. Этот, в зелёном халате, опасен. Снаружи не разглядеть, но инстинкт вопит и заставляет не дёргаться. Тоширо встречал таких на войне, предпочитавших армейские ножи огнестрелу, ловивших кайф от убийств своими руками, маньяков на службе своих и чужих. Если он доберётся до Сого…

А в руке лишь осколок ножа для разделки.

– Стой!

Зелёная спина замирает уже за порогом. И дверь беззвучно закрывается следом.

– За двумя зайцами погонишься, ни одного кабана не поймаешь.

Полоска света. Резкий профиль. И очень вежливый голос:

– Простите, увлёкся… – гость делает шаг обратно в квартиру. – Позвольте представиться, меня зовут Окада Нидзо, – прикрывает дверь за собой. – Раз ваш сообщник сбежал, свои вопросы я задам вам.

И вместе ним в коридор заползает кромешная тьма.

– Вы уж простите, – Тоширо отступает назад, – если вдруг не отвечу…

– Уж вы постарайтесь!

И снова это движение – между ними только что было несколько метров, и вдруг – меньше шага. Рывок к поясу, выдернутый из ножен меч… сейчас просто разрубит! Лязг. И обрубок ножа от удара выскальзывает из пальцев. Назад уже не отпрыгнуть, но можно упасть. И схватить с пола чёрный осколок, метнуть. Точно в бедро. Но тонкое длинное лезвие лея уже несётся вниз. Выбивает щепки из паркета – в сантиметре от головы! Но он открылся – и Тоширо бьёт пяткой в беззащитный живот. Брызги слюны на лицо. Ещё удар – на этот раз коленом по рукояти катаны… но выбить её из руки не удаётся и приходится перекатиться к стене, чтобы не попасть под вновь взлетевшее и тускло блеснувшее лезвие.

И метнуть ещё два осколка.

Одно чиркает гостя по плечу, второе вонзается рядом, в грудину.

И вот теперь гость замирает. Падает на колено. Но руки крепко схватились за рукоять меча, чёрная струйка сбегает из уголка рта на подбородок, а веки дрожат… и открываются глаза.

Белые, словно варёные яйца.

Тоширо поднимается на ноги и трёт щеку. Влажно и горячо. Задел лицо? А, нет, это от осколков кровоточат пальцы... И кто бы мог подумать, что именно так послужит ему телевизор, даже не включённый ни разу. А вон и обрезки провода, очень кстати.

Но стоит отвести взгляд от якудзы, как тот вдруг выдирает из пола катану. И бросает, словно копьё. Не наклонись Тоширо к полу – насквозь бы проткнуло. А так – улетело в окончательно разбитое окно.

– Довольно!

Без опоры Окада не удерживается и падает вперёд, но одна рука подгибается – и якудза заваливается набок. Около его ноги уже натекла приличная лужа. Обычно, ранения в мышцы не наносят особого вреда, но осколок широкий… к тому же вошёл внутрь сантиметров на десять, если не больше. Похоже, бедренная артерия повреждена и гость отбросит коньки через минуту.

Но Тоширо уже стягивает провод на его бедре выше осколка. А плечо вообще можно не трогать. Пока.

– Как интересно… – тихий, но всё ещё ровный и вкрадчивый голос. – Не думал, что встречу кого-то… с такими навыками… в этом месте… Вы правда… знакомый Сакаты Гинтоки?

Вздохнув, Тоширо прислоняется к стене, где ещё совсем недавно сидел связанный Сого, и достаёт из кармана помятую пачку. Табак сыпется на пол, за ним – переломанные сигареты. Да уж, день не задался с самого утра…

– Окада-сан, зачем вы ищете его?

– Не могу поверить… – гость пытается сесть, даже приподнимается на одной руке, но тут же падает на спину. – Неужели, Саката-сан во всём этом замешан…

– В чём? – голова гудит, хочется спать, но приходится следить за каждым словом. – Давайте так, у вас были ко мне вопросы, у меня к вам тоже есть, так почему бы нам не обменяться информацией, как приличным людям?

– А вы… благородный человек. А ведь можете… просто заставить меня говорить.

– Не имею пристрастия к пыткам, знаете ли…

О, кажется, одна сигарета всё-таки уцелела. Кряхтя, Тоширо поднимается и заставляет себя дойти до окна – хватит уже мусорить в доме. Ступни прилипают к полу... Блин, всё-таки наступил на осколки.

– Хиджиката-сан… Вас же так зовут?

– Да.

– Мой господин пожелал увидеть Сакату Гинтоки как можно быстрее, но тот ещё утром испарился из штаба. И у некоторых наших людей возникли подозрения, не связан ли он с нападением.

– А как думаете вы, Окада-сан?

Ночной воздух бодрит, уже, наверное, четвёртый час ночи – света в окнах так мало. Где там улетевшая катана? Никто не подобрал?

– Пока не пришёл сюда… не верил... Пока не услышал ваш разговор…

Ну да, конечно, что ещё ему оставалось подумать? И что теперь делать Тоширо? Как полицейский, он обязан отвезти напавшего в участок и обо всём сообщить. Но Гинтоки… Если его подозревают, соваться обратно к Такасуги опасно. Однако, если кто и может его оправдать, так только этот Окада, но ему ещё надо как-то всё объяснить.

– Окада-сан, кажется, вы были телохранителем предыдущего наследника клана.

Тишина. И громкий выдох.

– Как, вы тоже знакомы с Хаджиме-доно?

Да, его звали Хаджиме. Хаджиме Такасуги. По крайней мере, до того, как покинул клан и сменил фамилию. Но Тоширо и Гинтоки знали его как Хаджиме Мизуки.

– Мы были в одном подразделении.

Стряхнув пепел, Тоширо оборачивается и выпускает дым. Ветер из-за спины разносит его по погружённой в хаос комнате.

– Значит, это правда? Что Хаджиме-доно попросил его позаботиться о своём брате?

– Наверное... – вновь глубокая затяжка, головокружение, резь в висках, выдох. – Мизуки не особо любил рассказывать о семье, но перед смертью… Да, он просил Гинтоки сделать что-нибудь для него. Если сможет.

И снова горечь в груди. Тогда, больше двух лет назад, когда Тоширо начал подозревать, что между сослуживцами что-то есть, что-то большее, чем просто дружба, то отнёсся к этому философски. А когда Мизуки умер, истекая кровью на их руках… Тоширо как никто другой мог понять Гинтоки, его боль, его отчаянье и его жажду убийства, перехлестнувшую все грани разумного.

Но вот месяц назад, когда тот вдруг заявил, что пойдёт к Такасуги – Тоширо разозлился. Ведь он-то смог оставить прошлое позади, а вот Гинтоки…

Мизуки всегда казался Тоширо слишком мягким и не подходящим на роль солдата, так что

с трудом верилось, что тот родился в семье якудза, и его младший брат вполне мог оказаться такой же рохлей. Но что, если чувства Гинтоки не угасли? Что, если…

И вот, сегодня он просто ушёл, заявив, что между ним и Тоширо ничего серьёзного и не было никогда. А Сого оказался претендентом на трон Ямагучи.

Подумать только, теперь они оба – няньки для наследников якудза.

– Кажется, вы улыбаетесь.

Голос Окады слаб. Хоть кровотечение и должно было остановиться, потерял он крови немало. Отправить в больницу?

– Гинтоки не предавал ваш клан. Или, по крайней мере, вашего ботчана. Просто старается разобраться с проблемой своими методами.

– Спасибо… за откровенность…

– Не за что, – окурок выстреливает с пальца и улетает за плечо. – А теперь скажите мне, Окада-сан, что вам известно о нападении на семью Окита шесть лет назад?

Какое-то время ночной гость не издаёт не звука, просто дышит ровно, вперив невидящие глаза в потолок. Потом зачем-то поворачивает голову к двери. Его лицо видно плохо, но, кажется, на нём нет вообще никакого выражения.

– Простите, Хиджиката-сан. Но я правда понятия не имею, о ком вы говорите.

Его голос стихает и откуда-то до слуха доносится шорох. Кажется, из коридора... Неужели, у мелкого паршивца взыграла совесть, и тот решил вернуться?

Мягко ступая по полу, стараясь, чтобы ни один осколок или обломок не попал под ногу, Тоширо подходит к выходу из комнаты, потом крадётся к двери. Та всё ещё закрыта, но не заперта, так что достаточно толкнуть её, чтобы открыть.

На лестничной площадке нет никого. Только узкая катана лежит у порога.

А из глубины квартиры вдруг доносится голос Окады:

– Слушаю.

Подняв лей, Тоширо неспешно возвращается в комнату.

– Понятно.

Рука с телефоном падает на пол. Окада несколько раз открывает и закрывает свои белые глаза. Потом вздыхает.

– Около получаса назад кто-то посмел похитить моего господина прямо из штаба.

Что... за идиотизм? Полчаса назад Сого был ещё здесь. И, если и планировал ещё одно нападение, то вряд ли его люди начали бы без него… Или ими управляет кто-то другой?

Вдруг тяжесть из головы пропадает, но тело тут же бросает в жар. Тоширо падает перед раненым якудзой на колени и хватается за осколок, ещё торчащий в его плече.

– Отвечай. Ты правда никогда не слышал об убийстве шесть лет назад?! Могло так быть, что кто-то из ваших провернул это, а ты и не знаешь?

Не стон, а шипение вырывается из-за плотно сжатых зубов. В запястье вцепляется ещё пока здоровая рука Окады. Но Тоширо продолжает проворачивать в ране осколок.

– Не… могло… никто… из наших… за пределы Токио… не суётся!

В ладони мокро и липко. Тоширо расцепляет пальцы и хватка Окады слабнет. Он дышит прерывисто и тяжело. В принципе, к чему ему врать?

Резко встав, Тоширо подходит к уроненной тумбе, на которой ещё утром стоял целёхонький телевизор. Дёргает дверцу, достаёт аптечку. Вынув пару бинтов, бросает коробку на пол.

– Дальше как-нибудь сам.

Прежде, чем выйти из квартиры, Тоширо снимает носки и бинтует изрезанные стеклом ноги. Потом – ладони. Куда подался Сого, он точно не знает, зато уверен, что туда ему нельзя. Тот, кто отпустил его в Токио, тот, кто похитил Такасуги Шинске… желает войны. И по сравнению с прошлым, которому шесть десятков лет, смерть наследника Ямагучи – более весомый и значимый повод для её начала.

Но где же теперь искать этого сопляка?

Если только в том дрянном притоне…

11 - Требуя выкуп, убедитесь, что точно знаете, чего хотите

***

Ночь. До рассвета ещё час или чуть дольше, и большинство нормальных людей должны сейчас спать. Но в воздухе сгустилась напряженная тишина, а двор поместья Такасуги залит ярким светом и полон людей. Ещё на подходе к воротам, Гинтоки почувствовал на себе не самые дружелюбные взгляды дежурных, но стоило створкам захлопнуться за спиной – и вот его уже окружают со всех сторон.

– Сдаюсь, – поднять руки вверх несложно, зато, может, опустят ножи. – Но зачем же так сердится? Подумаешь, слегка задержался…

– И где же?

Из-за своих людей выходит Рисуноске, и какой-то он весь помятый. Даже сильнее, чем утром.

– Чёртово молоко, – пожимает Гинтоки плечами, – никак нигде не мог найти…

Сятей медленно обходит его по кругу и заходит за спину.

– Э-э-э, что ты делаешь, Ри-кун… Мне, конечно, приятно такое внимание к своему тылу, но твоё навязчивое…

За руку хватают и дёргают вниз. Потом за вторую. И, судя по чересчур серьёзным и напряженным взглядам бандитов, любое неосторожное движение может привести к не самым приятным последствиям. Для Гинтоки, разумеется.

– Прикуси язык, – негромкое шипение в затылок. – Для тебя я «Рисуноске-сан».

Запястья стягивает веревка. Прочная и жёсткая – явно куплена не в секс-шопе.

И какая только дурость не лезет в голову…

– Ок-ок, я понял, сегодня мы играем по-взрослому.

В спину толкают. И среди множества лиц Гинтоки видит одно, ухмыляющееся во все зубы. Джибо. Похоже, здоровяк уже подготовил свой подвал… Но пока его ведут не туда, а к главному входу. И на крыльцо уже выходит… довольно эффектная баба. То есть, дама.

– Это он?

Голос резкий и высокий, ярко-красные губы и ярко-красное кимоно, длинные волосы в сложной причёске. Любовница кумичо?

– Да, вака.

Упс, так это первый помощник.

– Внутрь его!

Кажется, такое уже было – и не далее, чем вчера. Или уже позавчера?

Снова коридор и комната, почти ничем не отличающаяся от десятков других, разве что размером, да на стене за спиной кумичо висит огромное полотно. С символом клана: иероглиф «единство» на фоне раскрытого цветка с большими круглыми лепестками. Вроде мака.

И снова Гинтоки перед ним на коленях. Только вот что-то Шинске по правую сторону от оябуна не видно… Так вот что случилось.

– Говори.

Приказ странный. И исходит от красной мадам. Встала прямо перед носом и крутит веер в руке. Что это? Сталь?

– Затрудняюсь так сразу придумать тему для разговора… Может, дадите подсказку?

Хлёсткий удар по лицу. Чуть не вывихнул шею и челюсть.

– Не юли!

Вот зараза.

Сплюнув кровь, Гинтоки вытягивает шею, пытаясь увидеть за первым помощником самого кумичо, но женщина тут же отвешивает новый удар. Правда, в этот раз он успевает отклониться назад – и только чёлка взлетает от просвистевшего перед носом веера.

– А вы знаете толк в оружии, - подмигнув, Гинтоки растягивает губы в ухмылке. – Может, оставим эти нелепые вопросы и уединимся? Обсудим последние тенденции в изготовлении легких сплавов?

Пинок в спину заставляет согнуться. В затылок упирается не такая уж и сильная рука, но, заметив блеск в женских глазах, Гинтоки позволяет ткнуть себя мордой в пол. При этом засунутый за пояс под кимоно пистолет врезается в бедро и живот. Вообще, неприятно.

А дама в красном склоняется на колено и, прикрывая губы рукавом, шепчет почти на самое ухо:

– Не наглей, красавчик… Но, если честно признаешься во всём, так и быть, подарю тебе незабываемую ночь перед казнью.

Так вот какие у него перспективы. А давление на затылок и спину ослабло. Кто там у нас?..

Рисуноске. Что, задело? Похоже, сятей влюблен беззаветно и безответно. Его даже жаль.

– А, может, это вам стоит признаться, мадам?

– Меня зовут Азарни, – махнув веером, женщина разгибается, и спину тут же отпускают. – В чём же это?

Гинтоки трёт щёку плечом, и на этот раз встречается с кумичо взглядом. Вот ведь упёртый старик… сидит себе и молчит, наблюдает.

– Во-первых, где вы были до сегодняшнего утра? И почему вернулись только после покушения? А во-вторых, разве не вашими стараниями штаб опустел и сюда смогли пробраться?

Тишина. Бормотания за спиной. Покосившись назад, Гинтоки поднимает взгляд на вакагасиру в женском обличье. Да уж, тут к гадалке на ходи, по дамочке видно, как ей нравится власть. И жестокость.

– Откуда ты знаешь, если ушёл ещё утром? – почему-то она не пытается оправдаться. Хотя, нападение – тоже защита. – Или всё же крутился рядом? Наблюдал и ждал момент?

– Ага, – хмыкает Гинтоки. – И вернулся, чтобы попасть под раздачу... Азарни-сан, просто днём я встретил в городе ваших ребят.

Снова шарканье ног за спиной и бормотания. А женщина смотрит внимательно, в её глазах нет и намёка на испуг – так не ведёт себя тот, чьи коварные планы только что были раскрыты.

– Ты… – вдруг раздаётся севший голос за спиной вакагасиры. – Правда не знаешь, где Шинске?

– Не знаю. Но сделаю всё, чтобы…

Трель. Старая как мода на хиппи. И прямо из его зада.

– Рисуноске, достань, – у женщины глаза превращаются в две узкие щели, взгляд колет и жжёт одновременно.

А вот сятей снова в непосредственной близости к тылу. Задирает кимоно, под ним штаны, в них карман, а в нём – старенький телефон-раскладушка. Вибрирует и поёт.

Сятей подносит мобильник к уху, потом отодвигает и тыкает в какую-то кнопку.

– Ау! Алё! – оказывается, в этой древней раскладушке есть громкая связь, и теперь по приёмному залу разносится чей-то совершенно незнакомый голос. – Штаб Такасуги-ренго, я надеюсь?

И где-то на заднем фоне раздаётся звук удара. Удара чем-то твёрдым по чему-то мягкому, вроде человеческой плоти.

– Эй! Меня кто-нибудь слышит???

Вакагасира делает шаг. Её лицо превращается в неподвижную маску, но чуть ранее Гинтоки успел разглядеть на нём кое-что… И сомнения пропали – она не причём.

– Шинске у вас? – голос женщины звенит ещё выше, чем прежде. – Требования?

– Ну наконец-то! Я уж думал, что мы лоханулись... Блин, этот паршивец заявил, что трубку никто не возьмёт. Но кто знал, что в том телефоне забит всего один номер?..

Похититель очень уверен в себе, если может так спокойно трепаться. Или специально играет на нервах? Но все молчат. Смотрят на вакагасиру. Только кумичо прикрыл глаза. Если это всё, что они могут… Гинтоки расправляет плеч, напрягает мышцы – и уже достаточно растянутые верёвки падают на пол.

– Бла-бла-бла, – разворот, не поднимаясь с колен, взгляд на телефон. – Ближе к делу.

Округлившиеся глаза Рисуноске смотрят насторожено, а вот Азарни даже не пошевелилась.

– Ну ладно, – из телефона. – Значит так, наследник вернётся, только пусть ваш кумичо признается во всех преступлениях против других кланов. Письменно. Времени вам до полудня.

Если честно…

– Похоже на бред, – Гинтоки встаёт и наклоняется к телефону. – Слишком расплывчато. Каких таких преступлениях? Да я тебе за минуту что хочешь на бумажке прям щас намалюю.

А взгляд Азарни острее самой острой катаны. Будто проткнула насквозь. А в трубке молчание. И вдруг:

– Тогда… – кажется, на той стороне растерялись. – Да, пусть запишет видео! Обо всех приказах от верховного оябуна! За последние сто лет!

– Может, лучше со дня сотворения мира?

– А ты весельчак. Не знал, что подчиненные Такасуги так наплевательски относятся к своему наследнику… Может, нам просто сразу убить его? М-м-м? Что скажете, Весельчак-сан?

Рука, вцепившаяся в плечо, с острыми ногтями. Ладно-ладно, Гинтоки и так ясно, что немного перегнул палку.

– Откуда нам знать, что вы этого не сделали ещё?

По громкой связи становится слышно пыхтение. Говоривший куда-то идёт. А вот и отчётливый звук удара.

– Скажи что-нибудь, не будь таким вредным, Шинске-тян.

Ещё удар. И ещё. И, наконец, голос больше похожий на шипение:

– Поцелуй меня в зад.

– Не сомневайся, мы и этим займёмся, – похититель смеётся. – До полудня времени много… Ну так что, всё поняли, господа Такасуги? В полдень чтобы кассета с видео была во всех крупных издательствах газет и телевидении.

Гудки.

Гудки.

Гудки.

Пока Гинтоки не забирает у Рисуноске телефон и не суёт обратно в задний карман.

– Интересно, – бормочет, – обязательно делать аналоговую запись? Где мы такую камеру вообще найдём?

– Ты! – пальцы, вцепившиеся в плечо, не отпускают. Азарни рывком разворачивает его к себе – надо же, они почти одного роста. – Почему позвонили тебе?! Так вот зачем ты вернулся?!!

– Я…

Неуверенный голос Рисуноске почти не слышно, но вакагасира замолкает и поворачивается к нему, и тот робко продолжает:

– Я знаю этот телефон. Такой же был у… Хаджиме-доно.

Сятей бросает взгляд на своего кумичо. Тот кивает. И вдруг заявляет:

– Ладно, достаточно.

Это почти что приказ – и Азарни вытаскивает из плеча Гинтоки когти. Сейчас она больше похожа не на якудзу, а мать.

– Что будете делать… мой господин?

Теперь все смотрят на кумичо. Даже без обсуждения ясно, что дела плохи. Даже если опустить бред про сто лет, признания даже в одном преступлении хватит, чтобы подставить под удар не только клан Такасуги, но и весь Сумиёши-ренго. Конечно, полиции и без того известно, что эти мафиози не одуванчиками торгуют, но без доказательств дела заводятся только для того, чтобы тут же закрыться. По словам Тоши.

Вот зачем он о нём сейчас вспомнил?..

– У вас есть время до полудня, – нарушает тишину севший голос кумичо. – Найдите Шинске.

– А..? – Азарни подходит ближе к нему. – А если не найдём?

Кумичо прикрывает глаза и сходит с возвышения.

– Мой господин! Он ваш наследник! Последний!

– Умолкни, женщина.

Сёдзи сходятся за его спиной, но в зале ещё какое-то время царит тишина. Хотя, не совсем – снаружи доносится топот. Едва вернувшихся из города людей вновь отправляют прочесывать улицы. Бесполезно. Ямагучи прекрасно известно, что стоит хоть намёку на их местонахождение просочиться – и они все покойники.

– Что будете делать?

На вопрос Гинтоки Рисуноске приподнимает бровь. И переводит взгляд на свою обожаемую вакагасиру – та грызёт ноготь и смотрит куда-то сквозь стену.

– Ладно, думайте… Кстати, кто-нибудь видел похитителей?

Раздражённый кивок на дверь.

– Что, даже никто не проводит?

И снова этот взгляд раненной львицы. А ведь Гинтоки всего лишь хотел убедиться, что может идти.

Но дорогу вдруг преграждает здоровяк, но на его лице больше не видно ухмылки.

– Я провожу, – заявляет Джубо.

И Гинтоки не остаётся ничего, как пойти следом. Чудесное чувство – скрип половиц под ногами, темнота коридора и здоровенная туша, затаившая на него обиду. Но времени мало, а Гинтоки надо ещё кое-что сделать.

– Пришли, – пыточных дел мастер останавливается уже за третьим поворотом. Как быстро. – Сюда.

И толкает дверь. За ним небольшая каморка, с потолка свисает одинокая лампа, на полу лежит… Как же его?.. Казура? Взмокшая грудь, обмотанные бинтами рёбра, на них кровавое пятно. Значит, стреляли. А это, в свою очередь, означает, что в больницу его не повезут. Потому что придётся объясняться с полицией. Так что парню ещё повезло, что не добили.

– Кто здесь?..

Гинтоки обходит Джубо и закрывает дверь за собой.

– Что произошло?

Глаза раненого воспалены, да ещё эта яркая лампа на потолке… Но если обмотать пальцы рукавом и слегка повернуть её, станет тусклее.

– Саката… Гинтоки?..

– Собственной персоной. Расскажи, что случилось.

– Я… – в уголках красных глаз выступают слёзы. – Я… Из-за меня…

Странный парень. Они же с Шинске едва знакомы.

– Успокойся. Я спасу его.

Когда Гинтоки выходит из дома, во дворе ещё горят фонари. Но небо уже начинает тихонько сереть. Прижатая к уху трубка нагрелась, но в ней лишь гудки. Снова и снова.

– Д-д-да-а-а… – наконец.

– Кондо-сан?

– Кондо-сан спи-и-ит.

– С каких это пор гориллы разговаривают во сне?!

– Гинтоки?

– Мне срочно нужна информация с того жучка…

12 - Даже две параллельные прямые где-нибудь, да пересекаются

***

Мир – сложнее, чем кажется. И, чем больше понимаешь в происходящем, тем глубже можешь заглянуть в пропасть… между реальностью и собственными желаниями. И тем страшнее оступиться. Потому что дна этой пропасти не увидишь никогда.

Но суть в том, что даже если очень стараешься ни во что не вляпаться, любая тварь способна подставить подножку и окунуть в помои с головой. И заставить харкать кровью.

– Скажи что-нибудь, не будь таким вредным, Шинске-тян.

На окнах тяжёлые непроницаемые шторы, так что определить, уже день или ещё ночь, невозможно. Но судя по ощущениям в избитом теле – прошло не больше часа или двух. При каждом вздохе невидимая игла втыкается под рёбра, а конечности всё сильнее наливаются свинцом, но в целом… не так плохо. Ещё бы придумать, как избавиться от веревок.

Удар в живот. Снова. Если заставить мышцы вовремя сократиться, глубоко кулак не пробьёт. Да, чертовски больно, даже притворяться не нужно, но уж лучше пусть болит пресс, чем порвётся желудок или селезёнка.

– Поцелуй… меня в зад.

А вот в этот раз среагировать не успел – и внутренности опаляет огнём, внутри что-то булькает, ноги подгибаются, заставляя повиснуть, а веревки ещё сильнее врезаются в запястья. И лодыжки. Шинске привязан к кровати, поставленной вертикально, за спиной плотный матрац, так что даже немного комфортно.

Вот только бьют снова и снова.

Орудует кулаками в основном Шепелявый, но иногда к нему присоединяется Толстый. Остальные сидят за столом в другом конце комнаты и играют в маджонг. Вообще, когда его приволокли сюда, те сильно удивились, даже похватались за биты и ножи. Да и сейчас посматривают иногда в их сторону, но молча.

И снова быстрый, резкий, неожиданный удар.

Лёгкие парализует, но спазм всё равно выталкивает кровавую слюну сквозь сжатые зубы… Чёрт подери, он не может всё время держать мышцы напряженными! Но стоит расслабиться, как этот урод тут же втыкает под рёбра свой огромный, как кувалда, кулак. Хорошо ещё, что без замаха.

Вдруг за волосы хватают и заставляют поднять голову. Вспотевшей шее даже приятно.

– Ну что, красавчик, – лыбится Толстый, – испортить тебе личико?

И заносит руку для удара. Лишь бы глаз не выбил, а сломанный нос или челюсть Шинске как-нибудь переживёт… Но неожиданно прилетает в ухо – и мир выворачивается наизнанку. Стены рушатся, пол закручивается в трубочку вместе с его внутренностями, а звуков становится в половину меньше.

– Ладно, хватит.

Заставив себя приоткрыть слезящиеся глаза, Шинске видит, как Толстый передаёт его телефон Шепелявому. Тот открывает раскладушку, смотрит на неё пару секунд и тут же закрывает. И кивает на игроков в маджонг. Толстый поправляет чёрную бандану и оборачивается.

– А-а-а... ну да.

И достаёт пистолет.

После первого выстрела один из зрителей игры хватается за бок и отшатывается к стене. И медленно сползает на пол. А в это время остальные "ямагучи-куны" уже бросаются к опрокинутому столу и дружно пытаются уместиться за ним. Все десять. А, нет, уже девять… Двое выскакивают с битами наголо, и игроков в прятки остаётся ещё меньше. Шинске их совершенно не жаль, но от того, что происходящее становится вновь совершенно непонятным – как-то не по себе.

– Так вы… не Ямагучи?

Шепелявый пинает тело у ног, то безвольно переворачивается на спину, но он всё равно стреляет прямо в лицо. У этих двоих не просто пушки, они с глушителями, а на руках перчатки. И действуют они настолько расчётливо и не торопясь, что и без ответа на свой вопрос Шинске уже ясно – перед ним не якудза, а наёмники. Но зачем убивать тех, с кем, по идее, заодно?

Возможно, брат бы сразу догадался, что тут почём.

Осмотрев последнее тело, Шепелявый вновь достаёт из кармана телефон, но не тот, который они забрали из его комнаты, а другой.

– Кхм, кхм… – прикрывает рот рукой, – я фнаю, гфе ферфат фашего мальфифку… Фолон «Файная Фрафь»…

На той стороне, кажется, понимают не больше, чем Шинске. Потому что Шепелявый вздыхает и начинает повторять сложную фразу снова. Но и во второй раз у него получается не лучше, и мужчина начинает опять набирать воздуха в грудь... но Толстый отнимает у него телефон. И рявкает в трубку:

– Я знаю, где держат вашего мальчишку! Салон «Тайная страсть»! Быстрее, кажется, его собираются забить до смерти!

Отключается. Кидает мобильный через плечо обратно. И снова растягивает отвратительный оскал на половину лица. На самом деле жира в его теле вряд ли много, достаточно приглядеться к мускулистой шее, чтобы понять – объем под одеждой не следствие пристрастия к фастфуду. Но с этой своей ухмылкой и мелкими глазками выглядит он по-настоящему мерзко.

– Ну вот мы и одни, красава. Полчасика на развлечения у нас ещё есть, так почему бы не развернуть тебя к лесу передом, к людям задом?

Шепелявый позади Толстого выдаёт резкий кашляющий звук – смех, наверное – и хлопает его по плечу.

– Фто, нафмотрелфя и фабыть не мофефь?..

– Ну второго ты тащить отказался, так что… К тому же, чем больше он будет изувечен, тем лучше, верно?

Так вот почему его так методично избивали. Вместо того, чтобы просто убить, как остальных. Но всё равно пока понятнее не стало – ну найдёт Рисуноске тут его труп, ну попробует Азарни уговорить отца на священную войну… Против кого? Ямагучи? Не смешите бабушек… у них сердце больное.

А этот, в бандане, всё ближе. Вон, уже лапы свои тянет к его руке. Да, давай, развяжи. Шинске заглядывает наёмнику в глаза и понимает, что тот не купится ни на притворную покорность, ни на глупую браваду. Но ненависть и обещание разделать на лоскуты на лице Шинске наверняка написаны крупными буквами. И когда нож оказывается около запястья, кулак уже сжат.

– Киса, не поздно ли пытаться показать коготки?..

Лезвие разрезает и кожу. И тут же запястье обхватывают мясистые пальцы… и слюнявые губы липнут к ладони. Мерзко, отвратительно, гадко. Тянет блевать. Но руку вдруг отпускают, и урод делает шаг назад, не прекращая ухмыляться, потом снова вперёд – и вот уже вторая кисть свободна.

Стоять оказывается неожиданно сложно. Кружится голова. Но рыпаться рано, ведь ноги ещё привязаны к спинке кровати, прижатой к полу. А Шепелявый за спиной Толстого отходит назад, поднимает стул, садится и утыкается в телефон, но этот мудила продолжает стоять прямо напротив. И почёсывать мощный подбородок ножом.

Широким. Армейским. С глубоким долом для стока крови.

– Нравится? – заметив взгляд, Толстый прокручивает рукоять между пальцев. – Хочешь, его тебе засажу? В твою маленькую дырку? Или, всё-таки, выберешь хуй?

Затёкшие плечи немного уже отошли. Так что Шинске может поднять руки и схватиться за спинку кровати над головой.

– Так и быть, – он тоже не умеет улыбаться нормально, так что всегда получается ухмылка или оскал. – Если отрежешь его и поджаришь на кунжутном масле.

В чёрных маленьких глазках блеск одобрения. Так вот что ему нужно? Сопротивление? Иначе не интересно? Что же, у Шинске есть парочка сюрпризов…

– Эй, – вдруг ленивый окрик от стула, – у наф гофть.

У Шепелявого там, в телефоне, что – наблюдательный пункт?..

Стоп, неужели кто-то из Такасуги был поблизости и ломанулся сюда?.. Один?! Что за…

– Кто? – не менее ленивый вопрос от напарника.

– Мафьфифка.

– О-о-оке-е-ей…

Ни тени беспокойства. Толстый просто перекидывает нож в левую руку, подходит к двери и прижимается к ней спиной. Через минуту становится слышно шаги, они приближаются, становятся громче… и замирают.

«Тук-тук»

Толстый, не спрашивая ничего, медленно поворачивает круглую ручку и открывает дверь ровно на столько, чтобы протиснулся один человек. Но ничего не происходит. Никто не пытается зайти внутрь. Шинске сжимает зубы и ждёт. Всё, что ему сейчас нужно – это немного везения. И чтобы этот пришедший был не из Такасуги. Потому что видеть смерть своих людей он больше не хочет. Никогда, ни за что.

Но дверь вдруг слетает с петель и Толстого вносит в комнату вместе с ней. Не удержавшись на ногах, тот падает, но тут же сбрасывает себя погнувшийся пластик, а на пороге медленно опускает ногу какой-то подросток… в знакомой толстовке. Так это же тот худощавый, только без маски!

– И кто мне объяснит, что здесь происходит?

В комнате свет горит только над опрокинутым столом для маджонга, так что разглядеть трупы и кровь совсем несложно. Но взгляд подростка прикован к Толстому, поднимающемуся с пола. И поигрывающему с ножом.

– А ты заходи. Гостем будешь.

Ясно как день, стоит тому дёрнуться, чтобы сбежать – и широкий клинок догонит его худосочную спинку через секунду. Но, кажется, что-то он может… А от Шинске до Толстого пара шагов. Как удачно.

Металл – крепкая штука. Но спинка кровати держится на винтах, расшатать которые во время экзекуции было нетрудно. И сейчас, стоит как следует дёрнуть её на себя – и оп, тяжесть оседает на макушку. Но его цель – Толстяк.

… чёрт, слишком медленно, тот уже оборачивается и уходит вбок… Но тут подросток оживает – и его пятка с вертушки входит качку в висок. А Шепелявый ещё только встаёт со стула. Полмгновенья – и уже стул летит к двери. А оторванная спинка кровати только-только приземляется на пол. Подтянув её ближе, Шинске упирается в перекладину коленом, ноги толком не переставишь, а прут выскальзывает из рук...

Ага. А вот и пистолет. Смотрит прямо хиляку со светлыми волосами в лицо. Время замедляет свой бег – Шинске видит, как палец в чёрной коже плавно надавливает на курок, как подросток ныряет под пулю, словно всю жизнь только это и делал. Но вырванный прут уже на середине пути. Нет, уже врезается в руку наёмнику... Жаль, не выбил оружие, но хоть отклонил. А это – лишь пара мгновений, и Шепелявый уже, морщась, выпрямляет её – только его цель успела сместиться ему прямо под нос. И ступня подростка выстреливает вверх, врезаясь в подбородок и, кажется, кроша оставшиеся зубы. Наёмника сносит к столу. Грохот и треск.

А у этого мелкого ничего так растяжка… Прям балерина.

Но он совсем забыл про того, кто уже снова поднимается с пола. Ну и крепкая же у Толстого голова… И его пистолет вот-вот уставится мелкому в спину. А у Шинске в руке новый прут, но взгляд прикован к отлетевшему ножу. Далеко…

Ладно, придётся снова метнуть.

Нет, он не промахнулся, просто Толстый упал – и прут проносится над ним и втыкается в стену. А подросток не глядя бьёт ногой назад. И выбитый пистолет взлетает к потолку. И приземляется в метре от Шинске – остаётся только упасть на колени и подхватить. Чёртовы ноги и долбанная верёвка! Первое, что он делает, отстреливает её нахер. Пуля царапает щиколотку, а до слуха долетает какая-то суета. Ещё один выстрел и он будет свободен… Что? Кончились пули?!

Да вы издеваетесь!

А Толстый уже успел взгромоздиться на мелкого верхом. Да уж, теперь ноги тому не помогут. Плюс такая разница в весе… Кажется, Шинске видел, как Толстый делал подсечку, но пистолет его заинтересовал в тот момент намного сильней.

Чёрт, ещё и Шепелявый начинает шевелиться.

ДА НУ НАХЕР!

Брошенный пистолет врезается Толстому прямо в затылок, и тот, уже замахнувшись, резко оборачивается к Шинске:

– Ах, ты, шваль…

Мелкий вырывает руку из под колена качка. И бьёт его прямо в подмышку. Но слабо. Потому что Толстый лишь хмыкает, и кулак раза в два больше, чем у подмятого мальчишки, обрушивает вертикально вниз. Почти по горлу. Хорошо, мелкий успел прижать подбородок к груди, но что толку – кажется, он уже в бессознанке...

Ксо!

На самом деле, похер на него.

Но…

Вдруг из разжавшегося кулака выкатывается нож-раскладушка. Значит, он ударил его в подмышку не просто кулаком?… И точно – Толстый, странно покачнувшись и с полными недоумениями глазами уже валится на пол. В лужу собственной крови. А ведь прошло всего секунд тридцать, и когда только успело столько натечь?..

Шинске сглатывает слюну пересохшим горлом и встречается взглядом с выбирающимся из обломков стола Шепелявым. Пистолет! У стены!

А нож, вот он, лишь руку протяни.

Шепелявый падает, перекатывается и подхватывает ствол, но Шинске уже роняет перед собой кровать. Но не давая упасть. И пуля входит в матрац. Босые ступни давно привыкли к холодному полу, но сейчас одной из них горячо – кажется, он перестарался и воткнул нож чересчур глубоко… но иначе пилил бы верёвку целую вечность.

А теперь вопрос на миллион – остались ли у Шепелявого пули в обойме?

Если нет, всё равно он опасен. А Шинске – не гимнаст, ногами махать и садится на шпагат не умеет, но у него нож, и обращаться с ним его учили лет с пяти.

В комнате тишина. Выглядывать из-за кровати опасно, остаётся лишь ждать, когда Шепелявый решит подойти. Шинске видел, как наёмники дырявили выстрелами деревянный стол, а потом добивали людей Ямагучи, но матрац пуля из пистолета с глушителем не пробьёт.

Жаль, пол тут не скрипучий. Кажется, что оглох. На одно ухо – точно.

Зато собственное дыхание и стук сердца слышно отлично.

А вот за ними – совсем ничего.

Стук! Слева в стену врезается… обломок ножки стола. Значит, противник зашел справа и сейчас сзади! Спины уже касается ледяное дыхание смерти, а Шинске развернуться не успевает совсем… только оттолкнуться от пола и послать тело вперёд, упасть, заскользить на плече... и увидеть единственную уязвимую точку.

Бросить нож.

Шепелявый хватается за рукоятку, торчащую из горла. Но пальцы сжаться не успевают, пистолет выскальзывает, а тело падает на колени. Застывает на одно… два мгновенья. И вот на полу уже труп.

Шинске смотрит на него и медленно дышит. Выдох – вдох. Выдох – вдох. И опускает голову. Паркет под затылком мягче лебяжьего пуха, а вот живот – сплошной глубокий синяк. Просто чуть напрячь его, чтобы встать – нереально. И вообще, шевелиться. Разве что повернуть голову набок.

Этот мальчишка… он ещё жив?

Если жив, то ненадолго. Скоро… Скоро тут будет Рисуноске. Надо просто дождаться… и объяснить, что произошло. А, значит, до прихода своих терять сознание нельзя никак. Да и не солидно.

С другой стороны, как в случае с Котаро, его могут и не послушать.

– Ксо-о-о…

Вставание всегда требовало напряжения стольких мышц?!

А ведь всего лишь встал на колени. Рывок. Передых. Шаг. И ещё.

– Так ты жив?

Свет льётся с потолка прямо в открытые красные глаза. Подросток моргает и резко садится. Сбрасывает с колен ногу Толстого и осторожно трогает свой подбородок. Двигает туда-сюда. А Шинске поднимает пистолет Шепелявого (оказывается, это Хаклер), проверяет обойму – две пули – и наставляет на врага.

– Говори. Кто ты и почему эти двое напали на тебя и твоих товарищей?

– Много будешь знать – быстрее в могиле окажешься… – не спеша произнося слова, парень словно проверяет возможности своей челюсти. – Разве тебе мама не говорила?

Остряк.

– Спорим, молчание тоже не очень хорошо на продолжительности жизни сказывается? Особенно, если много знаешь?

Пожатие плеч. Подогнутая нога. Шинске следит за каждым движением, но параллельно замечает подсохшую кровь на губе, синяк под глазом – и их этот мелкий получил не сейчас. Да и одежда его уже была в жалком состоянии, когда он пришёл. Эх, тяжело в столице Ямагучи, пусть они и самая крупная и влиятельная группировка, но здесь – лишь подлежащие отстрелу звери. Местные банды так их боятся, что любое появление на своей территории рассматривают

как попытку захвата. И что же…

– Зачем вам признание от Такасуги? Да ещё и в грехах за целые сто лет?

В красных глазах странное выражение: задумчивость вперемешку с сомнением. На пистолет этот поганец даже не смотрит.

– Если вашего самого главного арестуют, кланы Сумиёши начнут грызню, тем более, если станет известно, что их обманули и вынудили присоединиться, вырезав целые семьи и спихнув вину на Ямагучи.

– Это… когда было?

Шинске правда не в курсе. Насколько он знает, состав Сумиеши-ренго последние десять лет не менялся.

– Твоего отца ещё не было на свете, – усмешка. – Но, знаешь, им ведь дай только повод – набросятся словно свора гиен.

Это да, с этим трудно поспорить.

– А что, если бы здесь обнаружили мой и твой труп? И остальных?

Теперь подросток уводит взгляд в сторону и подтаскивает к животу вторую ногу, обнимает колено. Он не особенно удивлен или шокирован. Странно. Что-то ему точно известно.

– Колись, – Шинске ставит пистолет на предохранитель. – Мы тут, можно сказать, жизни друг другу спасли.

– Да кому ты…

Вот ведь упрямый. Ну и чёрт с ним. Позже, после ночи в подвале в компании Джибо как миленький заговорит... Хотя, вот прямо сейчас, ему ничто не мешает попытаться сбежать. Шинске прикрывает глаза, отступает к стене и сползает на пол, обхватывая живот. И глядя на следы своей левой ступни на полу. Красные следы.

– Уходи, – на выдохе. – Скоро здесь будут мои люди. И таких ответов они от тебя не примут.

Парень косится на него из-под чёлки, упавшей на глаза, и поднимается на ноги. Но идёт не к двери. Он обходит обломки стола. И останавливается над одним из трупов с вмятым в череп лицом.

– Меня зовут Окита Сого, – представляет вдруг зачем-то. – Шесть лет назад мою семью убили люди, носящие значки твоего клана, Такасуги Шинске.

Да, такое вполне возможно. Конечно, их клан – не наёмные убийцы, но иногда законы

якудза требует забирать жизни. Особенно, когда приказы исходят свыше, не подчиниться им означает подставить семью под удар. Если бы только обычные люди знали, насколько их жизнь проста и свободна в отличии от жесткой иерархии преступного мира… Сначала Шинске лишь ненавидел своё отличие от других, запрет ходить в школу, даже просто покидать поместье. Но ничего не понимал. Однако, так уж вышло, что узнать правду оказалось довольно болезненно… Правду, что якудза – отбросы, изгои, невольники собственных правил. И что уйти из клана почти невозможно, а если удастся, общество тебя просто не примет. Хотя, брат попытался, и у него почти получилось.

Кстати, ушёл он как раз около шести лет назад... Убийство целой семьи…

– Твой отец был якудза?

Окита переходит к другому телу. И снова просто застывает над ним, не делая ничего.

– И да и нет, – отвечает лениво. – До… того… дня я и не знал, что он двоюродный брат Ямагучи Кейске.

Ямагучи? Это который умер? Чёрт, Шинске точно слышал это имя. И тоже около шести лет назад.

– Говорили, что наследника нет. И сейчас там всем заправляет…

– Айка, – кивок. – Моя приёмная мать.

– Зачем ты мне это говоришь?

Что-то меняется. В воздухе, в электрическом свете. Вскинутый взгляд Окиты больше не задумчив и не рассеян. А кровожаден. Но направлен почему-то на труп. Труп наёмника. Тяжелый, медленный шаг. Ещё один, и ещё. Остановившись над Толстым, подросток наступает на грудь, наваливается на колено – и из-под руки мёртвого качка с плеском выталкивается сгусток крови. Как из сырого бифштекса.

– Я помню этого ублюдка. Никогда не забуду урода, волочащего мою сестру в подвал. Как и её крики.

Ему было, наверно, не больше десяти. Простой мальчишка, живший простой жизнью… Но, получается, его семью убили не люди из клана Такасуги? Тогда кто? Чёрт, надо было хотя бы одного из наёмников оставить в живых.

– Что будешь делать?

Окита закусывает губу и переводит взгляд на дверь. Точнее, на пустой проём в коридор.

– Ну, сначала мне надо как-то объяснить всё это одному противному копу…

***

Там же, в тоже время, но в коридоре:

– Кажется, тебе уже можно выходить, Тоши-кун.

– Думаешь?..

– Да, по-моему, он тебя заметил.

13 - Даже если смерть не пугает вас, относитесь к ней с уважением

***

Узкая улочка, сваленный вдоль стен мусор, вонючая сточная канава… и приметная вывеска. Этот притон – один в один, как и прошлый, только парой кварталов дальше. А название-то какое пафосное: «Тайная страсть». Страсть к чему? К крысам? Ибо вряд ли здесь бывает кто-то ещё, в этой подворотне. Больше похоже на ночлежку для бомжей, чем заведение, где можно снять приличную комнату и неприличную девушку.

И, всё же, паранойя Хаджиме наконец-то принесла свои плоды – жучок, встроенный в подаренный брату телефон, наконец-то пригодился. Но даже без этого чуда шпионской техники, Гинтоки легко вышел бы на новое пристанище Ямагучи, но, может, это заняло бы чуть больше времени… Ибо находить общий язык с людьми после возвращения к мирной жизни стало намного проще. Наверное, просто научился видеть сквозь притворство. Там… там это было жизненно необходимо. Особенно, когда входишь в захудалую деревеньку в составе небольшой группы, и, принимая от «мирного жителя» кружку воды, даже не знаешь, прячет он в подвале боевиков или мешки с рисом.

Так что, во время визита в старое убежище Ямагучи – такой же грязный притон – Гинтоки приметил для себя бегающий взгляд девушки-уборщицы и не слишком напуганное лицо хозяйки. Но таких людей полезно оставлять про запас. Пока не появятся новые вопросы, а отвечать на них будет уже некому.

– И ты здесь?

Даже оглядываться не нужно, чтобы узнать бравого товарища полицая. В конце концов, он столько раз слышал этот низкий, бархатистый голос, доносящийся из-за спины. Правда, с более близкого расстояния.

– Долго же ты добирался…

Почему-то Гинтоки не сомневался, что встретит здесь Тоширо. Немного напомнило тот случай в ущелье, когда они оба втихаря двинули в разведку, прекрасно зная, что вряд ли смогут вернуться, но столкнулись за шатром-складом иракцев… Интересно, что его привело? Чувство правосудия, беспокойство за своего мальчишку или жажда хоть ненадолго вновь окунуться в мир на грани жизни и смерти? Хотя, какая тут грань… так, игрушки.

Плечо задевают. Тоширо молча направляется к двери, и, словно дождавшись этого момента, вывеска над входом оживает и ослепляет невротически мигающим голубым. Миленько, ничего не скажешь.

Ладно, Гинтоки может пойти и следом, не гордый. Правда, обиделся немного, но кто-то этого пока упорно не замечает.

За стойкой регистрации никого. Свет в коридоре приглушен. Первая же дверь в номер не

заперта, вторая тоже, и третья… на всем этаже ни души. Тоширо уже направляется к лестнице, явно собираясь подняться на следующий, а Гинтоки тоскливо смотрит ему в спину. Целые тридцать секунд. Потом сворачивает вниз – ранее, с улицы, он заметил половинки окон, выглядывающие из фундамента, значит, здесь есть ещё цокольный этаж. И действительно, за толстой дверью совсем не подвал, сыростью здесь и не пахнет, зато тянется приличный вполне коридор.

Что-то ломается. Падает. И пукает выстрел – тело реагирует раньше мозга и заставляет прилипнуть к стене. Нет, стреляют не в коридоре, а в одной из комнат. Гинтоки стряхивает оцепенение и осторожно делает шаг – да, так он не быстрее черепахи, только сейчас важнее не скорость, а незаметность. Но тут вдруг из-за спины, со стороны лестницы, доносится шорох… Тоширо. Пристально смотрит на Гинтоки, и тот сжимает кулак, потом отставляет большой и указательный палец, изображая пистолет. И подносит руку к уху. Тоширо кивает. И когда вновь сдвигается с места, шагов его уже не слышно.

Как и выстрелов. Зато звуки борьбы довольно громкие… а вот уже кто-то шипит. Подойдя почти вплотную к комнате без двери, Гинтоки достаёт из-за пазухи аккуратное маленькое зеркальце в кожаном чехле, и отводит от себя, ловя в отражении происходящее за порогом.

Да уж, весело у них там: куча трупов, Сого разлегся на спине, а Шинске пялится куда-то… и вдруг падает плашмя, подхватывает с пола нож-бабочку и втыкает себе прямо в ногу. А мгновение спустя одним круговым движением уходит за стоящую на спинке кровать и дёргает её, выталкивая перед собой. Выстрел. Значит, не показалось, кто-то там одновременно с ним прокатился по полу.

А сзади на Гинтоки давит Тоширо, буквально дыша в затылок. Но ему пока лучше не знать, что мальчишка его отдыхает на полу и не подаёт признаков жизни. А отражение в зеркале как раз ловит сурового мужика лет тридцати. Его подбородок в крови, стекающей с разбитого рта, но он бодрячком и крадётся как кошка. В одной руке пистолет с глушителем, в другой – какая-то деревяшка. Кажется, настал тот самый момент… только вот кто тут жертва, а кто хищник, пока не ясно.

Жаль, к основному действию они с Тоширо опоздали.

Рука ныряет под кимоно и хватается за небольшой ствол, американскую беретту. Пистолет теплый, нагрелся, удобно ложится в ладонь. А Гинтоки следит не столько за крадущимся мужиком, сколько за абсолютно неподвижной спиной Шинске. Вот ведь, фрукт. По словам Хаджиме, его младший брат, при всей своей видимой незаинтересованности, с детства проявлял хорошие способности и, за неимением особых развлечений, много времени проводил в додзё, правда, его излишняя самоуверенность привела к трагедии… и каким-то там психологическим заморочкам… но сейчас он выглядит так, будто способен справится сам. Поэтому Гинтоки просто ждёт, уверенный, что успеет, если вдруг что-то пойдёт не так.

И вдруг крадущийся замирает и кидает свою деревяшку так, что та вылетает из-за кровати с противоположенной стороны. И, конечно же, Шинске реагирует на её стук.

Косяк царапает плечо, но беретта уже смотрит в лоб слишком умному мужику.

Однако, через четверть секунды Гинтоки отступает назад. И прикрывает глаза. Бросок Шинске был хорош, вряд ли кто-то из его отряда смог бы из такого положения попасть противнику точно в горло, тем более оружием, которое ни разу до этого в руках не держал. А Шинске воспользовался ножом Сого.

В рукав вцепляются нетерпеливые пальцы и Гинтоки косится на Тоширо. Взгляд его… стальная стена, за которой может быть всё, что угодно. Да, кажется, именно такая стена отделяла его от всего остального мира в день их знакомства. Снова он спрятался за ней. Заранее готовый ко всему. Этот мальчишка так ему дорог?

Вот блядство.

Так ведь и действительно можно подумать, что Гинтоки променяли на юного любовника… Почти точную копию сестры, между прочим. Откуда Гинтоки это известно? Интересовался. В конце концов, когда решаешься на вторую в жизни попытку разделить с кем-то не только постель, но и душу, хочется узнать о нём как можно больше. И хорошее, и плохое. И приятное, и нет.

Тоширо пытается его обойти, но Гинтоки преграждает путь рукой и заставляет прижаться обратно к стене. Хотя всего минуту назад собирался позволить ему войти и увидеть всё самому. Просто вдруг послышалось что-то…

– Так ты жив?

К кому это обращается Шинске?

– Говори, – продолжает тот. – Кто ты и почему эти двое напали на тебя и твоих товарищей?

– Много будешь знать, – раздаётся голос Сого. – Быстрее в могиле окажешься… разве тебе мама не говорила?

И Гинтоки медленно выдыхает скопившийся в груди воздух. Похоже, Тоширо не придётся пока никого хоронить. А разговор в комнате тем временем продолжается… И постепенно приходит понимание, что те двое молокососов не так уж и глупы. А Тоширо дышит всё громче. Никотиновое голодание нервничать заставляет? Или что-то из услышанного?

– ...мне надо как-то объяснить всё это одному копу…

Из комнаты больше не слышно ни звука. Гинтоки подмигивает и толкает Тоширо в бок:

– Кажется, тебе уже можно выходить, Тоши-кун.

– Думаешь?..

– Да, по-моему, тебя уже заметили.

Знакомый взмах ресниц, расслабившиеся мышцы скул, смягчившийся взгляд. Гинтоки знает их, как самого себя, но никогда не устаёт любоваться этой переменой. Но Тоширо уже обходит его и перешагивает порог, оставив после себя лишь легкий шлейф никотина, крови и пота. Всё-таки, мужики, в отличии от женщин, пахнут не очень… Но почему, если это именно он, для Гинтоки эти запахи совсем не противны?

– Йо, старик! Ты всё-таки сюда добрался? – Сого, похоже, вообще по жизни то ещё хамло. – А любовника своего зачем притащил?

– Я тоже рад тебя видеть.

Чиркает зажигалка и в коридор выносит облачко дыма. Гинтоки прячет пистолет за пазуху, подсовывает под ремень и тоже выглядывает из-за косяка выбитой двери.

– Ой, и меня заметили? – и видит Шинске, странно прямо сидящего у стены. – Встать можешь?

В комнате довольно светло, одна стена занавешена тяжёлыми шторами, на полу трупов больше десятка, осколки, обломки и кровь, много крови. Но эти двое довольно спокойны. Так вот значит, какие они – дети якудза? Сого всего шестнадцать лет, а на руках уже чья-то смерть… да, вроде бы это месть. Интересно, ему стало легче?

– Ты! – с опозданием реагирует Шинске. – Ты и мой брат! Откуда у тебя его мобильник?!

И он туда же?

Вздох.

– Мне обязательно объяснять?

Тоширо вновь задевает его плечом и достаёт телефон, параллельно приседая у трупа рыжего парня. И начинает стаскивать с того обувь.

– Это я, Ямазаки… Хиджиката, млять! Уснул, что ли, сволочь?! – кидает кроссовок Сого под ноги. – Собери наряд. Адрес – салон «Тайная страсть». И перевозку для жмуриков закажи. И лучше не одну.

– И это, господа, добропорядочный коп, – Сого усаживается на труп здоровяка и ловит второй кроссовок. – Ты правда думаешь, что я это одену?

Тоширо обрывает звонок и поднимает глаза к потолку. А вот Гинтоки рассматривает двух дохляков: оба избиты, Шинске вообще в одном кимоно на голое тело и даже без носков. Их бы сейчас обоих в больницу…

– А ты не молчи, отвечай на вопрос своего господина, – переводит взгляд на него Сого, – мне тоже интересно послушать.

Может, его всё-таки пристрелить? И избавить мир от мелкой занозы?

А Шинске смотрит так пристально, словно подозревает в чём-то совсем нехорошем. Хотя, не так уж и сильно он и не прав… Гинтоки протягивает руку, тот хватается за локоть и даёт себя поднять. И хоть всего метр с кепкой, взгляд его не преклонен и твёрд.

– Твой братишка всего лишь просил приглядеть за тобой.

– Почему?

Сого хмыкает (вот ведь сучёныш!) и Гинтоки делает шаг... Но кулак Тоширо уже опускается на светлую макушку, заставляя подростка вжать голову в плечи.

– Ты, бл…

– Обувайся! – командует полицейский и кидает ещё одну пару кроссовок, но уже Шинске под ноги.

Тот опускает взгляд. Но вновь поднимает, и плечу от его дыхания становится горячо.

– Он спас тебе жизнь? – почему-то он раздражён. – Или что?

– Нет, – Гинтоки чешет в затылке. – Просто принёс зефира в окоп.

И косится на Сого. Тот качает головой, но рот свой больше не раскрывает. И, всё же, обулся. Кажется, Шинске говорил что-то о том, что скоро тут станет людно, да и вызванный наряд ждать себя не заставит, так что:

– Хиджиката, забирай сопляка и вали отсюда.

– Знаю.

– Сам ты… – вяло огрызается Сого, но его уже уволакивают за шкирку в коридор.

Хочется встретиться с Тоширо взглядом, но его спина исчезает в проёме двери. А Шинске вдруг вновь подаёт голос, но уже не такой раздражённый.

– Ты… видел Котаро?

– М-м-м…

Гинтоки наблюдает за тем, как он отрывает от подола лоскут ткани, и сначала обматывает кровоточащую ступню, и только потом суёт её в кроссовок не по размеру.

– Допустим.

– Он жив?

Так вот он о чём. Неужели влюбился? Какие они всё-таки трогательные… оба. Только, жаль, у этих отношений будущего нет, и не только потому, что оба якудза. Просто тот мальчишка…

– Жив, здоров, не волнуйся, скоро увидишь его.

Вздох облегчения и, кажется, в комнате и правда становится легче дышать.

– Почему ты позволил Сого уйти?

Нет ответа. Шинске наклоняется и поднимает с пола широкий, похожий на охотничий, нож. Подбрасывает, ловит за рукоять. И вдруг лезвие вонзается в стену совсем рядом с плечом Гинтоки.

– Скажи своему… другу, пусть глаз с него не спускает. Если с Окитой что-то случится, мы все окажемся в большой сточной канаве.

Ох, как же хочется ответить, мол, «это ваши проблемы», но он не может. Увы.

– Эй, а этот коп… он и правда… твой любовник?

– А что?

– Да нет, – Шинске подходит, выдёргивает нож и совсем на него больше не смотрит. – Ничего.

А из коридора уже доносится топот.

***

Гадство. Гадство. Гадство. Какое же это дерьмо!

В голове – мешанина: из мыслей, воспоминаний и слов. Слов своих и чужих. Все эти годы… ради чего?!

– Эй, ты в порядке?

В машине душно, воняет куревом и майонезом, но в сиденье так мягко и даже жарко немного. Улицы за окном сереют, рассвет уже был? Кажется, что довольно светло.

– Сого.

– Да-да…

Не хочется говорить, не хочется думать, даже просто быть – и то надоело. Сегодня он трижды чуть не умер, сегодня он впервые убил. Это странное чувство… когда нож входит в твёрдые мышцы, втыкается в кость, и вот уже кажется, что просто режешь свинину. Жаль, он не видел лица этого урода, когда тот умирал. Умирал быстро. Хотя Сого предпочел бы растянуть его мучения, но выбора не было, или ударить в смертельную точку или позволить превратить себя в фарш.

– Дай закурить.

Хиджиката косится на него, но быстро возвращает взгляд на дорогу.

– Детям вредно.

– Я… не ребёнок.

Да, именно, уже повзрослел. И теперь должен что-то решить, что-то сделать… Айка, зараза, это же всё она. То-то показалось, что уехать удалось удивительно просто, она даже счёт его не закрыла, как делала всякий раз, когда хотела наказать. Да, на словах не пускала, но сделала всё, чтобы он рванул в столицу.

Нет, он должен узнать настоящую правду. Спросить. Заставить признаться. Да, именно так... но сначала, нужно поспать, хоть немного.

Машина тормозит и голова падает на чужое плечо. А, Хиджиката. Зачем-то остановился за светофором.

– Что?

– Э...

Странный взгляд, да он тоже устал, а ведь не молод уже… сколько ему? Двадцать пять?

– Да вот думаю, куда тебя отвезти.

– Домой, – а плечо у него ничего, даже удобно, – хочу в твой старый заплесневелый футон.

– Тут такое… кажется, ко мне больше нельзя.

Это ещё что за шутки?

– Почему?

Пальцы Хиджикаты сильнее обхватывают руль, двигатель урчит, и в такт ему внутри что-то трясётся. Его плечо, его близость… почему-то кружится голова. И начинают путаться мысли.

– Сначала в больницу.

– Не хочу…

Вцепившись в руку, уже начавшую поворачивать руль, Сого поднимает взгляд, щека трётся о жёсткую ткань пиджака Хиджикаты, а голос становится странно-чужим.

– Я буду хорошо себя вести, обещаю…

14 - То чувство, когда за поворотом открывается лишь новый поворот

***

От светлеющей утренней серости слезятся глаза, а в голове ни единой толковой мысли. Уже не столько хочется спать, сколько есть, но кратчайший путь к холодильнику и кровати, увы, перекрыт. Хиджиката улегся грудью на руль и смотрит туда же, куда и Сого – на тень за разбитым окном. Похоже, в его квартире их уже ждут.

– В больницу я не поеду, – на всякий случай приходится повторить. – Или в участок.

– И куда же тогда ваша светлость желает?

– Хилтон – это ведь в Токио?

– Хилтон – это в другой жизни, парень…

В кармане почти пустой кошелёк, но в нём безлимитная карта, а, значит, Сого может позволить себе номер люкс в любом приличном отеле. Только вот их внешний вид наверняка вызовет интерес, а если учесть, кто держит весь здешний гостиничный бизнес… то раньше полиции вполне могут приехать люди в чёрных очках и машинах. А вот в ночлежке вопросов не будет. Но в такое место совершенно не хочется, кроме того, с прошлого утра слухи о Ямагучи уже расползлись далеко, и первый же попавшийся бомж сдаст их Такасуги или кому-то похуже… Уехать подальше? В Синдзюку? Из Токио? Нет, есть мысль интересней.

– Тогда в лав-отель.

Хиджиката поднимается с руля и смотрит на него насмешливо и презрительно одновременно.

– Ещё одно запасное место для вашего плана?

Нет, вовсе нет, но как ещё его туда затащить? Сого кивает. Вообще, сдать их может любая бродячая кошка, но, если всё убедительно изобразить, то внимания на них там не обратят.

И вот они уже на месте. В обнимку. Облились алкоголем, а от Хиджикаты ещё и разит перегаром, на нём нет пиджака, а белая рубашка расстёгнута почти до пупа, Сого тоже оставил часть одежды в машине, остался в цветастой футболке – но для тех, кто загулял в клубе до утра и решил напоследок уединиться в отеле, подобный вид в рамках нормы. Да и подмышкой у Хиджикаты довольно тепло, от его терпкого запаха кружится голова, но рёбра от навалившегося веса скулят в два раза сильнее. Всё же помяли сегодня Сого не хило…

За окошком сидит заросший седой щетиной старик, пялится в телевизор – отлично, на клиентов ему наплевать. Осталось лишь заплатить, но достать кошелёк мешает рука Хиджикаты. Тот молча кидает наличку – несколько крупных смятых купюр – и портье точно

также, не говоря ни слова, выкладывает перед ним ключ с огромной пластмассовой биркой красного цвета.

Уже через пару шагов Сого чувствует, как плечам становится легче – Хиджиката пытается отстраниться. Ну уж нет! Приходится крепче обхватить его за бедра и прижать. Большого, тяжёлого мужика. И насладиться тем, как послушно тот поддаётся. Да, этот парень совсем не изменился, хоть и стал выше и старше… всё так же бездумно бросается на помощь, всё так же опаздывает и всё так же ведётся на блеф.

Камера в лифте. Покрытый пятнами красный ковёр под ногами. Коридор. Красные стены. Пластиковая дверь с огромной табличкой «27» и вытертой ручкой… стоит её повернуть и переступить порог, как в комнате включается свет. Розовый. Приглушённый. И Хиджиката толкает его вперед и несколько раз поворачивает ключ в замке за собой. Здесь душно и чем-то воняет, чем-то приторно сладким, обойдя ширму, Сого останавливает взгляд на круглой кровати, и с губ сам собой срывается пораженный смешок. Нет, такого даже он не ожидал – здесь если и удастся на что-то развести Хиджикату, так только на полуторачасовой приступ смеха. И правда, вот он подходит, останавливается… и вздыхает.

– Могло быть и хуже, – пробует Сого смягчить впечатление. – Ладно, я в душ.

Несколько быстрых шагов до двери за кроватью, прикрыть за собой, замереть и прислушаться. Хиджиката же не сбежит? Не бросит его? Нет, не должен. Не сможет – Сого это понял уже. Теперь ему нужно лишь правильно разыграть карты, попавшие в руки… до того, как уйдёт. Возможно, они никогда больше не увидятся снова, а, значит, другого шанса не будет.

Скинув футболку, Сого останавливается перед зеркалом в полный рост. Свет здесь точно также, как и в комнате, приглушён, так что тёмное пятно под ребрами почти незаметно, а вот под глазом синяк уже приличного синего цвета. Порезы на руках – последствия от прыжка в окно. Повезло, что толстовка оказалась достаточно прочной… Но соблазнитель из него сейчас, скажем так, совсем не огонь. Однако, сильное, выточенное в спортзале и почти взрослое тело осталось при нём, и Сого знает, что красив – ему не раз говорили об этом. И, если уж Хиджиката из «этих», соблазнить его будет проще, чем будь тот натуралом. Вообще, Сого слышал, что между мужчинами всё проще намного. Это вам не девчонки, которых надо уламывать, даже если сами давно решили отдаться. Ритуал, мать его.

– Эй, ты в порядке?

Хиджиката за дверью. Беспокоится. Какой же он идиот… Вместо ответа Сого врубает душ и залезает под упругие струи. Здесь есть только эта кабина, никаких ванн или джакузи. Шампунь попадает в глаза, а кожу щиплет от жёсткого мыла… но он должен вымыться хорошо. И везде.

Стук. Снова и снова.

– Да подожди ты!

– Пусти, у тебя там должна быть аптечка.

– Не умрешь… за десять минут.

Ладно, он закончил. Отпирает дверь. Хиджиката опускает взгляд и тут же поджимает губы.

– Хоть в полотенце бы завернулся.

– Когда? Ты так жаждал войти.

Вздох. Его оттесняют. А, вон и шкафчик, из него достают связку пластырей и антисептик – в этом отеле, похоже, подготовились к самым разным забавам клиентов.

– Иди сюда.

В руках Хиджикаты уже полотенце. Мягкий хлопок касается плеч, промокает спину, живот… Хиджиката даже опускается на колени, чтобы вытереть ему ноги. Сого пытается заставить лицо сохранить невозмутимость, но телу своему не прикажешь. У него встаёт. Но Хиджиката совершенно спокойно поднимается и начинает лепить пластыри на порезы. И большой компресс на ушиб на боку. А потом садится на низкий стульчик, скидывает с себя носки и поливает ступни хлоргексидином.

Вот ведь подонок. Мог бы хоть что-то сказать.

И пока он возится с пластырями, Сого кладёт руку ему на макушку. Волосы у Хиджикаты жёсткие, словно собачья шерсть, и не слишком короткие – легко ухватиться.

– Отсосешь мне?

Вопрос без ответа. Сого не чувствует попытки вырваться, Хиджиката просто продолжает примеривать клеящуюся полоску на середину подошвы.

– Давай... после стресса нам всем необходима разрядка. Тебя же бросили, мистер подстилка. Или ты хочешь быть сверху?

Пластырь приклеен, но Хиджиката уже тянется за новым. Сого не выдерживает и прижимается членом и животом к его лицу, головка проскальзывает по виску и останавливается, увязнув в густых, коротких патлах. Секунда, одна, две… Хиджиката медленно и глубоко выдыхает. Потом хватает его за вцепившуюся в волосы руку.

– Ты… остался всё таким же избалованным эгоистом.

Пожалуй, он прав. Хотя Сого никогда и не думал о себе в подобном ключе.

– Это на что-то влияет? Или ты позволишь трахнуть себя, если я изменюсь? Или захочешь трахнуть меня?

В пальцах остаётся клок чёрных волос, когда за запястье дёргают и толкают. Пол скользкий

от стёкшей с него воды, так что ничего удивительного, что удержаться на ногах не удаётся. Падение. И захват. Хиджиката умудрился поймать его, и теперь колено упирается в поясницу, а рука давит сзади на шею. Такое странное чувство… На нависшем лице выражение не раздражения, но вины. И что это? Сого вдруг чувствует прикосновение к животу – член обхватывают сильные пальцы, сжимают.

Да, это то, что он хотел. Почти то, что представлял.

Хиджиката дрочит ему и смотрит прямо в глаза.

И из глубины души поднимается тёплая, успокаивающая волна. А ещё – глупые слёзы. Это так хорошо, так приятно, словно оживший сон или мечта.

Как же паршиво…

Сого отворачивается, втыкая взгляд в пол комнаты за распахнутой дверью. Это одолжение ему вовсе не нужно, но нет сил оттолкнуть эту руку. Но и смотреть в глаза Хиджикаты он больше не может.

Приближается разрядка. Сого закусывает нижнюю губу, сводит колени, упираясь пятками в пол, и толкается в руку – та сжимается сильней – это почти болезненно, головка задевает сухую кожу ладони, но удовольствие от этого только острей. Сухость в горле, в голове свалка из мыслей, мышцы внизу живота сводит от напряжения, из груди рвётся стон, но Сого его не выпускает. Просто замирает. И чувствует, как спазм начинает отпускать его тело.

Глубокий вздох.

– Успокоился?

– Да, – голос получается хриплый. – Спасибо.

– Теперь тебе надо поспать.

– Хорошо.

***

Штаб гудит, как растревоженный улей. У Такасуги гости – три клана-побратима нанесли визит, так что в доме и во дворе яблоку негде упасть. Врач заставил Шинске проваляться в постели до обеда, и даже вколол что-то, чтобы уснул, и теперь в голове странная легкость и мысли в тумане, но сейчас вряд ли кому-то вообще есть до него дело.

Ведь, наследник – лишь символ.

Примерно тоже самое происходило лет десять назад. Когда он сбежал. Когда клан решил, что он похищен… А Шинске всего лишь гулял по округе, заглянул в школу и парк – туда, куда его до сих пор не пускали. Его не было всего три или четыре часа, но за этот короткий срок погибло несколько человек, а покалечилось – больше сотни, в основном члены местных хулиганских банд, но жертвы были и со стороны Такасуги. Позже, пару лет спустя, вспоминая тот случай, отец признался, что исчезновение его второго сына стало хорошим предлогом, чтобы вторгнуться на территорию давнего конкурента, да и припугнуть молодёжь, переставшую уважать старших. Но действительно поразило не это, в память навсегда врезалась одна лишь картинка – это толпа избитых, изломанных тел во дворе, когда он вернулся.

Это была его вина. Следствие его своеволия и его жажды свободы.

А потом брат исчез и наследник клана сменился. Но Шинске не особенно удивился, потому что… потому что знал Хаджиме так, как никто. Но дулся на него несколько лет, мечтая тоже однажды просто испариться, тайком изучал университеты подальше от Токио, вопросы экзаменов, возможность поселиться в общаге и, конечно, как сменить имя.

Пока не пришла похоронка.

Вылетевшая из клетки птица погибла.

– Зачем его понесло на войну?

Гинтоки сидит рядом, точнее – разлёгся на досках, и, как и Шинске, следит за падением кленовых листьев на гладь пруда. Шум и гам со двора долетают сюда, в эту часть поместья, но пока они тут только вдвоём.

– Какой же ты брат, если не понимаешь…

Болезненный упрёк, но он прав. Шинске держится за пятки переплетённых ног и прислушивается к боли в животе. «Ушиб брюшной стенки» – компрессы и отдых приведут его тело в порядок, а душа… он-то думал, что уже давно смирился, так зачем же задает сейчас эти вопросы? Что пытается понять?

– Мизу… То есть, Хаджиме… – Гинтоки сплёвывает щепку и тут же суёт на её место между зубов новую, только что выковырянную из доски. – Он чувствовал, что не может повести людей за собой. Не может стать таким, как ваш отец. Но он… хотел измениться. И вернуться.

Так, значит, брат не бросил его?.. Шинске не знал, даже не подозревал об этом. Но можно ли верить словам Гинтоки? В его голосе странные нотки.

– Ты был против?

– Сейчас, – новый плевок, – это уже не имеет никакого значения. Важнее, чего хочешь ты.

Даже смешно. Серьезно.

– Хочешь продолжать плыть по течению? У тебя нет «своих» людей, ты не пытаешься вмешаться в дела клана, лишь учишь то, что должен учить, ходишь туда, куда нужно ходить. Знаешь, есть ты или нет тебя здесь – разницы никакой.

Нет, Гинтоки не понимает, если Шинске и правда исчезнет, семье могут навязать наследника или, вообще, поглотить. Ведь они – не отдельный клан, а часть Сумиёши. И те, кто сейчас ещё может свободно дышать, станет кем-то вроде собачки под чужой крышей. Или пушечным мясом.

– Или что? – не унимается «мастер». – Тебя волнуют эти бандиты?

– Они – мои братья.

– Не очень заметно… тц!

Кажется, Гинтоки ткнул себя щепкой куда-то не туда, но договаривать нет нужды – Шинске понял уже, к чему он клонит.

– Кстати, ты не знаешь, где Котаро?

Тишина. Гинтоки возится с щепкой, снова и снова ломая напополам. Наконец, бросает во двор. И это его поведение заставляет голову наполниться сразу кучей ненужных мыслей. Кацура ведь не умер? Не мог!

– Ты сказал, что он жив!

– А… да. Сказал.

Гинтоки садится, закидывает ногу на ногу и откидывается на руки назад. Косится на Шинске, не поворачивая головы, и грудь его медленно надувается и так же медленно опадает.

– Твой Котаро – шпион, отправленный сюда вашим верховным кумичо. Похоже, тот был в курсе замыслов Ямагучи, но вместо того, чтобы предупредить, решил подстраховаться. Котаро должен был убедиться, что твой отец не сделает глупость, а если попробует… убить его. Ну или сообщить.

– Отк..

Ком в горле мешает, приходится попробовать сглотнуть его и начать заново.

– Откуда ты знаешь?

– Он сам рассказал.

Чушь, ерунда. Котаро – совсем не якудза, и на убийцу вообще не похож. Или притворялся так искусно, что Шинске не понял? Но как же тогда… Нет, невозможно. Его точно заставили.

– И что с ним теперь будет?

Гинтоки пожимает плечами и прикрывает глаза.

– Вернётся обратно. Но так как язык за зубами не удержал, придётся ему расплатиться… Хотя он и так уже достаточно должен, только не твоей семье. Выполнение этого задания позволило бы ему выплатить долг, а теперь… отправят торговать наркотой или собственным телом. Я слышал, в Токио порнографию контролирует в основном Инагава, но и у Сумиёши есть свои рынки сбыта.

Перед глазами темнеет, это солнце заволакивают тучи или это внутренности заполняет злость? Как же назвать это горькое чувство, выжигающее лёгкие изнутри? Кулаки сжимаются сами. Конечно, услышанное – вовсе не новость, такой способ получения денег с должника вполне обычен, но стоит только представить, что этим будет заниматься Котаро… Или уже занимался? И теперь ему придётся вернуться назад? И всё потому, что проболтался.

Зачем он вообще рот открыл?

Наверное, знал, что за жизнью главы Такасуги в любой момент может прийти кто-то другой. И если такое случится, спасти Шинске уже не сможет никто.

«Дурак, это не твоя проблема…»

– Всё это он сам... тебе рассказал?

– Это – нет, – признаётся Гинтоки, прищурив видимый глаз. – Но знаешь, если попробовать навести справки, узнать можно многое. Например, как он вляпался в это...

– И как же?..

– Он сирота. Кроме бабушки у него никого. Но сейчас она в больнице. Как думаешь, где мог выпускник школы достать деньги на это? Торгуя в закусочной? Официантом?

– Он занял…

– Сначала, наверное, даже не подозревал, кому принадлежит ростовщическая контора. А потом просто не смог выплатить проценты.

И что теперь? Тут война на пороге, ещё не известно, что решит отец и остальные, но отдавать Котаро нельзя. Но как это сделать? Не запретишь же ему уходить… его бабушка – его слабое место. Нет, первым делом, им нужно поговорить.

– Где он? – Шинске встаёт, придерживая онемевший от компресса живот. – Ты же знаешь, где его держат!

Гинтоки подтягивает ноги к себе и задирает голову, в его взгляде неподдельный интерес.

– Зачем тебе это? Попытаешься сбежать с ним? Или выплатить долг за него?

– Не твоё дело, просто ответь!

– Здесь его больше нет. Пока ты спал, его увезла какая-то баба.

15 - Встать на ноги и пойти самостоятельно можно и в один год, и в восемнадцать лет

***

Деревянный пол холодит босые ноги. Шинске не вписывается в поворот, но замедляется лишь на пару секунд... плечо деревенеет от встречи с косяком, на пути попадаются какие-то люди – и он врезается и в них тоже. Слышит резкий окрик, но не останавливается. Это его дом. И никто не смеет ему здесь мешать.

У входа в зал для приема гостей стоят чужаки. Видимо, переговоры ещё идут, и соваться туда сейчас – не самая умная мысль… но как же трудно заставить себя остановиться!

И вообще, где носит Нидзо?!

Часов у него с собой нет, нет их и в коридоре, так что кажется, что время застыло. Но в голове ещё полная каша. Эх, ну почему он до сих пор не принял дела? Ведь отец предлагал отдать один район под контроль… Всё тянул, и теперь, в этот самый момент, оказался без людей, денег и власти. И даже небольшую проблему сам не может решить.

А Котаро там сейчас… Хотя, он же ранен. Не будут же его заставлять чем-то заниматься в таком состоянии?..

Из-за стены доносится смех. Потом шаги. И зал покидает чужой кумичо в сопровождении своих людей. Шинске слегка склоняет голову. И замечает, что внутри остался только отец, а ещё Азарни и несколько человек из группы Рисуноске. Его, похоже, всё же оставили дежурным по штабу…

– Отец. Я хочу поговорить, – взгляд останавливается на женщине, обожающей красный. – Наедине.

Та выше задирает подбородок и, поднявшись в места рядом с отцом, склоняется в поклоне.

– Тогда я немедленно раздам приказы.

Отец кивает. Она выходит. Шинске оборачивается и втыкает взгляд в Такечи, всё ещё стоящего у стены. Стратег косится на отца, потом вздыхает и тоже исчезает за дверью.

В комнате душно, пахнет потом, саке и духами.

Шинске опускается на колени перед возвышением, на котором восседает отец. По этикету кланяться в пол наследнику клана не нужно, как и ждать дозволения говорить.

– Могу я узнать, какое принято решение?

Глава Такасуги смотрит на него без особого выражения, он всегда был таким, показывающим эмоции лишь в редких случаях. Сколько Шинске помнит себя, у него всегда была очень прямая спина и широкие, покатые плечи, но вот морщины… морщин теперь больше, а глаза потускнели. И, это не трудно заметить, в последнее время он принимает всё меньше решений.

– Шинске, ты знал, что в нападении на тебя замешан приемный сын шалавы, занявшей трон Ямагучи?

Что? Откуда он… Гинтоки не мог проболтаться.

– Надеюсь, что нет, – продолжает отец, даже не став ждать ответ. – Наши люди устали, но его нужно найти. Если ты что-нибудь знаешь – лучше признайся. Сейчас каждая минута – на вес золота, понимаешь?

Так вот, что они обсуждали. Может, уже даже поделили трофеи. Да уж, заполучив не кого-нибудь, а наследника Ямагучи, они могут выторговать многое, и даже карту Японии перекроить.

– Никого подобного я в том месте не видел, – это не первая и, Шинске уверен, не последняя его ложь. – Откуда эта информация?

– От Нидзо. Он шёл по пятам твоего слуги, а вышел на Ямагучи.

– И где он сейчас?

– В больнице. Можешь навестить его позже, если захочешь.

Итак, значит, ему разрешено покидать поместье. Но как Нидзо узнал? Что здесь вообще произошло, пока его не было?

– Хорошо… Отец, насчёт того слуги, – Шинске опускает взгляд в пол. – Я знаю, у тебя были планы на Гинтоки, но он уже дважды спас мне жизнь… Может, стоит его отпустить?

Тишина. Приходится поднять глаза. На губах главы Такасуги усмешка. Этот старик…

– Ты знал? – Шинске не может поверить. – С самого начала?! И про Котаро?!!

Отец закрывает глаза, а когда открывает их вновь, на его лице уже снова лишь суровая невозмутимость.

– Это всё, о чём ты хотел поговорить, сын?

– Нет… Отец, мне нужны деньги.

Глава вздыхает, и морщины вокруг его рта становятся глубже.

– Ну наконец-то. Я уж и не знал, когда ты созреешь. Какой хочешь район? Есть торговый, несколько магазинов и офисных контор…

– Отец. Деньги мне нужны прямо сейчас.

Прищур, пристальный взгляд.

– Зачем?

– Хочу выкупить кое-кого.

– Нет.

Слишком резко. Словно удар хлыста по резине.

– Но почему? Что в этом такого?!

Отец уже на ногах, и теперь приходится задрать голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Я сказал: «нет»! Хватит позорить меня! – его крик слышно, наверное, даже во дворе. – Я закрыл глаза на одну ночь и был готов закрыть на вторую, но чтобы мой собственный сын, забыв обо всём, беспокоился о какой-то дырке!..

Он дышит тяжело, покрытая тёмными пятнами рука вцепляется в кимоно на груди, лицо искажает болезненная гримаса – и отец мешком оседает на пол. Его взгляд исподлобья не выражает ничего, кроме презрения.

– Надумаешь заняться делом, возвращайся… а сейчас – вон... И вели Азарни зайти.

– Хорошо.

Отец прав. Безусловно. С Шинске просто что-то не так – вдруг обезуметь из-за какого-то парня… Но впервые за все эти годы у него появилась вполне определённая цель. И возвращение Котаро станет первым шагом к ней на пути.

Рисуноске он находит на складе за кухней, в том закутке, где дежурные любят спрятаться и поспать. Сятей дрыхнет на мешках с рисом. Потянувшись уже тряхнуть его за плечо, Шинске замирает. Он не уверен, что может доверять этому человеку. На самом деле, в этом доме нет никого, к кому бы он мог обратиться без опаски… А Нидзо в больнице.

Но когда, если не сейчас? Пришло время что-то менять.

– М-м-м… молодой господин? – Рисуноске трёт воспалённые глаза, вряд ли ему удалось долго проспать, и резко садится. – Что-то случилось?

Шинске опускается на мешок рядом с ним.

– Ри-кун, хочешь распить со мной саке?

Сятей моргает. Может, ещё не до конца проснулся, а, может, думает, что не расслышал.

– Вы… хотите…

– Ри-кун, – Шинске внимательно смотрит ему в глаза. – Ты нужен мне.

– Я… я всегда…

– Мне, понимаешь? Хочу поручить тебе кое-что, о чём отец знать не должен.

У Рисуноске короткий ёжик волос, небольшой шрам у виска, светлые карие глаза и широкий нос. Он вошёл в семью после того побега Шинске десять лет назад и выпил саке с его отцом, поднялся с шестёрки до сятея и не раз доказал свою верность. Вполне понятно, почему сейчас он молчит.

– Я не прошу предавать его или клан.

Сятей кусает губы. Трёт нос. Поднимается с мешка и опускается на пол, на колени.

– Поклянитесь, Шинске-сама, что не сделаете ничего, что повредит семье. И я поклянусь выполнить любой ваш приказ!

Его лоб задевает колено.

– Клянусь.

– Слушаю вас.

Почти минуту Шинске любуется на затылок у ног. А сятей просто ждёт.

– Насчёт Гинтоки… – наконец, начинает. – Я хочу, чтобы ты узнал про его друга-копа. Где тот живёт. Если найдешь его самого, прикажи кому-нибудь из тех, кому доверяешь, последить незаметно…

Не дослушав, Рисуноске поднимает голову и встаёт. Нерешительно сцепляет пальцы перед собой.

– Шинске-сама, в этом нет необходимости.

– Что это значит?

– На этого копа… ещё ночью вышел Окада-сан. И наши устроили засаду у его квартиры.

Чёрт, опередили… Нидзо-Нидзо… Но если засада там так давно и пока никого не поймали, значит, любовник Гинтоки повез мальчишку в другое место?

– Подключись к поискам, Ри, и как только станет что-то известно – сразу же сообщи мне. И постарайся, чтобы до отца информация дошла с задержкой.

– Сделаю всё, что в моих силах, господин!

Шинске кивает. И поднимается с мешка.

– А сейчас мне надо уехать. Если кто-нибудь спросит – скажешь, что к Нидзо в больницу.

Глаза Рисуноске округляются.

– А кумичо знает?.. А-а-а... я сейчас прикажу подать машину… соберу ребят…

Он уже на полпути к двери, когда Шинске хватает его за рукав.

– Не надо машины. Не хочу внимание привлекать.

– Н-но!..

– Я поеду не один. Просто позвони мне сразу, как только что-то узнаешь.

Возможно, он поспешил. Возможно, нужно ещё раз всё обдумать, только Шинске ждать больше не может – он влачил эту жизнь слишком долго, позволяя всем вокруг решать за себя. Но теперь настало время взять всё в свои руки.

За воротами уже ждёт такси. И на водительском сиденье сверкает серебристая шевелюра. Шинске садится назад.

– Куда прикажете?

– В Тосиму. Ты знаешь, где штаб Сумиёши-икка?

– Ты имеешь в виду главную семью? – Гинтоки оборачивается, отбрасывая вежливый тон. – Моча в голову ударила? Или сперма?

– Ой, только не надо… Когда я велел тебе достать машину, ты уже понял, куда мы поедем!

Шинске упирается ногой в водительское сиденье и Гинтоки отворачивается. В зеркале заднего вида видно, как сходятся светлые брови над переносицей, как поджимаются губы. Этот мужчина – сплошная загадка, и, не смотря на всё, что он сделал, доверять ему Шинске не может. Но сейчас лучше держать его при себе.

Резиденция главной семьи Сумиёши – это два верхних этажа в гостинице «Метрополитен». Чтобы добраться туда, нужно воспользоваться особенным лифтом, ибо в обычном нет даже кнопок с нужными номерами. Но охрана абы кого внутрь не пустит. Шинске был здесь дважды, но это не значит, что его узнает кто-то в лицо. Поэтому приходится показать документы. Гинтоки отстал и приклеился взглядом к меню на большом дисплее – здесь, рядом, кафе-ресторан. Но наверху это парень Шинске и не нужен…

– Цель визита?

– Встреча с сотё.

– Подождите…

Охранник, ничем не отличающийся по виду от самого обычного секьюрити в каком-нибудь охранном агентстве, отходит, бормоча что-то в прицепленный к воротнику микрофон. Слушает ответ, плотнее прижимая к уху наушник. Поднимает взгляд на Шинске.

– Такасуги-сан, пожалуйста, подождите.

Так и быть.

Взгляд возвращается к Гинтоки, уже чуть ли не пускающему слюни. На что он так пристально смотрит? «Макс-мега-парфе»? Это ещё что за гадость?.. Шинске медленно подходит к нему со спины, поднимается на цыпочки и шепчет:

– Любишь сладкое?

Тот вздрагивает, отпрыгивает и зачем-то принимается яростно тереть ухо, будто его испачкали.

– Кто?.. Я?!

– Ну не я же, – Шинске хмыкает. – Хочешь куплю? Ты хорошо поработал и заслужил награду.

На душе странно легко, словно груз, так долго пригибавший к земле, вдруг стал чем-то важным, необходимым, на что можно опереться самому. Переговоры насчёт Котаро должны закончится хорошо, а этот парень, друг его брата, странный, вечно себе на уме, и в тоже время такой… Нет, нет, нельзя позволить себя обмануть. Иногда взгляд этих красных глаз становится таким беспощадным, прожигающим насквозь… Глупо стоять сейчас и улыбаться. Но Гинтоки косится на парфе и забавно краснеет. Эта его сторона…

– Такасуги-сан? – раздаётся за спиной женский голос. – Такасуги Шинске?

А он и не услышал звука прибытия лифта. У девушки длинные волосы фиолетового цвета,

красный платок на шее, очки в красной оправе и офисный костюм. Секретарша? Шинске бросает взгляд на Гинтоки, намереваясь попросить его подождать пока здесь, но тот так пристально смотрит на появившуюся девушку, что осеняет догадка – тот её уже видел. Возможно, даже сегодня.

Кивок.

Этот парень словно прочёл его мысли.

– Да, я Такасуги Шинске. Хотел бы встретиться с сотё.

– Наш кумичо сейчас в отъезде, – слегка улыбается девка, словно извиняясь. – Давайте присядем и поговорим?

Она указывает взглядом на кафе, а Шинске чувствует, что над головой вновь сгущаются тучи. Его даже не приглашают подняться наверх…

– Не уверен, что вы уполномочены вести переговоры на нужную мне тему.

Снова улыбка.

– Меня зовут Аяме Сарутоби. И если вы пришли поговорить насчёт Кацуры Котаро, то я настоятельно… – тут она делает паузу, словно задумавшись, но на самом деле просто приклеившись к чему-то взглядом, – настоятельно рекомендую… побеседовать со мной.

Ну надо же, её реакция на Гинтоки почти в точности повторяет реакцию этого парня на парфе. Кажется забавным, только вот Шинске его присутствие при их разговоре вовсе не нужно.

– Хорошо.

Девушка кивает и направляется ко входу, а Шинске подходит к Гинтоки.

– Сядь от нас подальше и закажи всё, что захочешь.

В кафе прозрачные стены, видно как улицу, так и холл гостиницы. В мягкие бежевые кресла можно провалиться с головой, но девушка умудряется сесть так, что выглядит очень даже цивильно. Наверное, не стоит обманываться её милым личиком, если она в курсе про него и Котаро, это может стать проблемой.

– Итак, что вы собираетесь нам предложить?

Вопрос сразу в лоб.

– Имеете в виду, в обмен на Котаро?

– А что, – этот прищур, этот скачок интонации, пренебрежение вместе с насмешкой, – вас

интересует что-то ещё?

Словно она в курсе, насколько он помешался.

– Не пойму, вы принимаете меня за психа, извращенца или ребёнка?

Сарутоби поправляет очки и поднимает взгляд на официанта. Заказывает зеленый чай с клубникой, Шинске просит капучино. Когда их вновь оставляют одних, девушка ложится грудью на стол, упирая локти перед собой и опуская подбородок на сплетённые пальцы.

– Давайте начистоту, Такасуги-сан. Вам ведь нечего нам предложить? Кроме себя? Но сначала я должна, кажется, кое-что прояснить – Кацура не продаётся. Дело не в том, сколько он должен. Просто он ценен для нашего кумичо… Практически незаменим.

А вот это уже поворот. Верховный оябун тоже им околдован? Что за… Да что не так с этим парнем?!

– Не понимаете?

Шинске честно мотает головой.

– Если обещаете оставить наш разговор только между нами, могу рассказать немного подробней… Котаро – шпион, как вам уже известно, а также довольно привлекателен внешне. Знаете, некоторые мужчины и женщины сходят с ума, лишь увидев его. В чём там дело, не знаю, какие-то особые феромоны… Или его внешний вид? Но ему они готовы выложить всё: секреты начальства, коды от сейфов, даже собственные грехи… Поэтому, если вам нечего предложить взамен хоть сколько-нибудь равноценного, уходите. И мы забудем о вашем визите.

Как странно. Оказывается, у Котаро всё на мази. Может, его никто и не заставляет этим всем заниматься? А у него дома он просто играл свою роль… Соблазнитель. Развратник. Шпион. Но он закрыл его тогда своим телом – от окна, похитителя и его пистолета. Зачем?

Нет, Шинске должен ему. Хочет Котаро стать свободным или нет, он спросит потом, когда получит ключи от его оков.

– Сарутоби-сан, как думаете, если я приведу сотё наследника Ямагучи, он выполнит мою просьбу? Хотя... свобода Котаро будет лишь одним из пунктов в моём длинном списке желаний.

Девушка молчит достаточно долго, чтобы официант успел принести заказ. Но высокий стакан с розоватой мутной жидкостью остаётся стоять на столе, когда она поднимается и вновь поправляет очки.

– Если вы сделаете это, ваш клан сможет неплохо подняться. Но, уверена, этим уже занялся ваш отец и ещё две семьи…

В ответ Шинске лишь берётся за маленькую ложечку возле чашки и снимает посыпанную шоколадной крошкой пенку с кофе, стряхивает на салфетку. И только потом отпивает.

– Сарутоби-сан, это не ваши проблемы.

***

В непроглядной тьме он ползёт в никуда, автомат натёр спину так, что кажется, кожу посыпали перцем, но впереди, уже совсем близко, просвет. Пот заливает глаза, ноги коченеют… и вдруг на поясе начинает вибрировать граната.

Тоширо вскакивает с кровати и швыряет телефон прямо в стену.

И только потом понимает, что ему снился сон.

В номере никого. Сколько он проспал?!

Со сна ещё шатает немного, но Тоширо добирается до телефона, на то, чтобы вставить выпавший аккумулятор, уходит почти двадцать секунд, потом ещё загрузка идёт целую минуту. Одно смс:

«Следи за мальчишкой, на него объявлена охота. Не отдавай никому, тем более малышу Такасуги.»

– Гинтоки, мать твою… Не мог пораньше меня разбудить?!

16 - Пропан, бутан, метан запаха не имеют, покупая галлоны с газом, убедитесь, что в них добавлен одорант

***

Кофе оставляет желать лучшего, но, даже если этот капучино – растворимый из пакетика, он всё равно слишком жидкий, будто развели только половину. Шинске опускает чашку на стол и несколько минут сидит, просто глядя на неё.

Сого… тот подросток, родился в обычной семье, но его судьбу изменили.

И пусть якудза – лишь отбросы для всех нормальных людей, но крупные кланы – это также сила и власть, с которыми приходится считаться даже правительству. Всё дело в деньгах. В больших деньгах, ставших частью экономики страны. И вот этому мальчишке уготовано в наследство нечто настолько масштабное… но вместо того, чтобы сидеть на попе ровно и ждать часа «Х», он вторгается на вражескую территорию ради мести. Рискует головой. А ведь очень скоро станет лишь разменной монетой, пешкой в игре, если, конечно, не стал ею давным-давно.

Использовать его вполне разумно. Правда, даже пешка из Сого совсем не маленькая, так что самостоятельно сыграть ею не выйдет, разве что отдав более крупной фигуре на выгодных условиях.

Эх, как же это недальновидно… Словно продать сундук с сокровищами по цене обычного ящика...

Но выбора нет.

Шинске вздыхает и оглядывается, обводя взглядом зал. Гинтоки обнаруживается через пять столиков в соседнем ряду, чем-то занятый настолько, что даже не замечает его приближения: в руке телефон, большой палец порхает над клавиатурой… на экране мелькает слово «Ямагучи».

Ага, смсимся, значит?

– Хей, поделись адресочком, – Шинске плюхается на сиденье рядом. – Я тоже хочу друга по переписке.

Небольшое лезвие выскальзывает из рукава и втыкается Гинтоки под рёбра. Точнее, должно было воткнуться, но откуда ни возьмись на его пути появляется преграда. И, судя по скрежету и твёрдости – стальная.

– Шин-чан, галактика в опасности, – даже не взглянув на него, мужчина складывает веер, умудрившись защемить между пластинами лезвие ножа. – Хочешь поиграться… давай в другой раз.

И в тоже время не прекращает набирать сообщение свободной рукой: «… или что там тебя так утомило, что ты спал без задних ног?! В прятки играли? Входит-выходит, да?» – приходится

щуриться, разбирая мелкие, быстро появляющиеся на экране телефона символы, как вдруг прямо перед глазами возникает стальная преграда с изображением ветки вишни.

– О... – Шинске трогает подушечкой пальца край раскрытого веера, пробует на остроту. – Я смотрю, вы с Азарни нашли общий язык? Или ты с ней тоже поиграл немного?

– И почему все подростки такие озабоченные?..

Оружие опускается на стол, прямо перед тремя пустыми фужерами с разводами шоколада и мороженного на стенках, а сам Гинтоки, уже спрятавший куда-то телефон, поворачивается всем телом к Шинске.

– Мы просто сошлись во взглядах… на образцы холодного оружия. И мне сделали небольшой подарок.

Ещё смеет зубы заговаривать… Хотя заметно, что мыслями он уже далеко отсюда – но ничего, Шинске умеет быть терпеливым.

– Так что там… про галактику?

Гинтоки косится на пустые фужеры.

– Шинске, – его голос неожиданно серьезен. – Думаю, нам надо расстаться. Эти отношения… знаешь, я устал от них.

– Прости, что?..

– Я увольняюсь.

Мужчина пытается встать и протиснуться мимо, но Шинске упирается в стол рукой.

– Хера с два! Сначала скажи, где тот мальчишка.

И в этот самый момент карман Гинтоки неожиданно начинает вибрировать. Мужчина опускает взгляд вниз, потом поднимает, встречаясь со взглядом Шинске, смотрит на него какое-то время, но всё же вытаскивает телефон.

– Да. Да. Когда?.. – отвечая кому-то по ту сторону трубки, он продолжает пялиться на Шинске. – И где это?.. Спасибо, горилла. Напомни мне заехать и завести тебе бананов.

Шинске хмыкает, откидывается в мягком бежевом кресле назад, и, аккуратно возвращая нож обратно в крепление под рукавом, закидывает ногу на ногу. Закончив говорить по телефону, Гинтоки наблюдает за ним несколько секунд, потом переводит взгляд на окно по другую сторону прохода между столиками.

– Мне нужна тачка, так что тебе придётся возвращаться на обычном такси… Или вызвать ребят?

Он серьёзно? Вот это вот, сейчас?

– Гинтоки, – Шинске встряхивает рукой, проверяя крепление. – А твой друг в курсе, что у него украли машину?

Красные глаза при таком освещении кажутся чёрными. Мужчина облизывает самый край губ – кончик языка исчезает, даже не успев появиться – и садится рядом. Его рука ползёт по спинке кресла, заползая под затылок, а колено касается бедра Шинске.

– Твоя собачка что-то узнала?

И этот человек совсем недавно говорил, что у Шинске нет «своих» людей… Неужели, Гинтоки просчитал, к кому он пойдёт после этого? И что предпримет?

Брат тоже, наверное, догадался бы…

– Пока ты уминал сладости, звонил Ри. Знаешь хулиганов, выкладывающих в сети фотки машин до и после разборки? – это не совсем в правилах якудза, вот так вот первым делиться информацией, но тут случай особый. – Они недавно отметились в Синдзюку и вот сегодня их поймали в Накано… ну как поймали – нашли, избитых в переулке. У них сохранилось фото машины твоего любовника. Только вот разобрать они её не успели, получили по мордасам от какого-то подростка и провалялись в отключке несколько часов.

Пока говорил, склоненная голова Гинтоки оказалась у самого плеча, а ладонь его – на колене.

– И во сколько это было, Шинске-сама?

Голос мужчины неожиданно низкий, вибрирующий на каких-то заоблачных частотах, заставляет на миг сбиться с мысли. Но Шинске быстро берёт себя в руки. И накрывает его ладонь своей. Сжимает.

– Около 6 утра, Саката-сан.

Гинтоки морщится, а в сознании Шинске откуда-то сам собой выныривает вопрос: «Интересно, он уке?..»

И почти тут же ещё один: «Они что, поссорились?..»

***

Префектура Канагава, город Сагамихара. Здесь много зелени, школ, парков, и просто огромное количество буддийских и синтоистских храмов. А ещё есть пансионат, где обучают верховой езде. И именно здесь сегодня, пятого октября, должны встретиться главы большой

тройки мира якудз.

Сого пересек границу Токио и Сагамихары в десять утра. Вообще-то, сначала он думал, что придётся ехать аж до Косю, но, стоило сделать один звонок домой, как оказалось, что место встречи перенесли. Так что у него даже осталось время заскочить в «Мир сладких грёз» – отстойник, в котором они с ребятами скрывались до того, как им пришлось перебазироваться в «Тайную страсть»… и умереть там.

К сожалению, взрывчатки в тайнике не осталось. Зато Сого забрал несколько дымовых шашек из тех, что использовал в переулке, и оставшиеся радиодетонаторы, собранные из пультов управления детскими игрушками. Не густо, совсем не густо, но для замысла должно хватить.

И вот, в десять тридцать он проникает на территорию пансионата. Больших шишек здесь ещё нет, но охрана со всех трёх сторон уже оцепила периметр, однако, униформа способна сделать невидимым кого угодно.

В конюшне сильно пахнет свежим сеном. Наверно, персонал ещё засветло позаботился о лошадях, а потом хозяева пансионата распустили большинство по домам… Скорее всего, остались только кухонные работники да прислуга, но во дворе пока шатаются лишь чёрные костюмы, и Сого, пережидая, пока двое таких пройдут мимо, делает вид, что возится в открытом стойле. А потом ему остаётся лишь подойти к основному дому ближе – хорошо, что это традиционная постройка, не на фундаменте, и между землей и самим домом есть пространство. Туда он и бросает первую дымовую шашку. Честно говоря, найти нормальные, а не дебильные цветные, оказалось той ещё задачей…

Чёрт, из-за угла выныривает новая парочка.

Сого плотнее надвигает на глаза синюю фуражку и взваливает рюкзак на спину. Не торопясь. Не поднимая головы.

Судя по звуку шагов, охранники прошли мимо…

Но вдруг со спины доносится хруст гравия. И по плечу хлопает рука.

– Соичиро-сама? Это же вы?

Вот же придурок… Напугал.

– За мной, Удо, – командует Сого, не оборачиваясь и направляясь обратно в конюшню.

Удо послушно топает следом. Если бы ещё делал это молча…

– Соичиро-сама, откуда вы здесь? У нас прошёл слух, что вы сбежали! Неужели, в Токио?! Нет, вы не могли, это же не наша территория... На вашем месте, я бы отправился на Хоккайдо, там крабы…

– Заткнись, Удо.

– Но, молодой господин, госпожа беспокои…

– Удо!

Краем глаза проследив, как напарник говорливого охранника сворачивает за угол, Сого резко разворачивается и впечатывает в солнечное сплетение Удо кулак. А когда тот обмякает и начинает заваливаться на него, укладывает на сено. Раздевает. Забирает рацию и значок клана, но если первое цепляет на себя, то второе прячет в карман – раз тут собрались три стороны, велика вероятность, что его не разоблачат раньше времени… Блин, рукава длинноваты, а пиджак широк в плечах. Но ему нужно лишь обойти дом, а потом проникнуть внутрь, ведь совсем скоро появятся главные действующие лица.

Но пока Сого стоит над телом своего… как назвать его? Не другом, точно. Спарринг-партнёром? Почему-то среди якудза ему так и не удалось найти ни одного товарища по тренировкам, даже Удо, хоть и ходил с ним в спортзал, особого рвения не проявлял, постоянно умничая:

«Словно махание руками и ногами сможет помочь против ножа? Или пистолета? Вы фильмов с Джеки Чаном пересмотрели? Или с Брюсом Ли?»

– С Жан-Клод Ван Даммом…

Висящая на гвозде уздечка – отличная штука, если нужно кого-то связать. Потом ещё кляп из носка. Но на улице не лето, так что Сого прикрывает раздетого до трусов Удо попоной, перекинутой тут же рядом через перегородку – наверное, сушиться. И чешет за ухом. А потом, вытащив из брошенного рюкзака оставшиеся дымовые шашки, выходит во двор. Нет, он совсем-совсем не подозрительный. Ведь те выглядят как простые картонные трубки.

А три часа спустя, после того, как на территорию пансионата въезжают кавалькады чёрных машин, а боссы трёх крупнейших кланов скрываются внутри дома, в рациях всех охранников неожиданно раздаётся треск. А потом хриплый голос сообщает, что в пансионате заложена бомба. И она взорвётся, если кто-то попытается его покинуть.

И почти в тоже самое время из-под дома начинает валить дым. Густые тёмно-сизые клубы проникают на кухню сквозь окна, раздаётся женский визг и почти тут же – топот. Сого дожидается, пока помещение опустеет. Потом подходит к вентилю на газовой трубе. И бьёт по нему огромным гаечным ключом, взятым в подсобке. Это последняя, пятая точка.

Запах появляется не сразу. Потребуется около получаса, чтобы заполнить весь дом газом достаточно, чтобы хорошенько подорвать. Конечно, вонь одоранта почувствуют все, кто остался внутри, намного раньше, но…

– Кто ты, грязный ублюдок?! Да кто будет с тобой торговаться, козёл? Быстро притащил свою жопу сюда! И признался, где бомба! Иначе несдобровать ни тебе, ни твоей семье, ни их друзьям и родственникам!!!

Шум в наушниках просто адский. Сого достаёт из кармана последний переключатель – тот мигает жёлтым, сигнал слишком слабый, приходится подойти к окну – и ура, лампочка загорается зелёным. Сквозь ещё стелющиеся клубы дыма можно различить смутно знакомую шевелюру у ворот... но палец уже жмёт на кнопку, и припаркованная у забора машина взлетает на воздух. Конечно, вышло не так феерично, как с джипами в переулке, но и так тоже вполне ничего.

– У меня серьёзные намерения. Десять миллионов долларов наличкой. В течении часа. Опоздаете хоть на минуту – и боссов своих будете собирать по кусочкам. Попробуете вывести их – случится тоже самое.

Блеф. Ва-банк. Но ему больше нечего терять. Так почему бы не забрать с собой на тот свет заодно и тех, чьи игры в богов уже порядком достали?

***

– Никаких уступок! Филиппины – это наша территория, и я не позволю влезать на неё всяким выскочкам…

Это просто какая-то жесть. Насколько же надо быть тупым и наглым, чтобы требовать возмещения убытков после того, как сам наехал на вербовочный пункт!

Айка вздыхает и поднимает взгляд на зеркало перед собой. Сплит в машине работал то на охлаждение воздуха, то на обогрев, и теперь лицо вспрело, тональный крем на переносице высох, пудра облетела, помада стёрлась, да ещё и ремешок на новеньких гета успел натереть между пальцев.

Сплошное разочарование.

Подняв голову, Айка смотрит на свой кадык. Касается пальцем. Операция не удалила его полностью, но, всё же, для женского великоват. И почему она родилась мужчиной? Это так несправедливо. А ещё и этот глупый обычай… Даже если Кейко завещал ей всё своё имущество, его замы прямым текстом заявили, что женщине главой Ямагучи не бывать. И нашли какого-то двоюродного брата…

Шесть лет назад ей удалось избавиться от основной угрозы. А то, что мальчишка выжил – даже принесло свои плоды. За эти годы её положение упрочилось, так что осталось лишь дождаться вестей о его скоропостижной кончине – и можно объявлять войну. Войну, которая объединит клан под её началом. Ведь это будет благородная война во имя отмщения. А если вдруг удастся ещё и взять Токио под контроль… что же, тогда уже никто не посмеет вякнуть, что женщине нельзя быть у руля.

Но почему нет вестей? Эта встреча – лучшая возможность объявить о новом положении вещей.

Телефон, надо позвонить…

– Алло? Сайка-чан?.. Да, давно не болтали. Слушай, мне тут сорока на хвосте принесла, что этой ночью из какой-то ночлежки полиция вывезла кучу трупов. А в утренних новостях об этом совсем ничего… О, какая ночлежка, я, к сожалению, не знаю… Что-то вроде «Тайной любви» или «Любовной страсти»… Да-да, проверь, может, получится сделать годный репортаж... Да брось, какие благодарности, мне самой интересно…

Вдруг стены вздрагивают. И откуда-то доносился грохот, эдакий приглушенный «бум».

– Прости, мне надо бежать! Созвонимся потом, когда всё разузнаешь… Да-да, чмоки-поки…

– Госпожа!

Дверь падает внутрь комнаты, и внутрь вбегает Джино.

– Госпожа, дом заминирован. Надо уходить!

Подтянув ноги ближе к животу, Айка хмурит брови, рассматривая его густую седую бороду. Из всех мужчин, которых она знает, этот старик, наверное, единственный, кто носит такую.

– Что за чушь?

– Преступник вышел на частоту наших переговоров и сообщил, что хочет десять миллионов долларов, в течении часа, или пансионат взлетит на воздух!

Его голос очень громкий. Начинает тукать в висках. Айка прижимает к голове ладони и закрывает глаза – значит, тот взрыв был чем-то вроде предупреждения. Как забавно… десять миллионов? Но почему же так мало? В банкомате, конечно, не снять, но в банке – без проблем. Хотя, наличкой, это сколько же выйдет?

Нет-нет, сейчас надо думать не об этом.

– Как отреагировали остальные?

– Господа Инагава и Сумиёши уже в обеденном зале. И, кажется, пока остаются на месте… Но преступник вряд ли наблюдает за всем домом, так я смогу вывести вас незаметно!

– Идиот! Думай хоть иногда своей головой!

Ну почему у некоторых вместо мозгов только мышцы?

– Госпожа?

Медленный долгий выдох… нет, спокойствие так не вернуть.

– Сбежать – значит расписаться в собственной трусости. Да меня после этого и свои, и чужие на смех поднимут!

– Госпожа…

Больше не глядя на Джино, Айка возвращает взгляд к своему отражению и достаёт пудреницу.

– Иди в зал. Скажи, что скоро я присоединюсь. И пусть наши пока поищут… эту бомбу. И бомбиста.

Слышно, как мужчина пытается вернуть дверь на место. Как уходит по коридору. Какое-то время в комнате царит тишина, только в воздухе начинает чем-то вонять… И вновь шаги.

– Передал?

– Что и кому? – голос принадлежит не Джино. – Если привет от вас отцу, то очень скоро передадите его сами, Айка-нее-сан.

Неожиданно, конечно. Откуда он здесь?.. Так вот кто устроил весь этот бардак.

– Соичиро-кун, – Айка опускает пудреницу и оборачивается к двери. – Разве я не просила звать меня «мами»?

17 - Понятия о чести и достоинстве порой принимают странные формы

***

– Сэр, – в голосе таксиста неуверенность и даже опаска. – Разрешите спросить?..

– М-м-м?

– Почему вы в халате?

Хиджиката Тоширо замирает и медленно опускает взгляд вниз.

– …

И как же так получилось?..

Час назад его разбудило смс от Гинтоки, потом обнаружилось, что Сого сбежал... Но куда? И зачем? Парень вёл себя странно после случившегося, но Тоширо даже представить себе не мог, что тот исчезнет. Неужели, решил вернуться в Кобу?

«Гин, пока я спал, Сого сбежал. Я думаю, он поехал домой.»

«Правильно думаешь, только не домой, а искать босса Ямагучи. По крайней мере, я бы на его месте поступил именно так.»

«Считаешь, это сделала она? Та, что усыновила его? Поверить не могу, это просто чудовищно: растить ребёнка, чьих родителей сама же и приказала убить...»

Пальцы замирают над телефоном, и застарелая боль сдавливает внутренности. А ведь казалось, ушла навсегда... Так почему же он написал "родителей"? Тоширо стирает слово и заменяет на "родных", но всё равно чувство вины не отпускает. Нет, он не забыл Митсубу, не собирался забывать. Но как же это трудно – просто помнить. И знать, что полюбил другого человека. Словно предал...

Становится нечем дышать. И в тоже время с ног до головы пронзает желание закурить. И Тоширо лезет искать сигареты. Но не успевает он ощутить вкус никотина, как приходит новая смс:

«А я поверить не могу, что ты не догадался приковать этого сопляка к чему покрепче. Неужели, он настолько хорош в постели? Или что там тебя так утомило, что ты спал без задних ног?! В прятки играли? Входит-выходит, да? (‡▼▼)»

Дочитав, Тоширо обводит розовый номер тяжёлым взглядом – наверное, это всё же была плохая идея: спрятаться здесь. В том же участке можно было прекрасно выспаться в дежурке, да

и из-за решётки Сого никуда бы не делся. А Гинтоки словно откуда-то знает о том, что произошло в этих стенах... Да, они общаются будто бы ничего не случилось, но на деле пропасть становится только шире. Вполне возможно, после всей этой истории Гинтоки просто исчезнет – и они не успеют даже поговорить... Но оправдываться сил просто нет. Тупо ноет в груди. А пальцы набирают сами собой:

«Меня волнует его безопасность.»

«Кто бы сомневался», – в ответ. – «Верну я тебе твоего пацана, не ссы.»

Это последняя смс. Тоширо около ещё получаса пялится на телефон, докуривая пятую сигарету подряд, пока не приходит осознание, что сообщений больше не будет. И как это вообще понимать?

Что он должен сидеть на месте и ждать у моря погоды? Как бы не так.

– Кондо-сан? Это Хиджиката беспокоит… Вы не могли бы снова поделиться кое-какой информацией?.. В данный момент меня интересует местонахождение оябуна Ямагучи-гуми… Встреча? Сегодня? Где?!. Нет, Гинтоки не со мной, а что?..

Да, наверное, именно после этого разговора у Тоширо и вышибло напрочь из памяти, что он одет в гостиничный розовый халат и такие же тапки. То-то баба, сменившая старика за окошком регистрации, возмущенно закричала вслед, когда он выскочил из отеля и принялся ловить такси.

Одно то, что Сого может попасть в неприятности, пытаясь отомстить главе клана – уже приличный повод для беспокойства, а если учесть, что тот не постесняется заявиться на встречу трех оябунов… Нет, однажды Тоширо уже совершил ошибку, бросив парня на произвол судьбы и сбежав, больше он её не повторит. Дело даже не в любви… или уж точно не в той, о которой, наверное, подумал Гинтоки – но с ним он попробует объясниться потом.

А пока такси везёт его в Сагамихару. Водитель то и дело поглядывает в зеркало заднего вида, возможно, принял его за психа, но сам виноват, раз посадил такого пассажира. Хорошо, что, выскочив из номера, Тоширо не забыл сигареты и деньги...

Стоп, дома он распихал наличку по карманам брюк… а те осталась в номере! С собой нет даже значка!

А счётчик отсчитывает милю за милей.

– Далеко ещё?

Водитель что-то мычит. После съезда с шоссе, такси довольно медленно ползёт мимо огромного парка. Но вот сворачивает на узкую улочку. И Тоширо вдруг замечает в проплывающем мимо переулке пошире знакомую до боли машину. Свою.

– Здесь! Здесь останови... те.

Распахнув дверь, выпрыгивает наружу. Хлопок двери заглушает протестующий вопль. Кажется, водитель выскакивает на улицу следом, но Тоширо уже бежит назад. Вот, поворот. Чёрт подери, и зачем он только затонировал заднее стекло? Теперь не видно, есть ли кто-то внутри…

***

– Нас не пустят.

Гинтоки не слушает, прёт напролом. Пусть ворота открыты, но за ними столько людей в чёрных костюмах и чёрных очках, что даже самому тупорылому идиоту должно хватить одного только взгляда, чтобы передумать и развернуться. А этот же даже не сбивается с шага. И Шинске идёт следом за ним.

Но дорогу тут же перегораживают двое.

– Вот, я же говорил.

– Вход запрещён! Поворачивайте назад!

Почему-то Гинтоки даже сейчас скорости не снижает, один из парней встаёт прямо перед ним – и едва не оказывается опрокинут. Но ему на помощь уже бегут ещё люди – два... нет, три человека.

– В чём дело? – в голосе Гинтоки столько гонора и нетерпения, что Шинске невольно уважительно хмыкает. – Что за толпа? Президент что ли приехал?!

Видно, как лица якудза краснеют.

– Проваливай, кому сказано?! Или оглох?!!

Нет, их явно разозлило что-то ещё… Вдруг звуки из воздуха исчезают. И в спину толкает волна. Грохот, жар, рухнувшая в нескольких метрах впереди покорёженная металлическая пластина, очень похожая на крышку багажника… Шинске пытается встать и обнаруживает на затылке чужую ладонь, тяжёлую, как сотня грехов. Гинтоки, пригнувшись, стоит, опустившись на одно колено. Смотрит куда-то назад через плечо, потом переводит взгляд вперед, ведёт вдоль забора. И неожиданно начинает тянуть Шинске назад, к воротам. А вот охрана почему-то не бежит наружу, проверить, что это там взорвалось, нет, всё это время якудза в костюмах вжимают сильнее наушники в уши, кого-то слушают и что-то цедят сквозь зубы.

– … десять миллионов ему подавай…

– … какой-то сумасшедший…

– … может, это происки кого-то из..?

Дальше Шинске не слышит, они уже за забором. Гинтоки быстро перебирает ногами, приближаясь к повороту. Хочется верить, что он не передумал и ведёт его к Сого.

– Кажется, наш беглец уже тут, – напоминает о себе Шинске. – И даже действовать начал.

Гинтоки не отвечает, но вдруг останавливается и, обернувшись, протягивает к нему свои грабли. Инстинкт заставляет тут же отпрыгнуть.

– Ч-чего тебе?

– Вставай мне на плечи.

Боже, как же давно он не перелазил через заборы. Есть в этом что-то глупое и настолько не солидное, что хочется отказаться. Только ведь это будет ещё более глупо.

Ступня на сцепленные руки, потом на плечо. И вот в живот уже давит шов черепицы. Из-за близко растущего дерева и крыши какого-то строения со двора их не видно. Но, уходя из дома, Шинске не надел хакама, и сейчас в одном кимоно чувствует себя почти обнаженным.

Усевшись на широком заборе, протягивает руку вниз. Гинтоки хватается, подпрыгивает, цепляется за край, черепица крошится в пальцах – Шинске приходится изо всех сил дёрнуть его на себя. Но, как только тот оказывается наверху, опора выскальзывает из-под ног. Шинске разжимает пальцы. И прыгает вниз. Секунду спустя рядом приземляется Гинтоки – на четыре конечности и мягко, как кошка.

Строение оказывается конюшней. Глянув в открытое стойло и встретившись взглядом со связанным человеком с кляпом во рту, Шинске отводит глаза. И вдруг видит направляющихся прямо к ним двух человек. Они уже шепчут что-то себе в лацканы пиджаков… Но тут раздаётся громкий треск – и отломанная от стены деревяшка сбивает одного словно кеглю. Второй спотыкается на ровном месте и ошалело оглядывается на рухнувшего напарника. Но тот уже пытается подняться... А из-за угла выбегают ещё двое в чёрном.

– Гинтоки, – нож прыгает в ладонь, – как считаешь, большой будет скандал, если я убью несколько человек?

– Лучше не надо.

В руке мужчины уже новая палка, прямая и длинная, словно боккен.

– Просто не дай им вызвать подмогу. Или отвлеки на себя.

***

Молоточки в голове стучат по вискам всё сильнее – это от запаха? Что за гадость... У мальчишки кишка тонка подорвать себя, но вот отравиться из-за него газом – очень даже возможно. Мелкий паршивец!

А ведь всё шло так хорошо!

И что теперь делать? Если он всё узнал, а происходящее говорит именно об этом, выход остался один – заставить его замолчать. И как можно скорее. К счастью, затеяв весь этот балаган, Сого подставился сам. Да и Айка взяла сюда только верных людей. И если подстроить так, словно его пристрелил кто-то из другой группировки – всё ещё может пройти по плану: объединение клана во имя мести и войны. Только вот как он попал в эту комнату? Неужели так преуспел в своём этом спорте, что смог справиться с её личной охраной?

Ничего, скоро Джино вернётся. Или парни очнутся – не убил же он их? А до тех пор мальчишку надо заговорить, потянуть время.

Хотя, оно прекрасно тянется и само – вот уже несколько минут Сого просто стоит у порога. Ждёт чего-то? Что кто-то попытается его отговорить? Или что она начнёт извиняться? Да чёрта с два.

– Я всегда знала, что ты догадливый мальчик, – руки некуда деть, разве что крутить пудреницу в пальцах. – Но неужели ни о чём не хочешь спросить? Например, зачем я это сделала? Или задать какой-нибудь другой глупый вопрос?

Сого пожимает плечами.

– Да брось, Нее-сан, и так всё понятно.

А он довольно силён. И, возможно, из него получился бы достойный лидер… но, увы, всё уже решено. Клан Ямагучи разросся и разжирел, у людей пропал стимул к чему-то стремиться, им нужен лишь мир – чтобы спокойно спать, срать и жрать, собирая налоги за крышу, снимая всё новое порно, строя дома и покупая красивых женщин. Но так Айка никому не сможет ничего доказать. И ничего – добиться. А, значит, наследнику суждено умереть, а ей – войти в историю, как первой женщине-боссу.

– Тогда к чему весь этот спектакль?

Айка всё так же сидит у зеркала, спина начала затекать, но она всё равно держит её как можно прямее. А Сого оглядывается на проём двери, потом делает шаг внутрь комнаты и прислоняется плечом к стене. Вид у него очень уставший.

– А ты что-то не очень боишься… – как и голос. – Думаешь, раз не убил сразу, то и вовсе не трону?

Теперь черёд Айки пожимать плечами.

– Оружия у тебя нет. Если захочу, могу вый…

Неожиданно Сого оказывается совсем близко, сгребает за грудки – и пудовая гиря врезается прямо в глаз, заставляя вдруг осознать, что мальчишка на самом деле зол просто чертовски. А больно так, словно половина лица превратилась вдруг в кашу. Но Айка не издаёт ни звука. И Сого снова заносит кулак. В этой резкой вспышке ярости он просто прекрасен, и немного даже напомнил ей Кейко…

Но второго удара всё нет. Красные глаза всматриваются, словно пытаясь рассмотреть что-то на её лице... Но пальцы вдруг разжимаются, и парень отходит обратно к стене.

– Это странно, я совершенно не чувствую удовлетворения, – бормочет. – Видимо, мстить только тебе бесполезно.

Запрокинув голову, он съезжает вниз, на пол, раскидывая руки по острым коленям, потом вдруг лезет во внутренний карман пиджака, явно снятого с кого-то покрупнее, и вытаскивает электрошокер. А это зачем?..

Айка с трудом заставляет себя глянуть в зеркало. Глаз покраснел… и уже опухает. Вот ведь скотина!

– И что? – голос совсем немного дрожит, от гнева, а не от страха. – Решил отомстить всем якудза?

– Почему бы и нет? Обезглавить три змеи за раз – хорошая месть. За все жизни, выброшенные вами на помойку.

И всё же, зачем ему этот шокер? На случай, если Айка попытается убежать? Кружится голова, к горлу подступает тошнота… последствия удара или это в воздухе уже скопилось столько газа?

– Вот почему ты всего лишь глупый ребёнок… – пудреница открывается не сразу, спонж в пальцах дрожит. – Соичиро-кун, как думаешь, сколько погибнет людей, пока в кланах будут грызться за власть?

Смешок.

– Какое мне до этого дело?

– Сам противоречишь себе. Или решил сдохнуть вместе со всеми?

– А почему бы и да?

Нет, это странно. Чего же он ждёт? Взорвал был уже свою бомбу, пока её не нашли… Или…

– Бомбы ведь нет?

Взгляды встречаются в отражении зеркала. Сого дёргает уголком рта, похоже, ещё одна усмешка. Но Айка замечает и кое-что другое. Точнее, кое-кого. Сдвинув с пути прислонённую дверь, в комнату заглядывает мужчина, на нём белое кимоно с узором поверх чёрной рубашки, а волосы странного цвета.

– Вот ты где, – выдыхает гость, заметив Сого. – Я, конечно, слышал, что подросткам свойственно кончать жизнь самоубийством от безответной любви, но ты, парень, выбрал способ какой-то уж совсем извращенный.

***

Что может быть противнее вони горелой шерсти? Только запах собственных опалённых волос. Тоширо открывает глаза и пялится в голубое небо без единого облачка. А ведь ещё утром накрапывал дождь.

Каждая клеточка тела болит. Особенно ноет рука и отшибленная спина – всё же не слабо его отбросило и проволокло по асфальту. А ведь он почти добежал до машины… Перед глазами ещё пляшут черно-белые мушки. Надо бы сесть.

– Эй, он жив!

Скосив взгляд на источник голоса, Тоширо удивляется, что заметил людей только сейчас. Кажется, слух возвращается к нему постепенно.

– Давай, псих, – пинок под ребра, – хватит валяться, поднимайся.

Кто это псих? Почему это он? Хотя, кто ещё попрётся за пределы Токио в одном только халате… да ещё и розового цвета?

Тоширо садится, скрещивает перед собой ноги и любуется на обгоревший подол. Теперь он точно похож на беглеца из психушки. Под руки хватают, поднимают, толкают в спину. И он едва не падает опять. По лицу стекает что-то липкое, тёплое…

– Давай! Шагай быстрее!

– Да пошёл ты… – огрызается Тоширо, но делает шаг. – Лучше бы вызвали скорую…

– И скорую и труповозку – всё вызовем, но попозже.

Во дворе этой гостиницы (или как там её?) полный бедлам. Туда-сюда носятся люди, вот кто-то вбегает в дом со штукой, похожей на металлоискатель, а Тоширо толкают за угол. Там ещё одна узкая дверь. А за ней сразу зал с накрытым длинным столом. Но сидят за ним только двое, и ещё больше десятка человек в чёрных костюмах выстроилось вдоль стен.

Так вот, как выглядит встреча якудза? Похоже на бизнес-ланч, разве что на сидящих мужчинах слишком много наколок. Оба словно специально расстегнули рубашки, демонстрируя нанесённые на кожу рисунки. А в воздухе витает странно знакомый, противный запах – такой бывает, если у газовой зажигалки кнопка зажата, но колёсико долго не высекает искру. И хотя через дверь в зал поступает свежий воздух, вероятность взрыва весьма высока, потому что сквозняка практически нет. Тоширо всего лишь дошёл до середины помещения, а запах уже настолько силён, что начинает давить за грудиной.

– Что это за чудо? – спрашивает тучный мужчина в синем костюме.

И на плечи наваливаются так, что остаётся лишь упасть на колени.

– Нашли у взорвавшейся машины, кумичо!

– И? Сюда-то приволокли нахера?

Подчиненный, облапавший Тоширо перед входом, выходит вперёд и кладёт на стол его зажигалку.

Второй сидящий – моложе и сильно худее – тут же хмыкает громко.

– Твои подчиненные совсем отупели, Инагава-саньё. Если приняли этого чудика за того, кто заложил в доме бомбу.

В доме бомба? Вот тебе на…

– Сумиёши-сан, – покровительственно улыбается тучный мужчина. – Ни один нормальный на такую глупость просто не способен, разве что псих. Вот такой вот.

Кивок на него.

– Простите, – Тоширо стирает кровь, затёкшую в глаз, – я не совсем понимаю, что происходит... просто проходил мимо… но зажигалка есть у любого курящего человека…

Нет, всё же хорошо, что он не взял с собой значок. Ещё не известно, что хуже – быть принятым за бомбиста или если якудза узнают, что он коп. Ещё какая-то мысль крутится в голове, но почему-то соображать становится трудно… Кружится голова. Кажется, он где-то слышал, что курильщики относятся к тем, кто первым и сильнее прочих страдает от газовых отравлений. Вроде так говорил инструктор в Афгане.

– Может, это всё – просто дурацкая шутка? – доносится словно бы издалека.

– А может, вы просто боитесь, Инагава-саньё? – смешок. – Если хотите, можете выйти через вон ту дверь хоть прямо сейчас. Думаю, ваши люди оценят стойкость и храбрость своего кумичо.

В комнате повисает напряжённая тишина. И вдруг:

– А, кстати, где наша дама? Джино, твоя хозяйка обещала появиться ещё минут пятнадцать назад.

Тоширо разлепляет успевшие сами собой закрыться глаза и смотрит на бородатого мужика лет пятидесяти, практически старика, но с широкими плечами и мощным торсом, на котором чёрный пиджак сходится лишь едва-едва. Тот опускает взгляд в пол.

– Уж не её ли это милая задумка? Избавиться от нас, подослав какого-то психа? Ха-ха…

По залу разносятся смешки. Но неуверенные. И быстро смолкают, а лица двух глав вдруг становятся серьёзными, и даже более чем.

18 - Не опекайте слишком сильно ребёнка и позвольте ему упасть пару раз, иначе он так и не научится самостоятельно мыслить и отвечать за свои поступки

***

Ну вот какого хера?!

Почему здесь этот белобрысый козёл?!

И что это вообще за: «кончать жизнь самоубийством от безответной любви»?

– Вы правы, Саката-сан. Давайте я лучше с вашей жизнью покончу?

– Тоже вариант.

Почему-то мужчина не спорит, только смотрит на него своими равнодушными глазами. А ведь и правда: что он тут забыл?

Не хочется думать. В этой комнате три на три метра душно как в том туалете, где Сого заперли шесть лет назад – точно также сдвигаются стены, точно также хочется кричать. Но сюда он притащил себя сам. Он не должен был выжить. Мёртвым действительно легче, для них уже не существует проблем… проблемы – они для живых. И сейчас так хочется вскочить, разломать что-нибудь, но внутренние батарейки сели – и даже злиться сил больше нет. Разве что можно нажать на две кнопки по бокам электрошокера и закончить с этим со всем, наконец.

– Дяденька, как же вы мне надоели… Я оставил вашего Хиджикату в покое, вот и вы оставьте меня.

– Гинтоки, дай пистолет, я его пристрелю.

Чей это голос?.. Из-за плеча Сакаты появляется уже знакомая рожа. Такасуги. И этот здесь…

– Шин-чан, хочешь отправиться к небесам? Разве ты не заметил, как плохо тут пахнет? – мужчина прикрывает нос рукавом. – Кому-то надо поменьше налегать на острое... Кстати, разве я не оставил тебя отвлекать охрану?

– И что? Мне до второго пришествия с ними хороводы вокруг дома водить?!

Они действительно странные – оба в курсе опасности, но почему-то ещё здесь. Не принимают его всерьёз? Интересно, почему? Айка вон… этот трансвестит уже заметно трясётся от страха. То ли осознал наконец-то, что Сого не шутит, то ли просто выдержка кончилась. Но сейчас это уже не важный босс Ямагучи, а таракан, пытающийся слиться с обстановкой и шарящий глазками по углам и стенам в поисках какой-нибудь щели.

– На кого вы работаете? – вдруг подаёт он/она голос. – Сколько стоит услуга по избавлению от этого идиота?

Гинтоки переводит взгляд на Айку и поднимает брови, кажется, что он только что её/его заметил.

– Вам как? Со смертельным исходом? – интересуется. – Или не очень?

– Естественно, со смертельным, – голос трансвестита становится выше и твёрже. – И не важно, сколько это будет стоить.

– Ага, знаю я вас... – Гинтоки оглядывается на Такасуги, потом смотрит обратно. – Деньги вперёд.

Даже сквозь пудру заметно, как бледнеет раскрашенное лицо.

– Вы… издеваетесь?

– Если только совсем немного, – улыбается мужчина. – А что, так боитесь смерти? Разве тот, кто убивает, не должен быть готов умереть в любой момент?

– Я… не боюсь, – губы с полустёршейся помадой дрожат. – Я просто не хочу умереть некрасивой…

Интересно, как много народа в курсе, какого «мамми» действительно пола? Сого обнаружил это случайно, зайдя как-то в комнату, когда та переодевалась. Но вряд ли это известно хоть одному вакагисире… Чтобы уничтожить её, достаточно слова, даже намёка. Но совсем недавно Сого даже восхищался ею, тем, как она рискует всем ради признания. Да, он знал, что приёмная «мама» хочет остаться во главе клана подольше, и даже ничего против этого не имел. Ему вообще до наследства не было дела…

– Айка-нее-сан, – собственный голос звучит сипло. – У вас это не получится в любом случае. Разве что перед смертью успеете сделать ещё десяток пластических операций... Кстати, вы ведь только грудь нарастили, а то, что ниже пояса, всё ещё как при рождении?.. Саката-сан, в вашем возрасте тоже уже пора задуматься о подобном.

– Я похож на того, кому нравится краситься и переодеваться? – за насмешливым возмущением в голосе мужчины слышно угрозу. – Но я могу оплатить смену пола тебе. Что скажешь?

Всё это так глупо, так по-идиотски…

– Валите уже отсюда.

Сого поднимает руку с шокером, сдвигая пальцы на кнопки.

– В доме уже достаточно газа, так почему же я пока не сделал ничего? Саката-сан, Хиджиката не заслужил потерять любимого человека ещё раз. Так что просто уходите.

– Насчёт этого... – вдруг вновь подаёт голос Такасуги, до этого лишь молча наблюдавший за их перепалкой. – Я, кажется, видел где-то здесь этого копа… Правда, странно одетого, но уверен, он в доме.

Нет, этого не может быть... Как? Почему и он здесь?!

Сого закрывает глаза.

Нет, некоторые люди не меняются никогда…

Вновь открывает. Из груди рвётся смех. Шокер выпадает из рук, Айка дёргается, но Такасуги уже рядом, наклоняется и подбирает его. Видно почему-то нечётко, но кажется, тот задумчиво смотрит на кнопки.

– Знаешь, – начинает медленно, – не то чтобы мне не нравилась твоя затея: укокошить всех разом, это так соблазнительно… Слушай, Окита-кун, давай я пообещаю тебе найти и вывести наружу этого копа… А ты всё же устроишь тут мега-бум?

Сого не успевает ответить, за спиной Такасуги вырастает фигура Сакаты. Тот отвешивает парню подзатыльник, отбирает шокер и переводит взгляд на Айку, кажется, переставшую даже дышать.

– Не в моих правилах обижать женщин… даже если они таковые только наполовину… но ты же и сама всё понимаешь, не так ли?

***

Зачем он вообще сюда приехал?.. Чтобы кого-то остановить… Но кого? И зачем? Ему нужно на свежий воздух и срочно, иначе вывернет прямо здесь, перед этими суровыми мужиками в чёрных костюмах. Ну и выдержка у людей… Иногда кто-то забегает, чтобы отчитаться, но два оябуна сидят за столом, а их подчиненные подпирают стены и продолжают дышать этой вонью.

Вот, из коридора снова доносится топот, неужели обнаружили бомбу? Или поймали Сого?

Да, точно, он приехал сюда, чтобы найти мальчишку…

В зал вваливается парень лет двадцати, высокий и худой – как фонарный столб, он беззвучно разевает рот. И вдруг просто шарахается в сторону. А там, где он только что стоял, приземляется тело… в дорогом женском кимоно. С измятой причёской. Подбитым глазом. Заткнутым какой-то тряпкой ртом. И ужасно искаженным лицом… Не женщина, демон.

– Тоши, мило выглядишь.

Тоширо щурится, всматриваясь в ухмыляющееся лицо альбиноса… и вдруг вспоминает, что тот не совсем альбинос, ведь волосы у него имеют серебристый оттенок.

– Гин?..

– Господа якудза! – Гинтоки уже смотрит не на него, а на сидящих за столом, при этом взгромоздив ногу на бедро лежащей женщины словно на трофей. – Прошу обменять психа в розовом халатике на настоящего преступника. Узнаёте даму?

– Узнаём, – толстяк тяжело поднимается на ноги. – Так, значит, это всё-таки заговор Ямагучи? Кто ты и по чьему здесь приказу?

– О… – Гинтоки отступает на шаг. – Разрешите представить моего господина, Шинске Такасуги.

Из коридора выходит парень лет восемнадцати – его лицо кажется Тоширо очень знакомым, но мысли путаются, а перед глазами всё плывёт. Где-то тут была дверь во двор...

– Мой господин, – этот Такасуги опускается на колени и кланяется в пол. – Прошу, прикажите вашим людям покинуть помещение и вызвать аварийную службу.

Потом поднимает взгляд на оставшегося сидеть за столом мужчину в фиолетовом костюме.

– Никакой бомбы в доме нет, но всё равно здесь оставаться опасно.

– Так значит, вот ты каков, наследник Такасуги-гуми?.. – вздыхает глава Сумиёши и задирает голову. – Инагава-саньё, кажется, мой клан решил нашу небольшую проблемку… Да и правда, дышать тут уже нечем. Прогуляемся?

Тучный кумичо Инагавы-кай кивает.

И тут из коридора выносит крупного бородатого старика. Тоширо невольно оглядывается назад – ведь он видел его здесь, в зале, совсем недавно, и когда только успел исчезнуть?

– Моя госпожа! – бородач падает на колени, пытаясь развязать верёвки на руках женщины. – Кто посмел?.. Как…

За ним в зал проталкиваются ещё люди, Гинтоки прижимается к стене – и вот его уже не видно за боевиками Ямагучи. Тоширо же, успевший незаметно добрать до двери во двор и подышать свежим воздухом, чувствует, как мозг начинает немного лучше работать. Хотя, чтобы догадаться, что именно сейчас тут случится, не требуется особых усилий.

Не успевает он об этом подумать, как женщина выталкивает кляп изо рта.

– Убейте всех! – хриплый голос напоминает скорее рёв мужика. – Отмстите за моё унижение!

Между её людьми и боссами двух оставшихся кланов лишь один человек – всё ещё стоящий на коленях Такасуги. Но вот он делает странно-плавное движение рукой, и Тоширо замечает отблеск металла. Парень не спеша встаёт с пола, разворачивается и… кто-то с воем вылетает из строя прямо на него, держась за яйца. Такасуги просто делает шаг в сторону – и тот падает на циновки, скрючившись и уже просто тихо скуля. А люди Ямагучи начинают переглядываться и озираться.

Внезапно, на пол падает ещё одно тело, но на этот раз – совершенно беззвучно.

И начинается. Боевики Инагавы и Сумиёши, до сих под подпиравшие стен, перепрыгивают через стол, мелькают кастеты, цепи, ножи... что-то орёт дамочка с пола… Размахивающий тесаком боевик прорывается к тучному главе Инагавы, но Тоширо подставляет ему подножку – и тот кубарем врезается мордой в стол. Не то что бы стало жалко этого якудзу, просто если хоть один оябун тут погибнет – Токио захлебнётся в крови.

И вдруг в дверь со двора вваливается… Сого. Его шатает, лицо в капельках пота, ладонь стирает что-то со рта, а взгляд как у наркомана, но голос…

– Хватит! – кажется, в этот крик он вложил последние силы. – Всем Ямагучи остановиться. Сейчас же!

Зря он… если та баба – его приёмная мать, вряд ли она взяла с собой кого-то, кто послушается приказа мальчишки. Хотя, пока Тоширо отводил взгляд, в зале стало немного свободней… Вон Гинтоки, орудует откуда-то взявшейся палкой, вон мелькнул за его спиной молодой Такасуги. Остальных тяжело различить, разве что по эмблемам на значках, только их не видно… Каша, а не драка. Куча мала. И захочешь помочь, хрен разберёшь, кто есть кто. Хотя, Тоширо не уверен, что вообще сможет встать, в теле просто отвратная слабость.

– Эта баба, – вновь напрягает связки Сого, – подлая истеричка и интриганка.

Уже не кричит, наоборот, голос его становится тише.

– Она собиралась стравить наши кланы… устроить войну… Кто хочет за неё сдохнуть, хрен с вами, подыхайте... а остальные должны оружие опустить.

Похоже, кто-то его всё же услышал. Вон один остановился, оглянулся. Вон другой уже отходит к стене, шатаясь, спотыкается… Да, на полу уже ступить некуда из-за тел. Но кое-кто продолжает упрямо махать кулаками.

Вдруг взгляд выцепляет Гинтоки. Того как раз согнуло пополам от удара под дых, а бородач уже снова заносит руку. На костяшках сверкает металл. Тоширо вскакивает на ноги, но Гинтоки в последний момент как-то так разворачивается всем телом, что кулак Джино рассекает воздух уже за его спиной… а сам старик уже ловит виском острый локоть. Любого другого такой удар свалил бы, а этот лишь отшатывается. Но Гинтоки уже хватает его за грудки и с размаху бьёт

лбом в лицо. На этот раз ноги бородача подгибаются, и Гинтоки позволяет ему упасть на пол. Как раз рядом с его полоумной хозяйкой.

Но почему-то в этот самый момент та срывается с места. Ей как-то удалось освободиться. Стол – на расстоянии метра… а на столе зажигалка… нет, она уже у неё! Развернувшись, выбрасывает руку перед собой, палец нажимает на металлический колпачок…

Грохает выстрел.

Женщина замирает. И падает навзничь с аккуратным красным отверстием в центре лба. А Гинтоки прячет пистолет обратно за пазуху.

«Моя беретта…»

***

С того дня прошла неделя. Честно говоря, Шинске никогда не думал, что время может тянуться так отвратительно медленно. И беспощадно. Хотя первый день в больнице и пролетел незаметно – в драке он так надышался газом, что, когда приехала аварийная бригада и несколько скорых, уже даже не мог стоять на ногах. Но хуже всего пришлось тому копу в розовом халате…

Впрочем, досталось всем.

Для оказания первой помощи отравившихся и избитых отвезли в одну общественную больницу Сагамихары, смешав людей из разных кланов и раскидав по палатам, но уже на следующий день стало понятно, насколько это была плохая идея. Но Азарни забрала Шинске после обеда, так что развитие событий он пропустил. Однако, летающих под потолком уток и взрывающихся рвотных пакетов ему хватило с головой.

И вот завтра день выписки Сого. У его палаты Ямагучи выставили охрану, так что Шинске пришлось хорошенько подумать, как подобраться к наследнику столь огромного клана, да ещё и ставшего слишком нервным после выходки своего временного оябуна. Очевидно, что соваться со своими людьми к парню нельзя, так что он решил... пойти кружным путём.

Найти Гинтоки труда не составило, мужчина практически поселился в больнице, в которую перевели Хиджикату.

– Привет, – подсев на жесткое и холодное пластиковое сиденье в зале ожидания, Шинске ставит на подлокотник пластиковый стаканчик с клубничным мороженным, политым джемом и шоколадом. – Как он?

Гинтоки косится на подношение и возвращает взгляд обратно на телевизор, подвешенный под потолком.

– Чего тебе?

– Ничего. Неужели нельзя просто прийти и узнать, как дела у любовника друга моего покойного брата?

Намёк на улыбку и только.

– Ну так, как там твой коп?

– Понятия не имею.

Странно. Разве не из-за него он торчит тут уже несколько дней? Или между ними и правда что-то случилось, и поэтому в тот день Гинтоки вёл себя нервно?

– Ты что, не заходил к нему?

– Нет.

Подхватив не глядя стаканчик, Гинтоки срывает с него крышку и втыкает деревянную ложечку в подтаявшую массу до самого дна. Шинске отводит глаза. И слышит:

– Так зачем ты пришёл?

– У меня есть задание для тебя.

– Я больше не работаю на Такасуги.

– Я заплачу.

Звук скребущей по пластику палочки, влажный хлюп… Гинтоки явно не торопится отвечать. А по телевизору по второму разу включают длинную антирекламу алкоголя и никотина: показывают повреждения лёгких, сердца, сосудов... А рядом продолжает чавкать взрослый мужчина, уплетающий мороженное за обе щеки.

– Ладно, – вздох еле слышный, – чего именно ты от меня хочешь?

– Нужно похитить наследника Ямагучи-гуми.

– Ха-ха, а ты шалун.

Гинтоки прицеливается и запускает опустевший стаканчик в мусорную корзину для жестяных банок. И попадает точно в круглое отверстие. Только вот тот, войдя почти до конца, застревает.

– Ну так что, берёшься за заказ?

– А ты в курсе, что этот паршивец может запросто приказать бросить меня в Токийский

залив? С бетонным блоком, привязанным к ногам?

– Знаешь, – Шинске склонят голову сначала к одному плечу, тянет шею, потом к другому. – Я ведь тоже могу приказать это сделать.

Мужчина вздыхает.

– Тоже верно... – косится на вход в отделение для лежачих больных. – Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

И встаёт.

***

Как же болит голова. Разговоры, разговоры, разговоры… С утра полиция, потом сразу двое вакагасира… В обед репетитор, вечером следователь по делам несовершеннолетних. С одной стороны, Сого теперь нужен новый опекун, иначе светит отправиться обратно в детский дом, с другой – адвокаты уже занялись вопросом получения наследства, и этих денег более чем предостаточно, чтобы построить сотни новых детских домов.

Всё, он велел никого к себе не пускать. Завтра поедет домой, а там уже эти следователи его не достанут.

Вечерний обход. Медсестра заставляет измерить температуру и выпить какую-то гадость, которую Сого тут же выплёвывает, стоит той выйти за дверь. Наконец, тишина… Можно почитать что-нибудь с планшета в сети. Темнеет. Клонит в сон. Но из дрёмы вдруг вырывает странный шум за дверью.

Скрип двери…

Какого чёрта?

Включив свет, Сого ожидал увидеть кого угодно, только не медсестру... по крайней мере, не такую: два пышных хвоста по бокам головы, не менее пышный бюст и ярко-розовая помада.

– А говорил, что склонностей к переодеваниям и косметике не имеешь. Хиджиката в курсе твоих пристрастий?

– Очень смешно.

Гинтоки стаскивает маленькую белую шапочку с головы и кидает на заставленный лекарствами столик на колёсах.

– Зачем ты здесь?

– Велено похитить тебя, – тяжёлый вздох. – Пойдешь сам или тебя понести?

В руке Гинтоки шприц. Подходит к кровати. Сого не может с собой ничего поделать, на ум приходит одна сцена из шаблонного порно – и из глаз брызгают слёзы, ржач царапает горло и рвёт лёгкие в клочья.

– Ой, не могу… После такого… зрелища… Ха-ха! Это же надо! Ха-ха-ха!..

Живот сводит судорога, но Сого не перестаёт кататься туда-сюда по кровати. А когда краем глаза замечает серьезное выражение чересчур накрашенного лица, эти неожиданно пухлые губы и обиженные глаза, смех разбирает по-новой.

Как вдруг в ягодицу втыкается игла. Сого замирает и вцепляется в металлический край кушетки. Но мышцы просто отказываются подчиниться и тело обмякает, в мгновение ока становясь чужим. Он даже не может моргнуть. А Гинтоки открывает боковую дверцу у столика на колесах и пихает его внутрь. Как какую-то куклу.

Всё. Темнота, тряска, рёв двигателя, шум ветра, стук по ступеням.

И вдруг – яркий свет.

То есть, он кажется ярким, на самом деле в комнате темно, только пылает камин. Прямо посреди помещения. С потолка спускаются две полукруглые и прозрачные стенки, но не закрывают огонь до конца, и дым, поднимаясь в них вверх, закручивается в чарующую спираль. Сого начинает немного чувствовать руки и ноги, но Гинтоки всё равно приходится перенести его на диван.

В кресле напротив сидит Такасуги Шинске.

– Доброй ночи. Прости за это немного грубое приглашение.

– Ничего… – язык ворочается вяло, но говорить он всё же способен. – Что ты… задумал?

– Хочу, чтобы ты встретился кое с кем.

– И… зачем это мне?

Гинтоки плюхается рядом и закидывает руки на спинку дивана, громко вздыхает. Покосившись на него, Шинске поднимается с кресла и подходит к стене. Там встроенный шкаф или холодильник… Возвращается он с высоким бокалом, в котором какая-то белая масса. Протягивает Гинтоки, но смотрит на Сого:

– Не придуривайся, я знаю, что ты можешь уже шевелиться… А что до твоего вопроса – просто окажи мне любезность. Или все три клана узнают, кто именно игрался с газом и требовал за жизни их глав десять миллионов долларов.

Чёрт возьми, так он и знал. Эти якудза… Надо было их всё же взорвать.

19 - Даже если очень хочется начать всё с начала, никогда не решайте за других

***

Пятьдесят четвёртый этаж. Даже если до ближайшего окна сотня метров, а под ногами твёрдый гладкий пол – у Шинске всё равно кружится голова. А может, дело в том, что он немного взволнован…

В коридоре лишь трое: он сам и два охранника по бокам от двери. Из кабинета иногда доносятся голоса, вот сейчас, например, говорит сотё Сумиёши:

– Наш бывший глава погиб от рук одного из вашего клана, а теперь произошло обратное… не думаю, что мир между нами возможен вообще. Кроме того…

Шинске физически чувствует, как напрягается охрана. Да и у самого по хребту пробегает противный холодок – да, Сого здесь совершенно один, но он наедине с кумичо, и кому, как не Шинске знать, что тот способен вытворить что угодно. Но вот низкий с хрипотцой голос мужчины смолкает и из-за двери доносится уже другой, выше и звонче:

– Это всё так сложно. Знаете, мне мои замы пока запрещают вести серьезные переговоры… Но, знаете, что мне действительно интересно? Правда ли, что клан Такасуги шестьдесят лет назад убивал, делая вид, что это дело рук Ямагучи?

И снова в коридоре воздух густеет от напряжения, кажется, его уже можно резать ножом.

– Понятия не имею, – после непродолжительного молчания всё же отвечает глава Сумиёши. – Слухи ходят разные, а из участников тех событий в живых уже не осталось никого. Но… Вот что я скажу вам, молодой человек: если бы такое случилось сейчас, если бы потребовалось сплотить людей и привлечь на свою сторону полицию, я бы выбрал такой же вариант. В конце концов, значение имеет лишь моя семья и мои люди.

Шинске отходит от двери. Он почему-то не может просто стоять на одном месте, вот и бродит туда-сюда, от одного огромного фикуса в конце коридора, до другого, у панорамного окна. Правда, стоит оказаться к нему поближе и увидеть верхушки других зданий на фоне голубого бесконечного неба, как ноги поворачивают сами.

– Насчет Филиппин, – из-за двери снова слышно голос Сого. – Кажется, у вас проблемы с нашими людьми из-за территории и вербовки знойных блондинок?

– Кажется, вы говорили, что вам запрещают вести серьёзные переговоры?

– Да ладно, это же мелочь… Пожалуй, я замолвлю перед моими замами слово, если вы согласитесь оказать мне услугу…

Голос становится тише, просто Шинске уже достаточно отошёл от двери. Ну сколько ещё

этот парень намерен торчать там внутри?! До следующего утра?!

– … в местный колледж.

– Слухи всё равно поползут, – задумчиво тянет глава Сумиёши. – Думаете, вам дадут спокойно учиться?

– Не попробуешь – не узнаешь.

Шинске останавливается у двери и достаёт руки из узких карманов брюк. От этой тесной одежды чешется кожа и затекает тело, так и хочется расправить плечи пошире, оторвать к чёрту галстук и вытащить ноги из жёстких ботинок… Но вдруг до слуха доносится стук каблуков по мраморному полу.

Из-за поворота показывается женщина с фиолетовыми волосами и, остановившись у фикуса, склоняет голову на плечо.

– Такасуги-сан?

Шинске всё-таки сжимает узел галстука и чуть стягивает его вниз. И только после этого сдвигается с места.

Котаро сидит на высокой кровати, смотрит в окно. Безразмерная футболка сползла с одного плеча, видно бинты.

– Как ты?

Большая деревянная дверь закрывается за спиной и Шинске заставляет себя сделать шаг. Котаро не реагирует ни на его появление, ни на заданный вопрос. Только заведенный за ухо локон длинных иссиня-чёрных волос соскальзывает и падает на лицо. И каменная плита в груди Шинске даёт трещину и начинает крошиться.

– Котаро.

– Прости.

Его голос слаб и очень-очень далёк. Шинске сжимает зубы и заставляет себя остаться на месте. До кровати не больше двух метров, но кажется, что сотни километров и стеклянные стены.

– За что?

– Я… – Котаро замолкает, глубоко вдыхает и переводит взгляд с окна на руки, сложенные перед собой на одеяле. – Я так и не смог ничем тебе… помочь.

– Идиот.

Вот, это заставляет упрямца, наконец-то, посмотреть на него.

– Что?

– «Идиот», говорю, – становится легче дышать, шум в висках умолкает. – Ты сделал многое. Если бы не ты, я никогда бы не понял, кто я есть.

Что это? Слёзы?

Руки за спиной сжимаются в кулаки.

– Извини, – Котаро проводит пальцами по глазам. – Мне дают какие-то странные обезболивающие, и из-за них я тоже немного странный…

Нет, стоять и смотреть становится просто невыносимо. Хочется подбежать, схватить эти тонкие запястья, пройтись губами по бледным щекам… Но Шинске заставляет себя остаться на месте. Всё это произошло с Котаро не по вине Сумиёши, нет. И не по вине Ямагучи. Виноват только сам Шинске и больше никто. Котаро был его слугой, был в его доме – и пострадал не единожды именно из-за него. Но почему-то... его ни в чём не винит.

– Как твои… раны?

– Э-эм… Полагаю, нормально.

Котаро вдруг подцепляет низ белой футболки и задирает её. На его боку и выше, на груди – две нашлёпки из пластырей и бинтов. Шинске смотрит на них неотрывно, пока Котаро не опускает руки.

– Слышал, ты тоже лежал в больнице?

Шинске силится улыбнуться. И, судя по обеспокоенному выражению на лице Котаро, у него это удаётся не очень. А ведь тренировался… Бросив бесполезное занятие, вздыхает.

– Тебе уже можно отсюда уйти?

На него смотрят без удивления, но и радости в оливковых глазах вовсе не видно.

– Куда?

– Куда хочешь.

– Ты… выкупил меня?

– Можно сказать и так, – Шинске разжимает кулаки за спиной и засовывает руки в карманы. Переносит вес на пятки, качнувшись, перекатывается на носки и обратно. – Теперь ты

не принадлежишь никому… Сару сказала, что ты когда-то собирался поступить в колледж? На юриста?

Грустная улыбка Котаро заставляет сердце сжаться и забиться сильней.

– У меня только школьный аттестат…

– Ещё целый год впереди, я найму тебе репетитора… эм, если захочешь.

Котаро закусывает губу, но не отвечает. Да-да, совершенно очевидно, что никто не захочет поддерживать общение с якудза, столько натерпевшись от них. Это была глупая попытка.

– Ну, тогда… – Шинске роняет взгляд на пол и делает шаг назад, – я пойду…

Ещё один и ещё. В спину упирается дверь.

– У тебя ведь есть мой адрес?

Сжимает зубы. Кивает. И заставляет себя выйти уже наконец. Как это глупо – хвататься за малейшую надежду, и очень больно. Но он сдержал своё слово и теперь должен… как-то жить дальше. В конце концов, в клане столько дел, что забыться на время труда не составит, а потом… потом он придумает что-то ещё.

Только этот последний взгляд Котаро, пойманный перед самым закрытием двери, надолго остаётся в душе. Снится по ночам. Видится в отражении синего неба. В красной кроне старого клёна. Преследует дома, в машине, в офисе, во время учёбы, переговоров и даже мытья. И Шинске начинает казаться, что он сходит с ума.

А потом вдруг звонит Сарутоби.

– Такасуги-сан? Сотё всё-таки беспокоит, что наша рыбка останется совсем без охраны. Вы не могли бы пока взять это на себя?

Что это? Подарок небес? Или всего лишь насмешка? У Шинске нет больше сил. Он терпел, сколько мог. Но больше не может.

***

Скрип. Дверные петли надо бы смазать. Котаро переступает порог своего дома и осторожно вдыхает. Воздух затхлый, пыльный, но настолько родной, что на глаза снова наворачиваются слёзы. Это повышенная эмоциональность уже порядком достала, но врач сказал, что побочные действия лекарств скоро пройдут.

Завтра надо будет заскочить к бабушке в больницу, а пока подумать, где теперь доставать деньги на её лечение. Нет, в долг он больше брать не станет, но и учиться… Сумиёши-сан

позволил Котаро остаться ещё на неделю, пока врачи не разрешили уйти, а потом и вовсе предложил должность в штате. Отказываться было опасно, ведь через Котаро прошло много секретной и не очень информации, но он с самого начала знал, что уйти ему просто так не позволят. Но босс лишь кивнул. Потом выдал конверт с «выходным пособием». И выделил водителя, чтобы тот довёз его до дома.

Но чем же заняться? Пыль вытер, комнаты проветрил… Воду для чая разогрел. Но когда начал сыпать в чайник заварку, в дверь вдруг позвонили.

– Кто там?

Тишина. И очень тихое:

– Я.

Всё же… пришёл. Котаро берётся за ручку двери и чувствует, как та скользит в мгновенно вспотевшей ладони.

Шинске не спешит переступать порог, смотрит пристально, но осторожно, словно боится, что дверь сейчас захлопнется обратно.

– Хочешь сходить в кино? – спрашивает вдруг.

– Нет, – Котаро мотает головой. – Заходи.

– Может, в парк? – не сдаётся Шинске. – В кафе?.. В ресторан?.. В музей?.. Чёрт, я не знаю, куда ещё люди ходят на свидания…

– Не хочешь поужинать у меня?

Котаро отступает назад, и гость, зачем-то бросив взгляды по сторонам, всё же переступает порог.

– Правда, можно?

– Правда, – кивает Котаро. – Но я умею готовить лишь самые простые блюда…

Шинске вздыхает. Медленно разувается и также не спеша проходит в комнату. Ноги ставит осторожно, словно боясь провалиться сквозь пол. Бросает взгляд на кухню и, кажется, замечает большой пакет из супермаркета. Тот прозрачный. И его пёстрое содержимое видно отлично.

– Ты вообще ешь хоть что-нибудь кроме фастфуда?

Вот, теперь это голос, который Котаро знает прекрасно – властный, требовательный и возмущенный. Но что-то случилось, Шинске кажется старше… и как-то серьёзней. Достаёт телефон.

– Здравствуйте, я хотел бы сделать заказ… У вас есть итальянская кухня? – поворачивается, вопросительно смотрит на Котаро, тот кивает. – И вина. Красного… Да, подойдёт.

Диктует адрес.

Есть в нём что-то… очень важное для человека… уверенность, умение держать себя, надёжность… но почему именно якудза? Разве якудза бывают такими? Нет. Якудза используют других, их волнуют только нажива и статус, кто-то из них ищет войны, кто-то мира, но все они без исключения заботятся лишь о себе и своей семье. Впрочем, остальное общество отвечает им взаимностью.

Но Котаро понял одно – Шинске не собирается требовать ничего взамен. И его обещание не было лишь пустыми красивыми словами. Но похищение изменило его, исчезла апатия и равнодушие, он больше не зверёк, посаженный в клетку, нет, он… выбрался из неё. Но не сбежал.

Похоже, Шинске освободил их обоих. Но Котаро был вовсе не против стать его собственностью. Потому что боялся оказаться ненужным. Но он пришёл, не бросил, не отказался.

– У меня есть несколько фильмов, – вспоминает Котаро, когда Шинске заканчивает делать заказ. – Правда, они немного не того жанра, что ты предпочитаешь смотреть.

– Всё равно, – отмахивается тот. – Я хочу знать, что нравится тебе.

Котаро хитро улыбается и достает ноутбук. Потом стелет на пол два футона так близко, что получается квадрат. Шинске скромно садится на самый край, поджимает колени и честно смотрит «Банды Нью-Йорка» все полчаса, пока не привозят заказ. При этом Котаро, устроившись рядом, больше поглядывает на него, чем на экран. Взгляд Шинске непроницаем, но вот совсем немного дёргается бровь, вот вздрагивают ресницы, вот линия сжатых губ становится твёрже…

Потом они едят пасту. Запивают вином. «Банды Нью-Йорка» сменяет другой американский фильм про молодёжь, на экране мелькают откровенные сцены, а за окном начинает темнеть. Шинске плотнее сдвигает колени, поглядывает то на настенные часы, то на дверь. Пока Котаро не предлагает:

– Оставайся.

Шинске хмурится, вздыхает. Что-то не так. Наблюдать и дразнить его всё ещё очень приятно, только вот реакция изменилась. Он больше не похож на готового завилять хвостом щенка, скорее на чем-то недовольного взрослого кота, подёргивающего усами. Тревога скребётся в груди, но Котаро не знает, как спросить, как понять, что же всё-таки происходит. И почему он больше не смотрит на него пожирающим взглядом.

Но Котаро нужен ответ.

– Я скоро вернусь.

В ванной холодно, вода нагревается медленно, Котаро чувствует, что начинает паниковать. Что ведёт себя глупо. Ну что он задумал? Если Шинске всё это больше не нужно, то зачем приглашать на свидание? Мочалка жёсткая, бритва тупая, пальцы дрожат. Чёрт возьми, он впервые решился сделать это по собственной воле и с тем, с кем действительно хочет… но почему же так страшно?

– Пошляк.

Зеркало на дверце шкафчика не отражает его во весь рост, видно лишь полоску черных стрингов под пупком.

– Что за безвкусица…

Вода ещё шумит, и Котаро уверен, что снаружи его не услышат.

– Но глупо прикидываться кем-то, кем не являешься, верно?

Попытка подмигнуть своему отражению. Действительно жалкое зрелище. Осталось сделать один последний шаг…

Когда он выходит из ванны, то видит, что свет в комнате не горит, лишь ярко мерцает монитор, подсвечивая сидящего перед ним всё в той же позе Шинске. Котаро останавливается на пороге, позволяет влажным волосам соскользнуть с плеча.

– Ты ведь слышал… обо мне? – слова комкаются, застревают в горле. – О том, чем я занимался? Тебе… не противно будет прикоснуться ко мне опять?

Выражение лица Шинске видно плохо, он отвернулся от ноутбука. Но вот слова слышно прекрасно.

– Прости, я так не могу.

Громко бухает в груди. Котаро кажется, что он оглох. Шинске говорит что-то ещё, но смысл его слов доходит до осознания далеко не сразу.

– Давай начнём всё с начала. Сходим несколько раз на свидания. Узнаем друг друга получше. Я добьюсь того, чтобы ты захотел стать моим не из благодарности или чего-то такого…

Таким же тоном, наверное, кредитор предлагает просящему заём предоставить ещё пару справок.

Котаро вскидывает взгляд к потолку, глубоко вдыхает и ждёт, пока чёртовы слёзы скатятся по щекам. Не тереть же глаза, когда Шинске так серьезно смотрит на него. Ещё решит, что он чёртова истеричка. Но успокоиться получается не очень. И тогда Котаро входит в комнату,

хлопает крышкой ноутбука, поднимает его с пола и опускает туда, где только что была голова наследника Такасуги.

Только вот сейчас там пустота. И, не рассчитав, Котаро падает вперёд. Но его тут же ловят уверенные руки.

– Наверное, не получится, да? – шепчут мягкие губы, касаясь ключиц.

И ноутбук выскальзывает из пальцев, падает на футон. Стринги врезаются в пах, когда под них подлезают ладони, сжимают ягодицы и тянут за тонкую перегородку. Член трётся об ткань, давит в живот. Но Котаро слышит сдерживаемое дыхание Шинске, чувствует его желание, его страсть, его силу – и все страхи испаряются, остаётся лишь восхищение. Тем, как приятно оказаться в объятьях любимого человека. Как тянет в груди. От счастья хочется разрыдаться, закричать, завопить. И он сам целует его прямо в тонкие, но нежные губы. На ощупь спускается вниз. Освобождает стоящий колом член из плена ширинки. И насаживается на него – без предварительных ласк, без растягиваний и взаимных минетов. Ведь он уже подготовил себя. И не может ждать больше. Волосы лезут в рот и глаза, но Шинске проводит ладонями по его лицу, прижимается, хрипло дышит в плечо. Его руки обхватывают и сжимают рёбра так, словно хотят раздавить. Но Котаро не против. Он готов раствориться, слиться телами. Во всём мире сейчас нет никого, кроме них. И не будет.

Ему так много надо сказать, но слова кажутся бесполезными. И Котаро говорит телом за себя. Он насаживается, он позволяет глубоко в себя проникать, он раскрывается, он отдаётся, но и он же забирает. Нет, никому и никогда Шинске не будет принадлежать так, как принадлежит сейчас ему.

Темнота становится прозрачной. Дыхание – прерывистым. Душа готовится покинуть тело, но сильные руки не отпускают, лишь укладывают на спину. Шинске замирает, смотрит на него в свете уличных фонарей, заглянувших в окно, его член пульсирует внутри, Котаро сжимается, выгибается, тянется к губам. И Шинске наклоняется. И вновь врезается в его тело, проникает в каждую клеточку, в каждый мускул. Его язык проталкивается в рот, ловит язык Котаро, перетягивает к себе. Воздуха не хватает. Но Котаро готов задохнуться, лишь бы только это всё никогда не кончалось...

– Не могу больше, – отрывается от его губ Шинске. – Могу я… в тебя?

Котаро сжимает его ногами и отрывает бёдра от футона. Шинске тут же обхватывает его член руками, как когда-то бесконечно давно, и в несколько быстрых движений заставляет кончить. Запомнил, как ему нравится... Дыхание сбивается, в ушах лишь белый шум, но сквозь резкие спазмы, завладевшие телом, Котаро чувствует, пульсирует внутри, как изливается семя.

Потом Шинске падает сверху. Он мокрый от пота. Рубашка прилипла к коже, несколько пуговиц слетело… Чёрт, надо было его сначала раздеть.

– Мне… надо… в душ.

Боже, он еле ворочает языком. Котаро понимает, что просто глупо улыбается сейчас, но

ничего не может поделать с собой. Он счастлив. Безмерно и бесконечно.

20 - Иногда конец - это только начало

***

Немного справочной информации:

Когда говорят о «весе» удара или его силе – обычно используют термин «килограммы» (кг), подразумевая килограмм-силы (кгс). Естественно, что на силу удара влияет не столько вес тела/конечности, но и ускорение и прочее. Например, ходят слухи, что у Кличко прямой тяжелее семисот килограмм, но вообще в боксе удары рукой обычно около четырехсот пятидесяти.

***

Полуденное солнце жарит немилосердно. Вроде середина октября, а в машине без кондиционера – как в натуральной парной. И Гинтоки торчит в ней уже часа три, пялясь на главный вход общественной больницы и мечтая о баночке холодного, освежающего пивка.

И вот, наконец-то, большие двери приходят в движение и выпускают на улицу щурящегося от яркого солнца Хиджикату Тоширо. Одет он в белую спортивную ветровку и тёмные-синие джинсы – интересно, кто додумался привезти ему эти шмотки? Смотрится… мило. Ага, а вон следом выбегает и Ямазаки. Гинтоки поворачивает ключ в замке зажигания – и машина трогается с места, пересекает двойную сплошную и заезжает во двор.

Затормозив у шарахнувшегося к обочине Тоширо, Гинтоки тянется через сиденье к опущенному стеклу.

– Подвезти?

Тот сжимает фильтр ещё не прикуренной сигареты, оглядывается на догоняющего подчинённого и морщится. Потом берётся за ручку двери. Плюхается на сиденье. Мятый полиэтиленовый пакет ещё только летит на заднее сиденье, а Гинтоки уже втапливает педаль газа.

За окном проносится возмущенная физиономия Ямазаки.

А Тоширо прикуривает и выпускает дым в открытое окно.

– Откуда тачка?

Гинтоки выворачивает руль, заходя в крутой поворот, и тут же выравнивает машину. Пожимает плечами.

– Взял на прокат, – косится в зеркало, вместо того, чтобы просто голову повернуть. – Куда тебя отвезти?

Запах табака смешивается с «зимней свежестью» освежителя воздуха, а Тоширо, всё ещё щурясь, вздыхает и снова затягивается так, словно это первая его сигарета за последние десять дней.

– Не хочу домой, там та-а-акой сра-а-ач…

– Могу отвести в лав-отель, – предлагает Гинтоки, отведя взгляд от отражения в зеркале. – Перепихнёмся в последний раз.

С соседнего кресла доносится скрежет зубов.

– Домой! Просто отвези меня домой, хорошо?!

«Как скажешь.»

Понедельник, дорога в этот час почти не забита, так что поездка в полной тишине занимает всего около сорока минут. Припарковавшись у подъезда, Гинтоки не глушит мотор. Но Тоширо выходить не спешит.

– Мой пистолет ещё у тебя?

– Нет.

– Надеюсь, ты избавился от отпечатков?

Вместо ответа Гинтоки хмыкает.

– Убийцу… ещё не нашли? – дотошный коп не отстаёт. – Или так и решили всё списать на неизвестного психа, якобы ворвавшегося в мой дом, выкравшего ствол и устроившего покушение на босса Ямагучи?

– Без понятия, с меня даже показания толком не взяли.

Снова тишина, только урчит мотор. Наконец, Тоширо берётся за ручку двери, нажимает… Оглядывается. Но, так больше ничего и не сказав, выходит наружу. Гинтоки тянется на заднее сиденье, подцепляет кончиками пальцев белый пакет.

– Эй!

Тоширо ловит свои нехитрые пожитки и, запнувшись, скрывается в подъезде. А на приборной панели остаётся лежать полупустая пачка. Гинтоки прикрывает глаза, вздыхает, заглушает двигатель и вытягивает одну сигарету. Достаёт прикуриватель. И впускает в лёгкие ядовитый дым.

Даже без ментола.

Горький.

Если задержать его в себе подольше, начинает кружиться голова. И наполняться ненужными мыслями. Однако, это сложно – держать её пустой слишком долго, но вот ведь какое дело – отвлечься нечем совершенно. И остаётся только слушать тишину.

Да, он начал это первым, но, чёрт подери, неужели так трудно понять, что ему нужна всего лишь уступка? Нет, лишь слово. Но от Тоширо за все эти дни – ничего. Так странно… уходя, ждать оклика вслед, но так его и не услышать. А ведь был уверен. Но вот теперь – точно конец. Если даже сейчас этот парень решит оставить всё как есть, придётся окончательно сдаться. Ведь это Гинтоки навязал ему эти отношения, вторгся в жилище, в жизнь…

Нарастающий звук. Топот. Заставляет поднять голову и увидеть Тоширо, выбегающего из подъезда. Подавиться дымом. Выкашлянуть его прямо в лицо, сунувшееся в салон через открытое окно.

– Это ты... убрался? И окно поменял? А телевизор купил на какие шиши?!

– Подработал немного… – сипло отвечает Гинтоки, наконец-то справившись с кашлем. – А что? Это ведь я его разбил.

– Ага, а холодильник ты майонезом забил, потому что… ?

Пожатие плеч.

– Потому что ты его любишь.

Тоширо поджимает губы и выбирается из окна. Дёргает дверь. И снова садится на сидение рядом.

– Слушай… в тот день… я не мог отвезти парня к себе… и тот халат из отеля…

– Молчи, – Гинтоки раздавливает окурок в примагниченной к панели пепельнице. – Я знаю, что ты не стал бы совращать ребёнка.

В ответ Тоширо как-то странно потупляет взгляд.

«Нет-нет-нет, он не мог. Выбрось это из головы!»

– Ты тоже хорош… Нашёл к кому ревновать…

«Что?.. Вообще, отлично…»

– То есть, это я во всём виноват?! А то, что в твоей квартире поселился какой-то левый парень, а ты мне даже не рассказал – это так, ерунда?!!

Дешёвый пластик руля противно скрипит и гнётся в руках, а Тоширо молча сопит, но сейчас в его взгляде нет ни грамма раскаяния – лишь возмущение и злость.

– А ты… ты вообще ради бывшего связался с якудза!

Гинтоки молча смотрит на него несколько секунд, перебирая в уме эпитеты посмачнее и наблюдая за тем, как тускнеет блеск в тёмных глазах, как выравнивается дыхание… Забавно. Тоширо вообще понимает, что сам оказался почти в такой же ситуации?.. Только вот между Сого и Шинске есть одна принципиальная разница – младший Такасуги не пытался залезть Гинтоки в штаны.

Но, в конце концов, остаётся лишь вздохнуть.

– Кто бы говорил…

Тоширо тоже вздыхает. И забирает с приборной панели пачку с сигаретами, шелестит фольгой, но пока не пытается закурить. Вообще, пора бы ему уже бросить эту вредную привычку или, хотя бы, как-то ограничить себя – иначе не проживёт и до сорока. А Гинтоки вовсе не хочется остаться на старости лет одному.

– Кстати, – вдруг совершенно мирно заявляет Тоши. – Я там в холодильнике нашёл две порции кацудона... Пошли, поедим?

Приходится отвести взгляд.

– Ты же знаешь… я на полный желудок не люблю заниматься сексом.

Кажется, рядом опять скрипят зубами. Странно, разве это теперь такая уж больная тема? Гинтоки косится через плечо… и натыкается на нахальную лыбу наклонившегося к окну подростка.

– Старость – не радость, да, Саката-сан? Вот поэтому я и говорю, что молодые любовники намного лучше.

Нет, на этот раз наглый сопляк так просто не отделается! Гинтоки выскакивает из машины, но дверь не успевает захлопнуться, как по бокам от наследника Ямагучи вырастают два амбала. Но что они могут против командира отряда спецназа? Да ещё и решившего всерьёз намылить шею одному пиздюку?

Крыша машины прогибается под весом Гинтоки, поленившегося её обходить. И ботинок с лёту впечатывается в скрещенные руки телохранителя. Ну хоть на что-то эта квадратная образина способна… Но стоит перекинуть вес на другую руку и вбить пятку в ухо амбала, как тот просто покорно отлетает в сторону подъездной двери. А вот второй уже лезет за пазуху. Что, неужели додумался притащить сюда огнестрел? Асфальт врезается в подошвы, а кулак входит в широкую грудину, раздаётся треск костей – но это всего лишь крошится запястье под плотной тканью пиджака – и брызги слюны, смешавшейся с кровью, орошают лицо.

Гинтоки делает шаг назад. Тело падает. И на асфальт выкатывается окровавленный цилиндр, очень похожий на складную дубинку-шокер. А Сого, до сих пор даже не пошевелившийся, разве что стёрший ухмылку с лица, смотрит на неё сверху вниз и качает головой. Потом поднимает на Гинтоки меланхоличный взгляд.

– Ну и как? Стало легче?

«Нет.»

Он сам не понимает, что вдруг нашло на него. Злость просто захлестнула изнутри и заставила бить всерьёз.

– Ты с ума сошёл?! – доносится из-за спины.

Тоширо хлопает дверью и выдаёт протяжный стон.

– Не беспокойтесь, Хиджиката-сан, – пожимает Сого плечами. – Я знал, что так будет. Ничего, они ребята крепкие.

– Тц... Ты не понимаешь… – Тоширо опускается на колено и касается пальцами толстой бычьей шеи качка. – Ты хоть знаешь, что у Гинтоки удар прямой – тяжелее шестисот килограмм?..

Раздаётся восхищенный свист. А Гинтоки стоит и смотрит на свой не желающий разжиматься кулак. Нет, нервничать ему, определённо, нельзя. А то так вообще скоро с катушек слетит. Но с телохранителем Сого, кажется, всё в порядке, так как Тоширо облегченно выдыхает и поднимается с колена.

И тут Гинтоки замечает рюкзак за плечами подростка.

– В поход собрался?

Сого мотает головой.

– Видите ли, Саката-сан… Хиджиката-сан был так любезен, что согласился стать мои опекуном… и разрешил забегать в гости время от времени. А ваш шампунь для вьющихся волос подойдёт мне вряд ли.

Три часа дня. Гинтоки тупо сидит перед телевизором. А в нескольких метрах от него разлёгся на пузе Сого, и тоже делает вид, что происходящее на экране его интересует больше, чем что бы то ни было. Из коридора доносится шум воды. Это Тоширо моет посуду.

Обед прошёл под красноречивый рассказ мальчишки о своём похищении сексапильной медсестрой с пятым размером груди. И о том, что у него теперь есть официальное разрешение

от Инагавы и Сумиёши на пребывание на территории Токио максимум с тремя сопровождающими. Гинтоки уже слышал об этом, но остановился два часа назад вовсе не потому, что наследник Ямагучи нынче личность неприкосновенная и любая агрессия в его адрес теперь может быть рассмотрена как попытка разжигания вражды между тремя кланами. Вовсе нет. Просто мальчишеское лицо, вдруг прекратившее изображать наглую ухмылку, неожиданно показалось ему до жути знакомым. И вот сейчас, глядя на экран, Гинтоки на самом деле смотрит на отражение в зеркальной поверхности. Да, у Сого почему-то точно такие же, как и у него самого, усталые глаза.

А ещё Гинтоки банально испугался. Что просто убьёт его.

Тоширо возвращается в гостиную с чаем. Прямо-таки заботливая жёнушка… Правда, готовил обед Гинтоки, так что тут ещё можно поспорить о гендерных ролях, а вот Сого совершенно точно вписывается в эту семейную картинку как ребёнок от предыдущего брака. Но какого чёрта?.. Неужели, это так увлекательно – действовать людям на нервы? Или он ещё просто не сдался?

Да, похоже на то.

– Ты мазохист или что?

– М-м-м? – парень перекатывается на бок и подпирает щёку рукой. – Вы о чём, Саката-сан?

Да, и ещё эта вдруг откуда-то взявшаяся вежливость…

– Кстати, Саката-сан, вы никогда не хотели попробовать секс втроём?

Судя по звуку, чашка приземляется на отремонтированный Гинтоки столик с неестественной скоростью и силой. Но подросток продолжает делать вид, что кроме их двоих в комнате никого больше нет.

– И хотел, и пробовал, – завалившись на спину и закинув руки за голову, Гинтоки ловит озадаченный взгляд Тоширо. – Годика через два напомни мне сводить тебя в квартал красных фонарей.

– Два года... Между прочим, возраст сексуального согласия…

– А ну цыц. Пока Хиджиката – твой официальный опекун, считай, что и мамочка тоже появилась.

– Пф!

– Пофыркай мне тут ещё...

День тянется бесконечно. Даже при том, что Тоширо решает разгрести завал во второй комнате. Но теперь, конечно, одной гостиной им будет мало. Но хуже всего, что к этой процедуре привлекается и Гинтоки. А он-то надеялся провести день, как минимум, занимаясь неудержимым сексом!

Нет-нет-нет, что-то такая «семейная» жизнь ему вовсе не нравится. Даже если забыть о посягательствах Сого на честь и достоинство Тоши, этот мальчишка принёс с собой слишком много хлопот. То ли дело – Шинске. Спровадил батю на курорт, сердце подлечить, а сам пробился чуть ли не в помощники сотё Сумиёши. И всё, не слышно парня, не видно.

От пыли чешутся глаза, а от мелких царапин – кожа. Но стоит только вынести на мусорку последние несколько досок от сломанной кровати, да свернуть в сторону ванны, как тут же на пути возникает замотанный в шёлковый халатик подросток.

– Я первым, если вы не возражаете…

И начинает закрывать за собой дверь. Но Гинтоки тут же просовывает ногу в щель.

– Возражаю.

Ступню тут же зажимает в тисках.

– А меня это не волнует.

На миг дверь отпускают, но только чтобы пнуть по ноге. И захлопнуть перед самым носом.

– Хи-джи-ка-та… ку-у-ун!

– Успокойся, – выглядывает тот из теперь уже «комнаты Сого». – Вы оба ведёте себя как дети. Но ему простительно, а тебе…

«Ах, значит, так?»

Гинтоки уходит в гостиную, вытаскивает из шкафа футон и заваливается на него как есть – в грязной рубашке и брюках. И втыкает взгляд в своё кимоно, повешенное на вешалку у окна. Прошёл всего один день, а уже хочется сбежать куда-нибудь, например, в штаб Такасуги. Там хоть и напряженка с сексом и телевизором, но можно сыграть в карты со слепым самураем или подрочить в уголке…

Тоширо заходит еле слышно. Двери в коридор нет и не было никогда, но до сих пор Гинтоки об этом не думал. Но сейчас захотелось вдруг запереться.

– Я тебя ни с кем делить не собираюсь, так и знай.

– А тебя кто-то просит об этом?

Подходит. Останавливается совсем рядом, загораживая свет. Гинтоки вытягивает ногу и подцепляет пальцами край штанины. Джинса плотная и шершавая. Тоширо опускается на колени.

– Ты можешь подождать хоть чуть-чуть?

– Я хочу помыться…

– Гин.

Гинтоки рывком садится и, поймав отшатнувшегося Тоши за локоть, притягивает к себе. Несколько мгновений смотрит в глаза. И, только убедившись, что тот не против, подаётся ближе. Касается губ. Те отказываются раскрыться навстречу, но ему уже всё равно. Достаточно подмять Тоширо под себя, залезть под футболку, сжать в пальцах маленькие сосочки… Заметить протестующий блеск в глазах, но всё равно втянуть один в рот, прикусить.

– Ну, не надо… Ты же знаешь, что я не люблю…

Конечно, знает. Просто эти места слишком чувствительные эрогенные точки. Но нет лучше способа быстро перевести все мысли Хиджикаты Тоширо в горизонтальную плоскость.

– П-погоди, – тот серьезно упирается руками и не даёт расстегнуть молнию на джинсах. – П-позже… Гинтоки!

Получив коленом в живот, приходится отступить. Временно.

– Этой ночью ты у меня не уснёшь.

– Конечно-конечно...

Подтянув штаны, Тоширо садится и смотрит на чёрный проём двери. Вздыхает.

– Кажется, ванная освободилась.

Гинтоки потягивается и делает вид, что вовсе не слышал никакого скрипа пола из коридора. На то, чтобы принять душ, уходит три минуты, побриться – десять минут. Убедиться в отсутствии смазки и презервативов в ящичке с лекарствами – несколько секунд.

– Вот, сучёныш!

– Ты куда? – выглядывает Тоширо в коридор, когда он уже почти успевает обуться.

– Я быстро, а ты пока тоже помойся… и не забудь, сегодня ты снизу!

– С чего это вдруг?

Гинтоки чешет в затылке. И правда.

– Потому что в прошлый раз был снизу я?

Тоширо складывает руки на груди и смотрит так пристально, словно что-то задумал… Ну уж нет, отвертеться у него сегодня точно не выйдет.

– Я скоро.

Путь до аптеки не близкий, круглосуточно работает только одна, у супермаркета, так что возвращается Гинтоки только минут через двадцать. В квартире царит тишина. И темно, как в жопе у негра.

Очень аккуратно вытащив клюшку для гольфа из корзины с зонтом, Гинтоки крадётся по коридору, но не к гостиной, а дальше. Целлофановый пакет еле слышно шуршит, пока он подпирает дверь в комнату подростка. Ну вот и всё.

– Хиджиката-кун? – пол под ногой издаёт протяжный скрип. – Тошширро?

Но не успевает он перешагнуть порог, как сзади накидывают удавку. Инстинкт велит схватиться за неё, но вместо этого Гинтоки бьёт локтем назад с разворота. В пустоту. Пакет падает на пол, и одновременно с этим звуком в живот врезается кулак. Противник в темноте просто ушёл вниз. Но от того, что мозгом Гинтоки это понимает, толку мало – тело парализует от боли, лёгкие силятся вдохнуть хоть немного кислорода, но новый удар – уже по затылку – заставляет погаснуть только что вспыхнувшие перед глазами звёзды.

Яркий свет проникает сквозь веки. Почему-то холодно. Гинтоки открывает глаза и видит сидящего прямо напротив Хиджикату. Тот связан и почему-то голый по пояс, в одних только джинсах. Запястья примотаны к щиколоткам, в глазах вселенская печаль.

– Извини.

Это как же он так сглупил-то?

Взгляд падает на окно. В нём отражается стоящий за спиной Гинтоки подросток. В руке Сого небольшая складная дубинка.

Интересно, психами рождаются или становятся?

Попытка пошевелиться приводит к тому, что Гинтоки чуть не заваливается на пол. В отличие от Тоширо, его руки стянуты за спиной, под коленями продета какая-то палка, не дающая свести их вместе… и ещё одна, к ней привязаны щиколотки. И сидеть так несколько болезненно.

– А я уж было решил, что это будет скучный вечер…

– А вот мне так не показалось, – тут же реагирует Сого, выходя из-за спины и останавливаясь между ним и Тоширо. – Саката-сан, разве вы не собирались затрахать Хиджикату-сана до смерти?

О, в другой его руке розовый тюбик с лубрикантом. Паршивец, порылся в пакете.

– Я сделаю тебе больно, – обещает Гинтоки. – Вот честно.

В ответ Сого протягивает руку, и металлический кончик складной палки-дубинки касается плеча – и удар тока заставляет сжать зубы и затрястись, как в приступе эпилепсии. Очень весело.

В процессе Гинтоки обнаруживает, что в сравнение с Тоширо, в его положении есть ещё одно отличие – он обнажён полностью. То-то показалось, что как-то прохладно. Только пока не ясно, что именно Сого задумал. Явно, что насилие, связанное с сексом, но какое? И чего он вообще хочет добиться?

Шокер ещё касается плеча, но подросток давно убрал палец с кнопки. Смотрит внимательно, вглядывается в глаза. И вдруг толкает. Затылок встречается с полом, колени издают подозрительный хруст… и над животом раздаётся влажный хлюп. Холодная густая жидкость забивается в пупок, растекается, капает на член, заставляет яйца и пальцы поджаться.

– Сого, – доносится какой-то слишком вялый голос Тоширо. – Прекрати…

– Не хочу.

На этот раз сталь касается ягодиц. Вдавливается между ними. Гинтоки закрывает глаза и пытается представить, каково это – остаться на всю жизнь импотентом? А если этот парень опять нажмёт на кнопку, то такая перспектива более чем вероятна. Но зачем он делает это у Тоширо на глазах? Хочет, чтобы тот возненавидел его?

Тонкий конец дубинки проталкивается внутрь легко, но дальше идёт выступ и следующий сегмент несколько шире. А веревки не желают растягиваться и поддаваться.

– Что ты вколол ему?..

Шокер меняет наклон и вдавливается в тонкую стенку. Разряд. И словно тысячи игл разрывают кишки изнутри, из прикушенного языка в глотку хлещет кровь, а чёрные пятна вспыхивают и затягивают потолок. Или это лопаются глаза?

Сквозь забившуюся в уши вату доносится чей-то крик. И грохот. А тело трясётся не переставая…

– Гинтоки! Гин!

Нет, не крик. Это шёпот. И трясут его за плечо. Очень темно.

– Ты пойдёшь мыться? Ванна освободилась.

Вот чёрт, кажется, он уснул. От Тоширо пахнет ментолом, это новый шампунь? Гинтоки пытается отдышаться, пытается сосредоточиться на настоящем, но внутри ещё чувствуется холодная, металлическая трубка и иглы, прогрызающиеся сквозь кишечник. Нет, это просто кошмар… Просто… Развернувшись, он тянется к Тоширо. Нащупывает мягкую ткань юкаты, натянутую на колени. Кладёт на них голову.

– Где Сого?

– Заперся у себя. Сказал, что мы можем делать, что хотим…

– Ну спасибо за разрешение…

– Что-то случилось? – рука опускается на волосы, но не гладит, просто почёсывает. – Гин?

– Нет, ничего.

В ванной Гинтоки долго-долго стоит под душем. Струи бьют по хребту, по затылку, щекочут копчик и заливаются в уши. Он даже не слышит, как открывается дверь. Только вдруг чувствует, что больше в помещении не один. Сглатывает. Косится через плечо. Тоширо вешает на крючок у двери свежее полотенце и, кажется, уже собирается выйти, но останавливает на нём взгляд.

– Ты словно только что вернулся из боя.

Даже не смешно.

Развернувшись, Гинтоки выключает воду, прислоняется к мокрой стене и демонстрирует вставший орган.

– Сделай что-нибудь с этим.

– Что, прямо здесь?

Кивок.

Тоширо мотает головой, но оглядывается на дверь. И сдвигает щеколду. Гинтоки закрывает глаза и прислушивается к тихим шагам. К шелесту одежды. Вот оно – движение рядом. Касание кожи. Опускаясь на колени, Тоширо проводит рукой по его животу, вниз, по ногам. Снова вверх. Обхватывает член ладонью, оттягивает кожицу. Гинтоки кажется, что он чувствует дыхание на головке. И постепенно оцепенение начинает покидать его тело. Знакомые движения рукой,

знакомый темп. Тот, что надо. Они столько раз делали это друг другу… Но каждый раз – не такой как прежний, почему?

Открыв глаза, Гинтоки смотрит вниз. На тёмную короткую шевелюру. Обхватив голову Тоширо, даёт время приготовиться – и вводит в приоткрытый рот член, чувствуя, как скользит по нему язык, как головка трётся о нёбо. Как узкое горло не желает принимать его глубже. Как пальцы Тоширо сдавливают запястья.

«Понял. Хватит.»

Зубы только пару раз слегка задевают уздечку, напряжение нарастает толчками, каждый из которых может стать крайним – но Гинтоки в последний момент поддаётся назад. И сперма брызгает Тоширо на лицо. Тот зажмуривается. А Гинтоки хрипло дышит и пытается не заржать. Снимает душ с подставки, включает воду и направляет ему на глаза.

– Сейчас-сейчас, извини.

Потом они находят силиконовое кольцо с шипами, Тоширо скептически смотрит на собственный перетянутый член, но послушно упирается в стену. А Гинтоки долго ласкает его языком. Пока собственный член вновь не становится твёрдым. Но стоит войти лишь на половину, как Тоширо вдруг насаживается рывком до конца. И глухо стонет в прижатый к стене кулак. Хватит ласк. Только трах – грубо, резко, быстро и глубоко. Заставляя хрипеть, дрожать, едва держась на непослушных ногах, чтобы всё-таки разрешить упасть на колени. А потом вытянуться на гладком полу. Позволить тереться об него изнемогающим членом.

Кольцо рвётся, и вода уволакивает его к решётке. Вместе с разводами спермы. Но Гинтоки не отпускает, входит снова и снова, но уже медленно, с оттяжкой, никуда не спеша. Пока тело под ним не успокаивается и не перестаёт содрогаться.

Второй раз они моются вместе, мочалки скользят по коже, по шрамам, по зажившим ранам – от пуль, ножей, ударов ногами и кулаками. Пусть это кажется глупым – два бывших военных нежничают как юные голубки, но разве это важно? Это их мир. И их чувства. Гинтоки вдыхает свежий запах ментола, шампунь даже на ощупь кажется ледяным, а волосы Тоширо жёсткие – как и всегда. Но как же приятно в них зарываться. И ощущать, как чужие пальцы вытягивают собственные патлы, строя замки из пены. Ругаться, когда та попадает в глаза.

Якудза? Полиция? Мир и война? Он сделает всё, чтобы эта спокойная жизнь продолжалась. И если Тоширо хочется заботиться об этом опасном мальчишке – пусть. Гинтоки тоже позаботится о нём. Только по-своему. А пока… пока просто хочется спать.

А об остальном он подумает завтра.

10.10.2017

Страница книги Единство. Возмездие. Тишина в интернете